

В. МЕЛЕНТЬЕВ

ГОЛУБЫЕ ЛЮДИ РОЗОВОЙ ЗЕМЛИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ДЕТСКАЯ
ЛИТЕРАТУРА»
МОСКВА
1 9 6 6

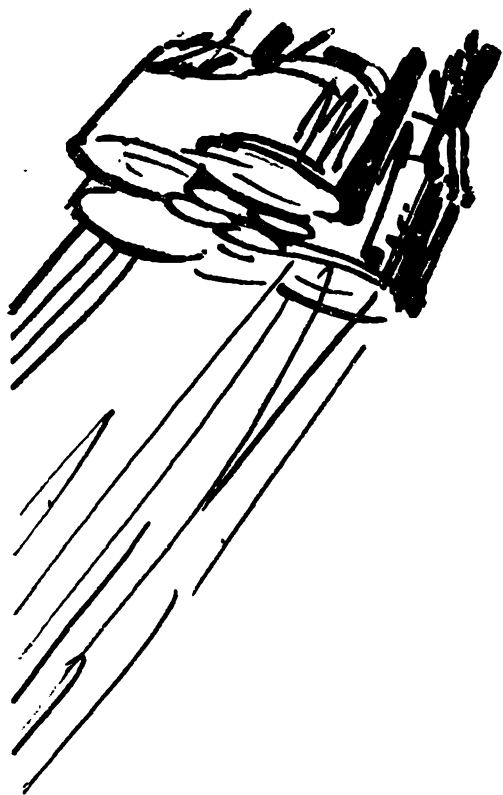
В. МЕЛЕНТЬЕВ

**ГОЛУБЫЕ
ЛЮДИ
РОЗОВОЙ
ЗЕМЛИ**

*Фантастическая
повесть*

*Рисунки
А. Елисеєва
и М. Снобелова*

Глава первая

СЛУЧАЙ НА ЗЕМЛЯНИЧНОЙ ПОЛЯНЕ

Когда Юрка Бойцов вышел на хорошо известную ему полянку — на ней всегда созревало много земляники, — Шарик уже топтался на месте. Он поднимал то одну, то другую лапу и повизгивал.

Юрка рассмеялся — таким смешным и растерянным был Шарик. Но потом... Потом Бойцов чуть не завизжал сам.

Нет, не от страха. Если он мог найти в себе мужество уйти из дому, и не как-нибудь, а честно, благородно, оставив записку матери и отцу; если, уже совсем уходя, он не забыл сдать в аптеку бабушкин рецепт и заплатить за него из своих очень

маленьких сбережений; если, наконец, он уже пробыл в лесу первую ночь и не побоялся ни криков ночных птиц, ни шорохов и потрескиваний, которые раздавались вокруг, значит, Юрий Бойцов мог завизжать не от страха. Страх в данном случае был ни при чем.

Визжать хотелось от восторга, от удивления и еще от чего-то-такого, чего и понять толком невозможно.

Но Юрий Бойцов был мужчиной. Настоящим мужчиной. Поэтому он только присвистнул. Шарик с готовностью оглянулся и помахал обрубленным хвостом.

«Не трусь, хозяин. Я сам боюсь»,— сказал Шарик на своем собачьем языке.

Юрий поправил рюкзак и солидно отметил:

— Здрово!

Шарик оглянулся два раза и хвостом уже не махал. Он покрутил своим обрубок так, что показалось, будто у него на месте хвоста установлен пропеллер. Потом Шарик поднял вверх мохнатую, веселую морду и отрывисто залаял. А когда смолк, то оглянулся и спросил:

«Я так тебя понял или не так? А, Юрка?»

Юрий Бойцов не ответил. Он еще не имел опыта в таких встречах и потому мудро промолчал. Известно, что когда настоящий мужчина попадает в необычные обстоятельства, он прежде всего должен оценить обстановку, а потом уж действовать.

Обстановка и в самом деле оказалась сложной.

На дальнем краю полянки неподалеку от лесной веселой речушки стоял обыкновенный космический корабль. Он был огромен, молчалив и матово-блестящ. И в этом, конечно, не было ничего удивительного.

Сложность заключалась в том, что на его полированных космической пылью боках никаких надписей не было, виднелись только суровые, как боевые шрамы, вмятины от встреч с метеоритами. А Юрий, как и всякий современный человек, отлично знал, что на бортах всех космических кораблей обязательно делаются надписи: название корабля, его порядко-

вый номер, герб или краткое название государства, которому принадлежал корабль.

— Тише ты! — прикрикнул Юрий на Шарика и задумался.

Корабль стоял строгий и как будто тоже задумчивый. Его острая вершина была устремлена в небо, и на ней вспыхивали алые отблески — всходило солнце.

Потому что на самой вершине корабля, как флаги, вспыхивали алые отблески, Бойцов подумал, что перед ним свой, советский корабль. Иначе чего бы он стоял так спокойно, даже безмятежно, совсем неподалеку от Юркиного родного городка?

Но, с другой стороны, за все последнее время не было ни одного сообщения о полете наших космических кораблей. И потом, если бы это был наш, советский корабль, вокруг и над ним уже наверняка бы кружились вертолеты, а к этой полянке мчались автомашины и вездеходы...

И иначе нельзя — ведь наши космические корабли все время держат связь с планетой и приземляются в том самом месте, которое укажут космонавту с командного пункта. Ведь космонавты — народ военный. Дисциплинка у них такая, что и на десять метров в сторону не приземлишься... И только тогда, когда приказано. И только так, как приказано.

Тут Юрий вздохнул, потому что вспомнил: как раз то же самое и теми же самыми словами часто говорил отец. Теперь, оказывается, он только повторяет эти надоевшие ему слова о дисциплине...

Чтобы не вздыхать — настоящий мужчина должен сдерживать свои чувства и всегда, при всех обстоятельствах жизни уметь владеть собой, — Бойцов стал думать о другом. Вернее, о том же самом, но по-другому.

Выходит, перед ним не советский корабль. Тогда чей? Американский? Ведь во всем мире есть пока что только две страны, которые запускают космические корабли, — СССР и Америка. Больше нет ни одной. Выходило, что перед ним стоял американский корабль.

С этим можно было согласиться. Сейчас утро, а корабль,

видимо, приземлился ночью — трава на полянке вокруг него еще покрыта дымчатым налетом росы. Если бы корабль приземлился недавно, он бы наверняка сдул, а то и испарил бы всю росу — у него двигатели о-ё-ёй какие! Значит, сел он ночью, может быть, даже потерял ориентировку? А положение, если космонавты заблудились и сделали вынужденную посадку, может быть и неприятное — вон какие вмятины от метеоров на обшивке.

Небось сидят сейчас в неизвестном для них месте, пытаются связаться со своим командным пунктом и сообщить о своем положении. Возможно даже...

И тут Юрка решил действовать. В самом деле, может, у людей несчастье, им нужна помощь, а он торчит на опушке леса, гладит Шарика и рассуждает.

Действовать нужно! Действовать смело, решительно, но осмотрительно!

Юрка снял рюкзак, повесил его на куст и прошептал:

— Шарик, за мной...

Они медленно двинулись через поляну. На дымчатой траве оставались две темные полоски следов — потревоженная роса стекала со стебельков. Над самой землей краснели ягоды земляники — крупной и такой пахучей, что Шарик не удержался от соблазна. Он стал отставать и, щелкая зубами, уплетал крупные, спелые ягоды.

Такой недисциплинированности Юрий простить не мог. Он оглянулся и прошипел:

— Ты что, не понимаешь?.. А ну марш вперед!

Шарик понурил голову, обогнал Юрия и уже не пытался выискивать ягоду покрупнее.

А ему очень хотелось есть. С тех пор как они ушли из дому, минуло полдня и целая ночь. И за все это время Шарiku перепала только подгорелая корочка хлеба, шкурка от колбасы да кусочек сахара: Юрий сэкономил запасы. Пропитание Шарiku приходилось добывать самому.

Дело дошло до того, что он был вынужден съесть несколько кузнечиков, одного мышонка, а на рассвете приняться даже

за ягоды. В свое время Юрка приучал Шарика переносить трудности и глотать эти самые ягоды.

Поэтому, чем бы ни был занят Шарик, он прежде всего думал о еде. Но еды, сколько он ни принимался, не обнаруживалось, и Шарик с тоской вспоминал такие же ясные, солнечные утра у себя дома, когда он, потягиваясь, вылезал из конуры, встряхивался, пил воду из кадучки, а потом копался в миске. Обыкновенно с вечера Юрина бабушка выносила ему великолепные остатки ужина. Те самые, оставлять которые до утра не имело смысла — все равно испортятся.

Принюхиваясь и поеживаясь от холодной росы, Шарик первый подошел к подозрительному космическому кораблю, горестно помотал головой, потоптался и поднял одну ногу. Юрка, конечно, был возмущен поведением несознательной собаки: впервые встретиться с чудом науки и техники и сотворить такое!..

Он прикрикнул на собаку, и Шарик виновато опустил ногу. Они стали медленно обходить корабль.

Как ни присматривался Юрий, ничего, кроме сплошной стены, он увидеть не мог.

Как ни нюхивался Шарик, от корабля распространялся только запах неизвестного металла.

Они все шли и шли, и оба не замечали, что движутся все неуверенней, все чаще останавливаясь; роса насквозь промочила Юркины ботинки, брюки стали тяжелыми и темными почти до колен. С шерсти Шарика — волнистой, белой с черными подпалинами — росная вода стекала струйками.

И Шарик и Юрка стали выколачивать зубами мерную, ровную дробь — солнце только всходило и утро было прохладным.

Когда они почти обогнули корабль, в кустарнике возле реки метнулись какие-то неясные тени и затаились.

Но сколько ни вглядывался Юрка в густой приречный кустарник — ничего подозрительного он не увидел.

Сколько ни нюхивался Шарик — никаких опасных запахов ему обнаружить не удалось.

Правда, как выяснилось позже, Шарик почудился доволь-

но сильный, ни на что не похожий запах, но он не придавал ему значения — в лесу часто бывает так: нанесет волна незнакомого запаха и, пока с ним разберешься, он уже исчезает.

Вот почему и мальчик и собака не стали слишком долго рассматривать приречные кусты. Ведь если бы там были космонавты, они наверняка бы увидели Юрку и Шарика и подали бы голос. Или, в крайнем случае, предприняли бы какие-либо действия.

Но все было тихо и спокойно. Собака и мальчик пошли дальше.

Корабль медленно, словно нехотя, разворачивал перед ними свои суровые, матовые, затаенно поблескивающие бока.

Солнце поднималось быстро. Его лучи, пробиваясь сквозь стену леса, как живые меняли направление, и потому корабль словно ожил — он то вспыхивал, то гас, то рассыпал разноцветные искры по мокрой траве, на которой росная дымка уже свертывалась в капельки. Все было так красиво и необычайно, что даже Шарик, прижимаясь к мокрым штанинам Юркиных брюк, присмирел и притих.

Наверное, поэтому выход из корабля открылся им совершенно неожиданно. Большая, с полукруглым верхом дверь была распахнута настежь. На фоне играющих алыми бликами стен она казалась мрачной и таинственной.

Юрий и Шарик смотрели в эту дверь, в странный, словно пронизанный зеленоватым светом сумрак за ней, прислушивались и принимались.

Оттуда, из сумрака звездных глубин, еле слышно пробивались непонятные звуки. Что-то сдержанно шумело, потрескивало и пощелкивало — настороженно и не по-земному обстоятельно.

Из распахнутой двери космического корабля шел необыкновенно теплый и сухой запах. Он тоже не был похож ни на что земное, разве только еле заметным привкусом машинного масла и жареного лука. Но в остальном запах этот был не то что неприятен, а как бы раздражающ. Так пахли, наверное, машины, химические приборы или оружие. Он был как

бы неживой, и в то же время он постоянно, но неуловимо менялся, и поэтому казалось, что он — живой.

Словом, это был запах неизвестной жизни.

Шарик пасторожился, поднял черный нос-пуговку, втянул в себя этот необыкновенный запах и, как замороженный, медленно подошел к распахнутой двери. Ступив на металлический порожек корабля, Шарик несколько раз ткнул мордой вверх и вперед, потом поднял переднюю лапу, напружинился и замер. Шерсть на нем вместе с колючками, иглами и репьями вздыбилась — он был готов к схватке с неизвестностью. В нем проснулась кровь его древних предков — охотников и бойцов.

Юрий тоже не мог устоять на месте. Он тоже сделал несколько шагов вперед и вдруг понял, что такого, что случается в эти секунды с ним, еще не случалось ни с одним мальчишкой не то что города, но, возможно, целой области и безусловно ни с одним человеком большинства стран мира. И тут сразу вспомнилось, что когда отец ругал его за очередные проступки, то обязательно подчеркивал: «Я в твои годы был уже...»

«Интересно, стоял ли отец в мои годы на пороге космического корабля?» — с гордостью подумал Юрий и выпрямился — до этого он двигался с плаской, слегка втянув голову в плечи и согнувшись.

Теперь он тоже был готов к любой схватке с неизвестностью, и эта неизвестность неудержимо влекла к себе.

Напружинившись, он взялся за притолоку. Под рукой обшивка корабля казалась теплой, почти живой. И это живое прикосновение обшивки заставило Юрку вздрогнуть.

Шарик оглянулся и уставился на Юрия темно-карими блестящими глазами:

«Ну что, хозяин? Пойдем? Где наша не пропадала?!»

Юрка сделал шаг вперед.

Шарик сделал сразу несколько шагов и остановился.

Сзади раздался еле приметный шорох, и Шарик оглянулся. Но стены корабля уже закрыли от него полянку и лес. Они вошли в коридор космического корабля.

Скорее всего, от неожиданности — пол коридора был совершенно гладок и даже как бы пружинил — Юрка споткнулся. А когда споткнулся, то понял, что гладкий пол уходит куда-то вверх и вбок.

Глаза постепенно привыкли к рассеянному, зеленоватому свету. Он был ровный, немигающий и совершенно одинаковый и на потолке, и на стенах, и на полу. Все излучало этот красивый и таинственный свет, и потому все казалось как бы ненастоящим. Таким ненастоящим, что Бойцов невольно оперся о теплую, ласковую стену.

Стена была настоящей. Юрий осмотрелся.

На внутренней стене коридора тускло и настороженно горели крохотные огоньки. Они словно подозрительно присматривались к мальчику и собаке. Юре показалось, что эти огоньки как бы перемещаются, косят, и ему стало не по себе. Но он сразу же взял себя в руки — настоящий мужчина не должен распускать нервы — и сделал несколько шагов вперед. Ноги слушались плохо. Они словно прилипали к гладкому полу. С каждым шагом пол все сильнее и надежнее притягивал подошвы Юркиных ботинок. Они стали сползать с ноги, больно врезаясь в пятку.

Бойцов приостановился. Огоньки на стенах сразу стали разноцветными, яркими. Они заметались, замигали. Шарик подался вперед, прижимаясь к Юркиным мокрым штанам. По стене стремительно пронеслась целая россыпь огней.

Сдержанный, не по-земному обстоятельный шумок, что постоянно жил в корабле, усилился. Что-то щелкало, шипело, настороженно постукивало, и наконец из глубины корабля донесся глухой, утробный звук. Он быстро нарастал и, кажется, проникал до самого сердца, потому что оно вдруг сжалось и затрепетало, как будто Юрка пробежал без передышки десять стометровок.

Одновременно с этим странным и страшным звуком, кото-

рый властно заполнил весь корабль, пол перед мальчиком и собакой плавно и легко поднялся и закрыл коридор неумолимой светящейся стеной. Дорога внутрь корабля была отрезана.

Выходило, что космонавты не принимали гостей. И это было так неприятно, что Юрка даже забыл думать о затрепетавшем сердце.

Было обидно: он спешил на помощь, волновался, собирался бороться с неизвестностью, а его не пускают. Как какого-нибудь подозрительного типа. Ну бывало, конечно, что ворвешься к кому-нибудь из товарищей, а там или уборка, или просто кто-то не одет. Всяко бывало... Но в таких случаях тебе вежливо скажут: «Подождите минутку». Да еще и извинятся. А тут молча закрывают дорогу — и катись куда тебе падобно. Очень обидно. Очень!

Обидеться сильнее Юра не успел. Поднявшийся перед ним кусок пола начал двигаться на него — очень медленно, но неумолимо. Вокруг что-то зашипело, и коридор заполнился клубами не то пара, не то каких-то совершенно непонятных

духов, которые были как будто бы и приятны, но в то же время от них першило в горле и на глаза навертывались слезы.

Светящаяся стена безмолвно надвигалась на него. Не то пар, не то духи обволакивали и проникали до самых печенок, и Юрий стал медленно пятиться.

Шарик жалобно тявкнул и выкатился на траву. Дверь звездного корабля медленно закрылась.

Юрка кашлял, вытирал нос и глаза, а Шарик обиженно повизгивал и мотал головой. Как потом выяснилось, из всех запахов, которые он учуял, его больше всего взволновал запах лука. Он знал, что раз жарят лук,— значит, ему может что-нибудь перепасть: ведь ему так хотелось есть. И теперь он больше всего жалел, что ему так ничего и не досталось.

И вдруг дверь так же медленно открылась, и из корабля поползли остатки духов или пара. Юрка и Шарик переглянулись: что это означает? Может быть, космонавты одумались, поняли, что они вели себя неприлично, и теперь сами исправляют ошибку — открывают дверь и приглашают войти. А может быть, они проделали всю эту обидную шутку только для того, чтобы проверить своих гостей?

И сейчас же подумалось: а вдруг космонавты больны и просто не могут выйти навстречу? Больны настолько, что вначале перепутали какую-нибудь кнопку на пульте управления и, вместо того чтобы пригласить гостей в корабль, выпроводили их, но теперь они поняли ошибку и просто умоляют войти. Ведь если бы в корабле были совершенно здоровые, нормальные люди, они обязательно бы вышли и постарались выяснить, в чем дело. А из корабля никто не выходил.

И Юрка ринулся в открытую дверь.

Казалось, что дверь не могла закрыться с такой непостижимой быстротой и точностью. Но она закрылась перед самым носом Юрия, и он с размаху стукнулся об ее теплый металл коленкой, лбом и локтем.

Теперь сомнений не было. Космонавты не хотели видеть именно его, Юрия Бойцова, и его верного друга Шарика.

— Ах, раз так, раз так!.. — разозлился Юрий.

Но в это время сзади недоумевающе твякнул Шарик. Юрий оглянулся — на полпути от реки до космического корабля, как раз посредине теперь заметной росной тропки, стояли четыре космонавта и смотрели на Юрия.

Шарик быстро взглянул на хозяина и нерешительно твякнул еще раз. Юрка не ответил. Он смотрел на четырех пришельцев и молчал.

Молчал, потому что это были какие-то странные, несерьезные космонавты. Прямо не верилось, что такие могут быть на самом деле...

Прежде всего все четверо были примерно одного роста с Юркой. А Юрке — двенадцать лет. Выходит, перед ним стояли мальчишки. Разве такие могут быть космонавтами?

Хотя... хотя, возможно, кто-то специально отобрал низкорослых людей, чтобы побольше поместить в космический корабль.

Но, во-вторых, все четверо были в комбинезонах и, главное, в шлемах. А шлемы эти не только казались слишком легкими, несерьезными, но были еще и тщательно закрыты.

Зачем космонавтам, гуляющим по росной траве, закрывать шлемы? Они по всем правилам должны открыть их, хотя бы затем, чтобы надышаться замечательным утренним воздухом, приправленным земляничным духом.

Наконец, комбинезоны четверых космонавтов тоже были несерьезны.

Бойцов видел по телевизору всех космонавтов, и все они были в настоящих, вызывающих уважение комбинезонах — солидных, просторных, со всяческими застежками и раструбами, как у мушкетеров. А на этих были надеты легонькие, прозрачные, слегка поблескивающие чехлы. Как те полиэтиленовые мешочки, которые покупает мать, чтобы хранить в них хлеб и овощи. Ведь такие комбинезоны можно разодрать о любой сучок или гвоздь. Нет, в таком мешочке в космос не полетишь...

Но сразу же подумалось, что вот у японцев, кажется, есть отличные пластмассы, а сами они — народ, говорят, не очень

рослый, но умный. Может, это и есть японцы? Может быть, они тоже построили космический корабль, запустили его, а Юрий о нем ничего не знал, потому что уже за день до ухода из дому не слушал радио и принципиально не смотрел газет — чтобы отец не ругал за то, что он берет его вещи.

И Юрка пожалел, что он не знает ни одного японского слова, кроме «самурай». Да еще непонятную приставку к каждому названию японских пароходов и шхун — «мару».

И он сказал то, что первое пришло в голову:

— Здравствуйте.

Космонавты переглянулись, но промолчали.

«Понятно. По-русски они не кумекают».

— Гуд монин... — не совсем уверенно проговорил Юрка: английское приветствие он слышал только в кино.

Космонавты опять промолчали и опять переглянулись.

«Ясно, английский тоже не для них. Тогда какой же?»

— Гутен морген! — совсем уверенно сказал Юрка, в школе он изучал немецкий. Но космонавты даже не переглянулись, и Бойцов растерялся.

Он взглянул на Шарика, и собака словно поняла его. Она поманила хвостом, приоткрыла пасть так, что казалось, будто она улыбается, и тихонько, почти незаметно тявкнула.

Четверо космонавтов переглянулись и, кажется, улыбнулись.

Юрку это обидело — здороваются с ними по-человечески, а они, оказывается, понимают только собачий язык.

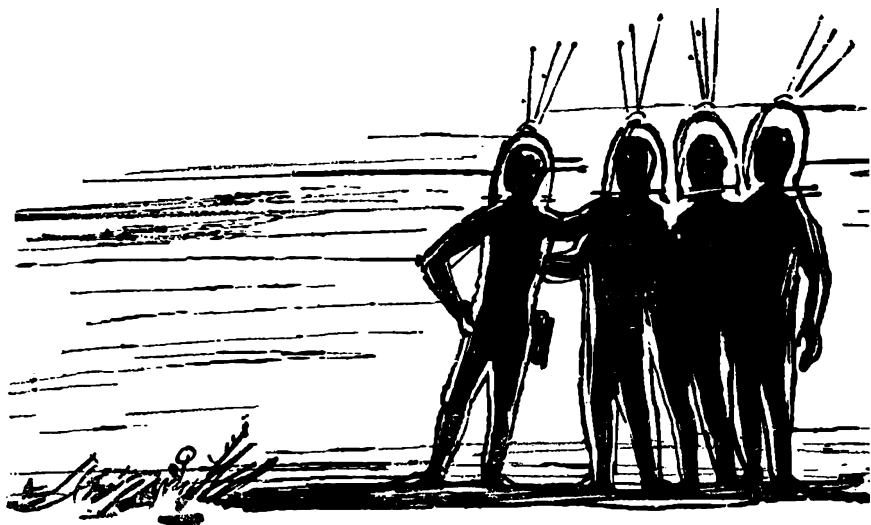

Тогда он гордо насунился и поклонился так, как это делал д'Артаньян — выставив вперед ногу и помахав перед собой рукой. Как это ни удивительно, а космонавты тоже поклонились, но руками перед собой не помахали. Они сложили руки ладошками и прижали их к сердцу.

«Ты смотри! Не то цейлонцы, не то индусы — те тоже руку к сердцу прикладывают. Что ж с ними делать? Ведь ихнего языка я и подавно не знаю».

Космонавты уже не казались ему слишком подозрительными, и, главное, им явно не требовалась помощь. Теперь Юрку разбирало любопытство, и он думал только о том, как бы завязать с ними знакомство и побывать на корабле. Поэтому он присмотрелся к ним попристальней, чтобы понять, какой подход к ним требуется.

Но вся беда заключалась в том, что солнце светило все ярче и как раз из-за спин космонавтов, насквозь пронизывая их несерьезные комбинезоны и шлемы, и слепило Юрия. Поэтому рассмотреть их лица Юрий не мог.

Как в таком случае должен был поступить настоящий мужчина? Если не удастся завоевать победу сразу, прямым ударом, он должен найти обходный путь, придумать какую-нибудь хитрость.

Юрий сделал несколько шагов в сторону и поклонился еще раз. Солнце как бы переместилось. Тогда Юрий продвинулся еще несколько шагов в сторону, поклонился и так, в поклоне, сделал еще несколько шагов. В эту минуту он был похож на токующего глухаря, который, распустив крылья, кружится на полянке вокруг противников.

Как это ни странно, но космонавты тоже поклонились и в поклоне прошли несколько шагов. Юрий мельком подумал, что они смеются над ним. Но решил не обращать на это внимание — ведь он делал свое дело.

Шарик тоже не мог понять, что делается на этой земляничной полянке. И когда космонавты в поклоне приблизились к нему, он поджал хвост и, недоверчиво оглядываясь, отошел в сторонку, сел и, подняв одно ухо и опустив второе, с интересом смотрел на словно танцующих людей. Такого он в своей собачьей жизни еще не видел.

Когда космонавты выпрямились и остановились, а восходящее солнце ударило им прямо в лица, Юрий немного растерялся и от удивления даже кашлянул. Оказывается, все четвере космонавта были голубыми. Представляете, руки, ноги, нос, уши — всё-всё голубое!

Конечно, не такое голубое, как, например, чернила для вечной ручки, нет, их голубизна напоминала небо в ясный летний полдень, когда оно словно перекалено, точно выцвело. В нем есть и знойное белесое марево, и золотистость солнечного света, и некая розоватость. Но все равно небо голубое. Вот такими были и космонавты.

Юрий отлично понимал, что они здоровые, сильные ребята: на бицепсах и на ногах у них выделялись крепкие мускулы. Но все они были голубые.

Голубые — и все! Ничего поделать с этим было уже невозможно.

И Юрий Бойцов перестал удивляться: удивляйся не удивляйся, а если люди голубые — значит, так и должно быть. Есть люди белые, есть черные, желтоватые и красноватые. А эти голубые. Ну и что из этого? Обидеться и не разговаривать с ними? Ерунда же!

Голубые — значит, голубые. Настоящий мужчина не будет придавать значение цвету кожи. Главное, какие они люди — стоящие или не стоящие. Свои, сознательные, передовые или, может, фашисты какие-нибудь? Вот в чем вопрос.

Глава третья

ПОХИЩЕНИЕ

Но вопрос не выяснялся, потому что космонавты упрямо молчали. Вернее, они наверняка переговаривались между собой; Юрий отлично видел, как шевелились у них губы, как они переглядывались, но ни одного звука ни Шарик, ни Юрий не слышали. Наверное, потому, что голубые люди были в особых шлемах, сквозь которые не проходили звуки.

Под прозрачными комбинезонами у космонавтов были самые обыкновенные трусы со множеством карманчиков и карманов и что-то вроде безрукавок, но тоже с карманчиками. И цвет их одежды был как будто бы и обыкновенный, земной, но оттенки цветов казались невиданными — то слишком яркими, режущими глаз, то, наоборот, блеклыми, словно вылинявшими на свету космических просторов.

А в остальном у них все было на месте, как у обычных людей. У кого нос курносый, у кого прямой. У кого глаза серые, а у кого черные, как переспевшие вишни. А у одного были большие уши. Почти такие же, как и у Юрки. Наверное, поэтому он смотрел на Бойцова особенно ласково.

Пока Юрий придумывал, как начать разговор с космонавтами, они стали медленно пятиться к открытой двери.

Только тут Юрий понял, почему космонавты тоже кружились в поклоне, как токующие глухари. Они, оказывается, про-

сто пробирались к входу в корабль! Когда Юрий и Шарик стояли перед дверью, голубые люди боялись, что их не пустят. Вот они и переманили обыкновенных земных жителей на другое место, чтобы никто не помешал им вернуться на корабль.

Выходило, что космонавты не просто негостеприимны и невоспитанны, но еще и трусливы.

Бойцов мог простить все, но только не трусость. Он пронизывающе посмотрел на каждого голубого человека по очереди и, выставив вперед правую руку, засунул левую в карман. Потом постучал мокрым ботинком по беззащитной землянке, презрительно усмехнулся и сказал Шарiku:

-- И это называется голубые люди! Смотреть противно...

Он вынул руку из кармана и медленно, слегка покачивая плечами, пошел к реке. Шарик поплелся за ним, оглянулся и покачал лохматой головой, как будто хотел сказать:

«Четверо на одного... Космонавты называется».

Пока Бойцов брел к реке, он, конечно, не видел, как спорили голубые люди и как тот, у кого были самые большие, как у Юрки, уши, сердито махнул рукой на остальных, сорвался с места и бросился к реке.

Он обогнал Юрия, нырнул в кусты и вышел оттуда с самодельным луком в руках, стрелами и двумя удочками. Придерживая все это богатство левой рукой, космонавт протянул правую Юрию. Губы голубого человека все время шевелились, а глаза сверкали: наверное, он что-то доказывал, но звуки словно растворялись в прозрачном шлеме.

Странно и непривычно было смотреть на красные губы на голубом лице. Но они как-то успокоили Юрку, и он глядел на космонавта уже не с таким презрением, как прежде, и наконец тоже протянул ему руку. Космонавт пожал ее, потом обнял Юрку за плечи и повернул.

Теперь возле двери стоял только один черноглазый голубой человек и улыбался. Юрка тоже невольно улыбнулся и, все так же раскачиваясь, словно нехотя приблизился к нему.

Черноглазый космонавт жестом предложил ему сесть на траву. Юрка взглянул на голубого человека с большими уша-

ми. Тот тем же жестом, но робко и как бы даже извиняясь за товарищей, тоже попросил его присесть.

Ну, когда люди просят по-хорошему — почему не пойти им навстречу?

Бойцов сел на траву, и двое оставшихся космонавтов пошли к двери. Но на пороге черноглазый остановился и показал рукой на лук и удочки. Наверное, они спорили о чем-то, потому что второй повернулся и, подойдя к Юрию, сел рядом. Черноглазый указательным пальцем постучал по шлему, и Юрка удивился — оказывается, и они знают этот жест: у тебя, дескать, в голове что — торричеллиева пустота? Вакуум? Космическое пространство?

Они еще о чем-то беззвучно спорили, и наконец голубой человек с большими ушами сдался. Он положил на колени Юрия свои удочки и самодельный лук со стрелами, а сам пошел в корабль.

К Юре подошел Шарик, потоптался и лег, исподлобья поглядывая на корабль. Делать было нечего, и потому Юрка стал выбирать растущую у самых ног землянику. Космонавты не появлялись, а земляники возле ног уже не осталось, и он отодвинулся дальше.

Земляника попалась крупная и душистая. Юрка неторопливо ел ягоды и думал о том, что космонавты ему попались совершенно непонятные. Как будто они не настоящие, серьезные люди, а дети, играющие в космонавтов. Зачем, например, им деревянный самодельный лук? Ну, удочки еще туда-сюда, даже взрослые ловят рыбу. Но лук, лук?!

Хотя... хотя в одном журнале он видел соревнование стрелков из лука.

Шарик испуганно тявкнул. Юрий оглянулся и увидел, что в гладкой, таинственно мерцающей обшивке космического корабля образуется отверстие. Обшивка не вспучивалась, не рвалась, не втягивалась внутрь — просто в ней появлялось отверстие. Оно росло и ширилось, и в нем явственно проступало прозрачное, голубоватое, поблескивающее на солнце пятно.

Юрий хотел бросить в рот только что собранную жменью ягод, но в это время дверь корабля открылась, а в отверстии над ним голубое пятно вдруг замахало руками — их звали внутрь корабля.

От неожиданности Юрка почему-то вспотел и растерялся. Он посмотрел на Шарика, сунул ягоды в карман и поднялся на ноги. Из образовавшегося в обшивке окна его манили уже два голубых человека.

И тогда Юрий вошел в корабль. За ним, опасливо пригнувшись, вошел и Шарик.

Едва они сделали несколько шагов по притягивающему ступни полу, как внутренняя стена корабля распахнулась и чьи-то сильные, но мягкие руки подхватили Юрку и Шарика и втащили в тесную, темную каморку. Сразу запахло тем удивительным, что однажды уже смутило Юрку, — не то духами, не то паром. Он сочился со всех сторон, шипел и поддувал в штанины. Чьи-то мягкие, очень осторожные, но сильные и в то же время не по-живому ловкие руки переворачивали Юрку, раздевали, терли и мяти.

От неожиданности он не сопротивлялся, молча перенося все передряги. По правде говоря, он просто не успел бы сопротивляться или кричать. Все происходило так быстро, его так переворачивало и крутило, что он просто не успевал собраться с мыслями и сообразить, в каком положении он находится — вверх ногами или на боку, в воздухе или на полу.

«Как в невесомости», — успел подумать только однажды Юрка.

Зато Шарик боролся за себя отчаянно. Он вырывался, норовил кого-то укусить, то лязгал

вубами, то пронзительно визжал, а разозлившись, начинал истошно лаять. Но ему ничто не помогало. Он, так же как и Юрка, кувыркался в воздухе, и чьи-то ловкие руки мяли его, расчесывали, чем-то опрыскивали, вытирали и опять опрыскивали.

В кабине медленно разливался зеленоватый свет, облака не то пара, не то духов быстро исчезали.

Дышать стало легче, но воздух все еще отдавал чем-то машинным и химическим. Даже запах жареного лука почти исчез.

Шарик вскочил на ноги, подпрыгнул, как на пружинах, оббежал всю кабину и, не разыскав ни малейшей щелочки, а не то что двери, так жалобно посмотрел на Юрия, словно хотел сказать: «Вот попали так попали! Что же теперь с нами сделают? Может, эти голубые люди настоящие собакоеды... или людоеды?»

Нельзя сказать, чтобы Юрию не приходили подобные мысли, но он сумел отогнать их.

Мужчина должен быть мужчиной и не терять бодрость духа ни при каких обстоятельствах.

Юрий нагнулся, потрепал Шарика по мягкой, шелковистой шерсти, вздохнул и сам начал обследовать стены кабины. Стены были по-живому теплые, светящиеся, но без единого шва, без единой царапинки. Как литые.

Как они сюда попали и как они отсюда выберутся, предположить было просто невозможно.

Глава четвертая

ЗЕТ, МИРО, ТЭН И КВАЧ

Тишина была такая совершенная и полная, что Юрий слышал, как скрипят гвозди в подсыхающих ботинках, как шуршит то поднимающаяся дыбом, то опадающая шерсть на Шарике.

И все-таки даже в этой тишине он не услышал, как ра-

зомкнулись стены каморки и перед ним открылась большая, ярко освещенная комната.

И снова неожиданность не позволила ни Юрию, ни Шарiku заметить, куда и как уплыли стены. Только что они стояли литыми и неприступными, без единой царапины и вдруг исчезли.

Посреди комнаты стояли четыре голубых космонавта, уже без комбинезонов и шлемов, и улыбались.

Юрию улыбаться не хотелось. После того что с ним сделали, впору было не улыбаться, а драться. Но он был в плену, и перед ним стояло четверо. А настоящий мужчина прежде всего должен соразмерять свои силы и не лезть на рожон. Но и унижаться настоящий мужчина не станет, даже перед превосходящими силами. Вот почему Юрий гордо выпрямился, опять отставил ногу и засунул левую руку в карман.

Однако космонавты не собирались нападать или издеваться. Тот, у которого были большие уши, первым подбежал к Юрию и протянул руку.

Юрий чуть поколебался, но пожал ее. Тогда голубой космонавт явственно на самом обыкновенном человеческом языке произнес:

— Зет!

— Чего-чего? — не понял Юрий.

Космонавт похлопал себя по груди и повторил:

— Зет!

Выходило, что он как бы официально знакомится и называет свое имя.

Не отвечать было неприлично, и Юрий похлопал себя по груди и ответил:

— Юрка! — подумал и уточнил: — Юра. Понимаешь? Их бин Юра.

Космонавт уперся в него пальцем и переспросил:

— Ихбинюра?

— Нет, — смутился Юрий. — Просто — Юра. Без их бин. Юра — и все.

Космонавт долго смотрел на Юру почему-то грустными

серыми глазами, потом вдруг обрадовался и, несколько раз ткнув его в грудь, закричал, оборачиваясь к своим товарищам:

— Юра! Юрка! Юра!

И трое космонавтов тоже стали улыбаться и дружно повторять:

— Юра! Юрка!

Зет нагнулся и, широко улыбаясь, протянул руку Шарику. Шарик смущенно покрутил обрубок хвоста, посмотрел на Юрия, точно спрашивая у него разрешения на знакомство. Юрий серьезно сказал:

— Подай лапку.

Шарик сел, разинул пасть так, словно и он умел приветливо улыбаться, застенчиво и кокетливо склонил набок ушастую голову и подал лапу. Юрий представил его:

— Шарик.

— О! Шарик! — сразу понял его Зет и с чувством потряс лапу.

Потом к ним по очереди подходили три других космонавта, пожимали руку и лапу и представлялись.

Голубой человек с курносым носом и зеленоватыми глазами назвался так:

— Тэн.

Второй, круглолицый, с толстыми губами и особенно голубыми щеками, долго тряс Юркину руку, вздохнул и сказал:

— Мир.

А третий, черноглазый, строгий и суровый, представился, как отрезал:

— Квач.

И при этом еще посмотрел на товарищей, как будто они должны были ощутить все величие этого имени. Но они почему-то ничего не заметили и только улыбались и топтались вокруг Юрки и Шарика.

Квач посмотрел на них, сдвинул густые брови и сказал несколько слов космонавтам. Они согласно закивали и бросились к стенам. А Квач отошел к той стене, на которой в рамке из блестящего металла поблескивали разноцветные кнопки.

Пока Зет, Миро и Тэн смотрели на перемигивающиеся огоньки в стенах, Квач нажимал на кнопки.

Все было как будто очень просто — ведь если есть космический корабль, то на нем обязательно должны быть кнопки, разноцветные огоньки контрольных ламп, приборов и тумблеров — крохотных переключателей. Без этого никакой космический — хоть настоящий, хоть фантастический — корабль, конечно, существовать не мог.

Станным показалось другое. На всех кораблях — настоящих и фантастических — обязательно были хоть какие-нибудь, но все-таки комнаты, кабины, помещения, а в них — всякие приборы: экраны, панорамы, пульта управления, кресла, столы и приборы, при-

боры... Всяческие приборы на всяческий вкус.

На этом корабле ничего подобного не было. Какая-то несерьезная доска с кнопками и блуждающие по матово-блестящим, теплым на ощупь и светящимся космическим зеленоватым светом стенам разноцветные огоньки, за которыми следили Миро, Тэн и Зет.

Нет, что бы там ни говорили, а ко-

рабль Юрию Бойцову попался под стать его хозяевам — явно несерьезный и даже не фантастический. Слишком уж он был гол и неинтересен.

- Бойцов даже вздохнул — так скучно все получилось.

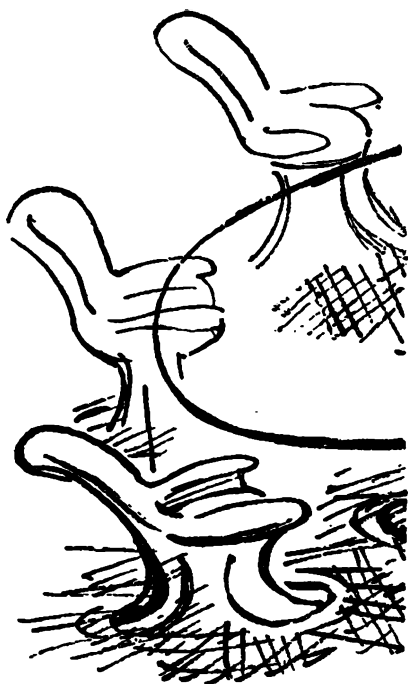
Вздохнул и вынужден был задержать выдох. То, что происходило на его глазах, было уже не фантастикой. Это было сказкой или чудом. Наукой это уже не назовешь.

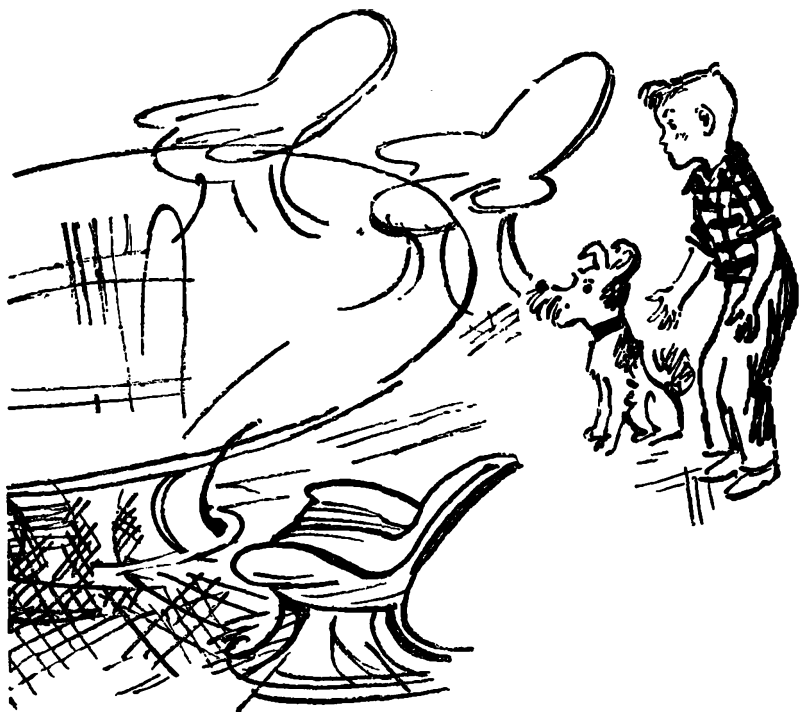
Такой ровный, такой уютный, слегка пружинящий под ногами пол вдруг стал вспучиваться, как будто из-под него стремительно вырастал огромный гриб посредине и целая семья грибочков

вокруг. Эта семейка быстро и неуловимо для глаза принимала вполне определенные очертания: из пола вырастал самый обыкновенный стол, а вокруг него — стулья.

Нет, не табуретки или какие-нибудь скамьи, а самые настоящие стулья — со спинками и даже, кажется, с мягкими или, уж во всяком случае, полумягкими сиденьями.

Все происходило в полном безмолвии и так стремительно, что Бойцов и Шарик только и могли что моргать широко открытыми от удивления глазами. Самое главное заключалось в том, что и стол и стулья не то что строились или выскакивали из каких-нибудь тайников или ниш, а именно вырастали из пола. И в то же время пол не проваливался, не

понижался — он был все такой же ровный, матово поблескивающий зеленоватым светом.

Когда столовый гарнитур вырос и окончательно оформился, он вдруг изменил свою окраску. Стол оказался приятного коричневатого-желтого цвета, а все стулья — разноцветными: алое, голубое, зеленоватое, как морская волна, темно-синее, розовое...

Как все это происходило, Юрка понять не мог и с надеждой посмотрел на голубых людей. Но тут оказалось, что чудо продолжалось — из стен, возле которых стояли космонавты, стремительно и красиво, как ветви дерева в замедленной киносъемке, стали отделяться не то кровати, не то диваны. То,

что они образовывались как бы сами по себе, было бы еще полбеды — Юрка уже видел, как вырастает целый гарнитур. Но то, что на кроватях-диванах, уже из них самих, появлялись подушки, было уже настоящим чудом. Они даже на вид казались мягкими и уютными.

И снова ни единой щелочки, ни единой выемки, только по-прежнему поблескивают на ровных молчаливых стенах блуждающие огоньки сигналов...

Квач обернулся и что-то сказал. Зет и Тэн побежали к той стене, у которой стоял Квач. Он щелкнул кнопкой, и стена бесшумно распахнулась. Тэн и Миро скрылись в светящихся сумерках космического корабля.

Зет обошел все стены, деловито проверил перемигивающиеся лампочки и что-то сказал Квачу. Тот солидно наклонил голову, потом озорно улыбнулся и пронзительно свистнул. Юрка удивленно посмотрел на него — космонавт, а свистит, как мальчишка, гоняющий голубей. И тут впервые в Юркино сердце закралось сомнение, и он пристально осмотрел обоих космонавтов.

Теперь, когда первые впечатления притупились и Юрка опять мог на все смотреть критически, как и подобает настоящему мужчине, он не мог не заметить, что оба космонавта очень молоды. Так молоды, что просто удивительно.

Ни единой морщинки у глаз или у губ, ни одного седого волоса. Алые губы чуть припухли, а глаза живые, суматошные... Если бы Юрка совершенно точно не знал, что в мире еще нигде не построено детской космической станции, он бы наверняка подумал, что перед ним его сверстники — парнишки лет по одиннадцать-двенадцать. Но он точно знал, что существуют детские технические станции, детские железные дороги, детские автомобильные клубы и даже детские пароходы, а вот космодромы, и даже аэродромы еще ни один народ для своих детей не создал.

И Юрий Бойцов несколько успокоился, хотя сомнения все еще смущали его.

Когда Квач свистнул, Зет не удивился. Он только засмеялся, а потом, доброжелательно, но лукаво взглянув на Юрку и Шарика, что-то сказал товарищу.

Квач кивнул и, озорно, победно поблескивая темными, чуть навывкате глазами, наклонился к космонавту и что-то стал ему говорить. По тому, как Квач нет-нет да поглядывал на Юрку и Шарика, Бойцов понял, что речь идет о них. И это было не очень-то приятно. Ведь каждому будет не по себе, когда говорят о нем, а он не знает, что именно. Вот почему и утверждают, что секретничать в компании — неприлично, а тем более секретничать, используя знание языка, который не понимают другие.

Но Юрка всегда был справедливым человеком, и, хотя ему было и неприятно, он все-таки подумал:

«А что же им делать? Они не знают русского языка, а я не знаю ихнего».

И все-таки на душе было беспокойно. Тем более, что Зет, все время посмеиваясь и покачивая головой, вдруг перестал улыбаться и, строго посмотрев на Юрку, видимо, запротестовал против какого-то предложения Квача. Но тот взял Зета за плечо и, наверное, уговорил товарища. Зет успокоился, кивнул и сейчас же вышел.

Шарик вскочил на ноги, взвизгнул и закрутил хвостом. В помещение вошли два других космонавта. Они толкали перед собой легкие колясочки из того же матово поблескивающего материала, что и стены космического корабля. На колясочках стояли тарелки, стаканы, бутылки, миски, и Юрка понял, что привезли еду.

Шарик так беспокойно завертелся у Юркиных ног, что ему стало даже стыдно за лохматого друга — голубые люди могли подумать, что он совсем не кормит собаку. Поэтому Юрка нагнулся и, поглаживая шелковистую шерсть, как маленького, уговаривал Шарика:

— Ну нехорошо же... Потерпи маленько. Выйдем на поляну, и тебе всю... нет не всю, но половину колбасы отдам. Не вертись!

Но Шарик, хоть и перестал вертеться и даже присел, все равно нетерпеливо перебирал передними лапами, то и дело взглядывал на Юрку и нахально облизывался.

Пока Миро и Тэн расставляли посуду на столе, вернулся и Зет. Он принес странные, похожие на радионаушники приборы, от которых тянулись тонкие провода, и положил их на выросшие по бокам комнаты диваны-кровати. Квач заговорщически улыбнулся и кивнул, а потом широко расставил руки и жестом хлебосольного хозяина пригласил Юрия к столу.

Юрий не знал, как поступить — сразу садиться или, может быть, немного поотказываться, чтобы голубые люди не подумали, что он такой уж голодный. Все-таки для соблюдения настоящего мужского достоинства следовало бы сказать что-нибудь вроде: «Нет, благодарю вас, я сыт». Или: «Ну, зачем такое беспокойство — мы уже завтракали». В крайнем случае, можно было сказать еще и так: «Да вы не беспокойтесь, ешьте сами». Юрка на минуту споткнулся: «А как сказать правильно: ешьте или кушайте?» И мысленно поправился: «Кушайте!» Но опять смутился — уж очень это самое «кушайте» было жеманным, каким-то ненастоящим. Поэтому он опять поправился: «Ешьте сами, а мы посидим, посмотрим...»

Ничего другого он не успел придумать, потому что Шарик взвизгнул и обиженно посмотрел на Юрку:

«Ты что ж, в лесу меня голодом морил и теперь собираешься отказываться? Имей в виду — я против! Если люди угощают — отказываться неприлично: подумают, что ты или задавака и трепач, или что ты брезгуешь, не доверяешь им».

Вот почему Юрий вздохнул и сел на тот самый зеленоватый стул, который ему показали.

Шарик сейчас же устроился рядом со стулом и поднял нос вверх. Но космонавты не спешили садиться. Они столпились возле Юркиного места и наперебой приглашали Шарика сесть

за стол. Только тут стало понятным, почему один — самый красивый, ярко-алый стул был выше и уже других: он с самого начала предназначался Шарiku.

Напрасно Юрка объяснял, что собака должна есть где-нибудь в уголке, в крайнем случае возле его ног, что Шарик не привычен к такой заботе и по своей неопытности может натворить что-нибудь не совсем приличное, — голубые люди были настойчивы. И как Юрка ни следил за ними, по всему было видно — разыгрывать его они не собирались. И Юрка усадил Шарика на ярко-алый стул.

Шарик всего несколько секунд был как бы смущен и растерян, но через некоторое время он повел себя так, словно всю свою собачью жизнь сидел в космических кораблях за одним столом с экипажем и ел с тарелок из неизвестного материала.

Завтракали чинно, благородно, с ложками и вилками. Но что-то Юрке не нравилось. Все было чем-то непохоже на то, что ему всегда нравилось. Всего, кажется, было вдоволь: где нужно — соли и сахара, а где требовалось — горчички.

И все-таки не было того настоящего вкуса, который бывает в доброй еде. И, прежде всего, не было хлеба. Дома Юрка мало ел хлеба — всегда было некогда. Утром, перед школой, он просыпал: хлеб есть некогда. Выпьет молока — и бегом. В обед — ребята ждут. Опять спешка. В ужин вообще наедаться не следует — так говорит наука. Получалось, что хлеб есть было некогда.

Но в перерывах между делами Юрка очень любил отрезать добрый ломоть, посыпать солью и съесть его где-нибудь на полдороге или на лавочке, болтая с приятелями. Тогда хлеб бывает настоящим хлебом — вкусным, пахучим, емким. А за обедом или завтраком он ведь вроде и неглавное. Так, обязательная нагрузка.

На завтрак в космическом корабле хлеба явно не хватало. Конечно, обойтись без него было нетрудно — были какие-то коржики, но хлеба все-таки не хватало. Вспомнилось, что есть народы, которые совсем не едят хлеба, — например, китайцы. Им хватает одной крутой рисовой каши, пресной и без запаха.

И тут Юрка понял, чего не хватало во всем том, что он ел и пил. Не хватало знакомого запаха. Все пахло очень приятно — не то духами, не то корицей с гвоздикой, но не было того доброго, сытного запаха, без которого самый прекраснейший завтрак или обед не может быть настоящим удовольствием. И тут вспомнилось, что ведь пахло же в корабле еще и жареным луком, а за столом этого запаха не было и в помине.

Пока Юрка ел и думал обо всем этом, Шарик не терял времени зря. Он сидел на своем высоком алом стуле, как король на троне, и за ним ухаживали невиданные голубые люди. Они накладывали ему на тарелку еду. Они подставляли ему стакан с питьем, а каким — ни Юрка, ни Шарик не знали. Правда, Шарiku так и не удалось напиться как следует — его морда не входила в стакан. Но поскольку за всю свою недолгую собачью жизнь Шарик не видел и не слышал, чтобы обыкновенная дворняга попадала в такой почет, ему было уже не до питья: он стал стесняться. Конечно, ему бы хотелось съесть не то что в два, а даже в три раза больше, чем ему накладывали — за прошедшую ночь он очень проголодался, — но теперь это казалось ему неудобным. И чем больше казалось, тем больше он стеснялся.

А голубые люди смеялись и гладили его по отмытой шерсти, говорили какие-то слова, которые Шарик, казалось, понимал так:

«Хорошая собака. Воспитанная собака».

Правда, как потом выяснилось, Шарика голубые люди называли не собакой, а другом, дружком, но в то время Шарик еще не знал языка голубых людей. Зато он умел понимать главное — что его называли хорошим и воспитанным, и поэтому стеснялся еще больше и старался есть поменьше.

Уже потом, через много дней, Шарик признался Юрке, что завтрак ему, может быть, и понравился бы, но вся беда заключалась в том, что ни на одной тарелке ему не попало ни одной косточки. Даже самой маленькой. А что же за еда без косточки? Вот когда наешься как следует, ляжешь где-нибудь в тени и начнешь обрабатывать настоящую мозговую кость — вот тогда это настоящая еда. А это? Что ж, хоть и на алом кресле, как на троне, а все равно настоящего вкуса нет.

Когда завтрак окончился, Юрий вежливо поблагодарил хозяев, а Шарик покрутил хвостом, но оба не спешили выходить из-за стола, потому что голубые люди повели себя как-то странно. Они опять сложили ладошки, прижали их к сердцу и поклонились сначала Юрию, а потом и Шарiku. Это было непонятно: они угощали и они же благодарили. Что нужно было: сделать в таком случае, Юрий не знал и сидел не шевелясь. И голубые люди тоже сидели и не шевелились, хотя всем известно, что после завтрака кто-то должен был убрать посуду.

Но убирать посуду никто не собирался. Зет только собрал остатки еды в одну миску и куда-то унес ее. А все остальные миски, тарелки, стаканы, вилки и ложки остались на месте. И это все больше смущало Юрия.

Может быть, в стране голубых людей иной обычай, чем в Юркиной? Может, гости там не благодарят хозяев за угощение, а хозяева гостей — за посещение? Может быть, в той необыкновенной стране не хозяевам полагается убирать со стола, а гостям? И то, что они с Шариком не собираются хотя бы помочь хозяевам, показывает, что они невоспитанны?

Смущенный Юрий посмотрел на голубых космонавтов и увидел, что Квач приветливо манит их из-за стола. И хотя все,

что делал Квач, было как будто самым обычным и не вызывающим никакого подозрения, Юрию почему-то стало не по себе. Может быть, потому, что плутоватые глаза Квача блестели особенно весело и он все время переглядывался с товарищами. А может быть, и еще почему-то...

Но, так или иначе, Юрий не спешил. А Квач все манил его. Даже Шарик понял, что сидеть за столом просто неудобно, и соскочил со своего алого трона. Пришлось подняться и Юрию.

Голубые космонавты взяли его под руки и подвели к выросшей из стены кровати-дивану, усадили, а сами отправились к другим таким же кроватям и тоже сели.

Впрочем, Квач сейчас же поднялся и, подхватив Шарика, попытался уложить его на свободную кровать. Шарик брыкался, выворачивался, и глаза у него были такими тоскливыми и недоуменными, что Юрий пожалел его и разозлился на Квача. Но голубой человек и сам понял, что с собакой он поступает не совсем правильно. Квач погладил Шарика, почесал ему за ухом, и Шарик успокоился.

Космонавты уже лежали на своих кроватях, и Юрий подумал, что раз у них на корабле, как в пионерском лагере, после еды полагается мертвый час, успокоился. Он посмотрел на Квача, и тот, сложив ладони, прижался к ним щекой. Юрий понял — нужно спать. И впервые решил, что дело это стоящее. Ночь в лесу была бессонной, и теперь, после всего пережитого и съеденного, у него покалывало веки.

Юрий лег, вытянулся и почти сейчас же уснул.

Он не видел, как космонавты осторожно надели ему на голову наушники, как, вдоволь помучившись, надели такие же наушники на задремавшего было Шарика.

Потом они улеглись по своим местам, и только один Квач остался возле доски со светящимися лампочками, тумблерами и кнопками. Все остальные спали в зеленоватом, словно предрассветном сумраке.

Спали и видели, вероятно, разные сны.

ТРЕВОГА НА КОРАБЛЕ

Когда потом, спустя долгое время, Юрий пытался припомнить — снилось ли ему что-нибудь в тот день или не снилось, выходило, что ничего не снилось.

Он спал как убитый — без сновидений и все время на одном боку. Он не видел, как часа через три после завтрака проснулся Шарик и с трудом, повизгивая и посапывая от напряжения, лапами содрал с головы прибор с наушниками и по очереди начал обходить космонавтов. Он умиленно крутил обручком хвоста, пробовал улыбаться и, кажется, даже пытался разговаривать, но у него ничего не получалось. Космонавты спали на своих диванах-кроватях и сладко посапывали. Даже Квач дремал на своем посту, в широком, выросшем из пола кресле.

Шарик взобрался на стол, просунул морду в стакан с питьем, но ничего хорошего из этого не получилось: морда не пролезала в узкие стаканы, да и питья в них оставалось разве что на донышке.

А ему очень хотелось пить. Так хотелось, что если бы не его стеснительный характер, он мог бы заскулить.

Обойдя помещение, обнюхав все стены и не найдя ничего подходящего, Шарик остановился перед открытой дверью и, заглянув в нее, принялся. Ему показалось, что оттуда, из глубины корабля, наносит знакомым влажным запахом. Шарик виновато помахал хвостом и, подумав: «Ничего не поде-лаешь — пить-то хочется», — несмело пошел по коридорам и переходам.

Он проходил мимо каких-то машин и приборов, со стен ему подмигивали разноцветные огоньки, слышалось приглушенное шуршание и гудение, пахло жареным луком и уже знакомыми духами, но воды не было, а пить хотелось все сильнее.

Шарик все шел и шел, пока не очутился в заставленном приборами, баками и бачками просторном помещении. На

стенах в прозрачных ампулах-сосудах поблескивали жидкости. Шарик с тоской посмотрел на эти прозрачные ампулы и понял, что достать из них жидкости ему не удастся.

Он уставился на эти жидкости— розовые, синеватые и бесцветные, как обыкновенная вода. И чем дольше он смотрел на них, тем больше ему хотелось пить, и поделаться с собой он уже ничего не мог.

Шарик вскочил на стол и, приблизившись к ампуле, ткнулся в нее носом. Она ничем не пахла, но под нажимом Шарикино носа подалась внутрь. Ампула оказалась не стеклянной, а пластмассовой, мягкой. Это, наверное, для того, чтобы на ухабах дальних космических дорог ампулы не разбивались... Но Шарик еще не понимал этого. Он видел и понимал другое. Перед ним за мягкой оболочкой была жидкость, по всем приметам похожая на воду. А он хотел пить. Так хотел, что за глоток воды с удовольствием отдал бы и свое красивое алое кресло и даже, наверное, кусок собственной шерсти.

И тут Шарика осенило: раз оболочка мягкая, значит, ее можно прокусить. Приноровившись, он нашел такое местечко, где дно ампулы, закругляясь, слегка выпирало, и начал грызть его. Но ампула не поддавалась, зубы скользили по ее оболочке, оставляя лишь маленькие черточки, которые тут же зарастали и исчезали.

Шарик пришел в бешенство — чистая, как слеза, влага переливалась перед его глазами, но в рот не попадала. Он заурчал и закрутил своим обрубком, как пропеллером, потом с тихим стоном приник к неподатливому материалу. И когда ему казалось, что уже никогда он не доберется до воды, она вдруг тоненькой струйкой полилась прямо в рот.

Конечно, если бы он не так хотел пить, если бы не так был раздражен первыми неудачами, он мог бы сразу заметить, что вода, которая лилась ему в раскрытую пасть, была совсем не похожа на ту чистую, как слеза, земную воду, о которой он мечтал. Эта жидкость была солоновато-горьковато-противная, с довольно странным и неприятным запахом. Но Шарик поначалу ничего не замечал.

Жидкость была все-таки жидкостью и утоляла жажду. А когда прошел первый приступ жажды и он понял, что содержимое ампулы не такое уж вкусное, было уже поздно. Во-первых, он уже не очень хотел пить, а во-вторых, жидкость перестала течь — стенки ампулы сами по себе затянулись пленкой, и теперь нужно было снова их прокусывать.

Поняв, что сгоряча он наглотался совсем не того, чего ему хотелось, Шарик очень испугался и заскулил. Но потом вспомнил, что на протяжении своей собачьей жизни ему приходилось пить не только из рек или ручьев, но и из луж, из грязных банок и мисок... Далеко не всегда в них бывала чистая и вкусная вода. Поэтому он легкомысленно решил: «А-а... Ерунда... Все обойдется!»

Именно в этот момент со всей очевидностью Шарик понял, что подумал он не по-собачьи. В его просветленной

голове метались непривычные мысли, громоздились странные понятия и неясные предчувствия. Это очень озадачило и смутило Шарика.

Стараясь не думать, он устало поплелся по уже знакомым переходам к кровати-дивану и лег. В животе урчала и переливалась странная жидкость. По телу расплозлась удивительная, никогда раньше не испытываемая, очень приятная ломота и лень. Непреодолимо захотелось спать, но не клубком, скрючившись, как Шарик спал чаще всего, а свободно вытянувшись во весь рост.

И он, еще не понимая, что с ним делается, повозился на кровати-диване, вытянулся, и тогда ему показалось, что тело у него начинает разбухать и приподниматься, а голова поэтому как бы проваливаться. Он поерзал, головой наткнулся на брошенный прибор с мягкими наушниками и улегся на него, как на подушку. Улегся и почти сейчас же уснул.

Но всех этих приключений своего верного друга Юрий не видел, как не видел их и Квач, сладко посапывающий в своем выращенном из пола полумягком кресле.

Но проснулись они — и Юрий и Квач — одновременно. По кораблю перекатывался низкий, утробный не то рев, не то гул.

Квач сейчас же бросился к доске и покрутил какую-то ручку. Не то гул, не то рев исчез, и чей-то ровный, спокойный голос произнес:

— Внимание! Считаю необходимым подать сигнал тревоги.

Голос говорил на совершенно неизвестном Юрию Бойцову языке — в этом не было никакого сомнения. Язык этот был певучим, с легкими переливами в конце слов. В нем или совсем не было, или было очень мало шипящих звуков, и потому, наверное, голос, казалось, не говорил, а пел.

В первые секунды Юрий не удивился. Он просто испугался: как-никак, а неизвестный голос предлагал объявить тревогу. Значит, кораблю угрожало что-то опасное и, главное, неожиданное. Юрий, как и подобает настоящему мужчине,

подумал прежде всего о надвигающейся опасности и приготовился ко всяким неожиданностям.

Но уже в следующую секунду он недоуменно отметил, что неизвестный голос говорил, пожалуй, на том самом языке, на котором говорили между собой космонавты. Но ведь этого космического языка он не знал. А теперь он прекрасно понял, что сказал неизвестный голос на неизвестном языке.

На лбу у Юрки выступила испарина. С ним творилось что-то неладное.

Может быть, он наелся какой-нибудь вредной для здоровья ерунды и теперь бредит наяву? Но ведь если бы он бредил, он не смог бы понять, что языка, на котором предупреждали об опасности, он не знает. Не смог бы удивляться. У него даже испарина не выступила бы — ведь он бредит.

А может быть, все это происходит во сне? Стоит только проснуться — и все станет ясным? Вероятно, ему очень хотелось узнать язык космонавтов, чтобы потолковать с ними о всякой всячине, и вот теперь это хотение обернулось трудным сном. Почти кошмаром.

Но как ни старался Юрий проснуться, это ему не удавалось, потому что он не спал. Хотя голова была тяжелой и шумела, но все было совершенно правильным и реальным: он стоял возле своей кровати-дивана, смотрел на Квача, который напряженно следил за показаниями приборов, видел безмятежно развалившегося на своем месте Шарика, видел спящих Зета и Миро, уже проснувшегося Тэна.

Тэн встретился взглядом с Юрием и спросил:

— ...такое?

Если бы Юрий совсем не понял вопроса, он бы решил, что он действительно бредит наяву. Но он услышал последнюю половину вопроса, причем произнесенную невнятно. Но все-таки услышал! Значит, он не бредил. Значит, либо Тэн сказал невнятно, либо сам Юрий плохо слышал. Но Тэн был, пожалуй, даже испуган и наверное говорил не шепотом. Значит... Значит, плохо слышал Юрий.

И тут только он догадался, что ему все время что-то мешало! Он пощупал свою слегка тяжелую шумящую голову и обнаружил на ней наушники. Он снял их, повертел и осторожно положил на диван-кровать. Как они попали ему на голову, понять или вспомнить он не мог.

В это время незнакомый, с металлическим отливом голос произнес:

— Летательный аппарат Голубой земли висит над кораблем. Принимайте решение. Принимайте решение. Программой предусмотрено либо уничтожение враждебно настроенных аппаратов местных обитателей, что делается лишь в крайних случаях, либо переход на нейтринный режим внешнего слоя оболочки.

— Включаю внешнюю связь! — крикнул Квач. — Даю нейтринный вариант!

Нет, теперь уже никаких сомнений не было: Юрий понимал язык голубых людей! Когда и как он выучился этому певучему языку, представить себе Юрий не мог. Но факт оставался фактом. Он понимал, что говорил неизвестный голос и что отвечал ему Квач. И что самое главное — он понимал смысл почти всех слов. Правда, «нейтринный вариант» был для Юрия понятен лишь наполовину.

Что такое вариант, в общем-то понятно, ну, вроде... Как бы одно и то же, но несколько различное. Например, задача может быть в нескольких вариантах. В одном случае турист идет и встречается с автомобилем, а в другом — автомобиль где-то встречается с туристом. А все равно нужно узнать, сколько прошел первый и сколько второй.

А вот что такое «нейтринный», Юрий не знал. Но он обрадовался как раз тому, что он не знал, что такое «нейтринный». Ведь если бы он понимал все, что говорят голубые люди, это могло ему просто казаться. Но если он понимал не все — значит, все остальное он понимал правильно. Исключение из правил подтверждало правило — выходило, что Юрий знал язык. Но когда и как он мог научиться неизвестному языку, да еще за считанные часы, узнать он не успел.

Одна из стен затрепетала и, как всегда это происходило на корабле, не распахнулась, а словно вошла в себя. На месте образовавшейся пустоты выдвинулся большой экран, очень похожий на телевизионный. На его отсвечивающей поверхности забегали стремительные прочерки. Потом они исчезли, и Юрий увидел верхушки леса, дымку над деревьями и далеко-далеко смутные очертания своего городка.

У него забилося сердце, и вспомнился родной дом...

На экране возник вертолет. Он, казалось, был совсем рядом, так близко, что Юрий видел даже лица прикинувшего к окнам экипажа.

Лица эти казались удивленными и растерянными, как у людей, которые что-то неожиданно потеряли или были внезапно одурачены.

Вертолет двигался рывками. Он то зависал в воздухе, и тогда экипаж крутил головами, рассматривая окружающее, то летел дальше, и тогда лица в его окнах исчезали — наверное, люди переходили к окнам на противоположном борту. Словом, экипаж вертолета поступал так, как поступают что-либо разыскивающие люди.

И Юрий подумал, что разыскивать могут и его — ведь идут вторые сутки с тех пор, как он ушел из дому. Отец мог обратиться в милицию, а милиция могла перекрыть все дороги, проверить все поезда и автомашины и, не обнаружив Юрия, обратиться за помощью к летчикам:

— Поищите в лесу. Нам известно, что Юрий Бойцов часенько пропадал в лесу.

И летчики могли выполнить эту просьбу — в городе уже был случай, когда они нашли заблудившихся в лесу грибников и вывезли их на вертолете.

Словом, это было вполне возможным, и поэтому Юрий подался немного в сторону — мало ли какая техника может быть на вертолете! Если так хорошо виден вертолет, то вполне возможно, что и его экипаж видит все, что делается в корабле. Сам-то корабль они, конечно, видят отлично. Такую громадину не увидеть невозможно. И если они все-таки что-то

разыскивают, то, уж конечно, не корабль, а, скорее всего, именно его, Юрку Бойцова.

Тут Юрка испугался по-настоящему. Он вспомнил, что шел к кораблю по росной траве. Значит, на поляне обязательно остались две полоски следов.

И хотя вертолет удалялся все дальше и дальше, на душе у Юрки было все тревожней. Он не сомневался, что летчики увидели их следы на траве и поняли, что Юрий и Шарик находятся на корабле. Сейчас они вернутся, доложат о своей находке, заберут его и Шарика домой... Тогда Юрке наверняка не поздоровится.

— Юрий! — услышал он голос Квача. — Какой вред может принести этот летательный аппарат?

— Какой аппарат? — не понял Юрий.

— Ну вот этот... что улетел.

— При чем здесь вред? — удивился Юрий. — Это же самый обыкновенный вертолет. Пассажиров возит, грузы. Разведку производит и всякое такое.

Квач помолчал, потом сурово спросил:

— Нам известно, что по уровню цивилизации на вашей Голубой земле возможны и враждебные действия. Например, нападения и эти... самые... как же их... забыл совсем... ну?

— Чего — ну?

— Да вот забыл. То же, что нападение, но только когда убивают друг друга.

— Бандитизм, что ли?

— Да нет. Хотя, может, это так и называется? — Квач потер лоб. — Ага! Войны! Вот как это называется.

— Ах, войны! Так это не у нас. Это у капиталистов. В капиталистическом мире, — поправился Юрий. — Там в самом деле вертолеты воюют против партизан в джунглях.

Квач задумался, хотел что-то спросить, потом махнул рукой.

— Нет, сразу всего я, конечно, не пойму. Да и некогда. Скажи только одно: у вас вот здесь, где мы стоим, эти самые вертолеты ни на кого не нападают?

— А зачем им нападать? На кого? — искренне удивился Юрий.

— Хорошо... Но принимать решение все-таки нужно.

— Какое решение? — не совсем уверенно спросил Юрий.

— Прежде всего, тревога.

Квач подошел к спавшим товарищам и растолкал их. Когда все собрались, Квач сказал:

— Друзья, поступило предупреждение о появлении летательного аппарата обитателей Голубой земли. Наш гость Юрий говорит, что их вертолеты никогда не нападают. И все-таки мы уже нарушили программу полета. Потом из-за своеволия Зета нарушили правила поведения на корабле. Что будем делать теперь? Взлетать или знакомиться с уже цивилизованными обитателями Голубой земли? Напоминаю, что наша главная задача заключается не в этом.

Космонавты молчали, а Зет тяжело вздыхал и ласково поглядывал на Юрия, словно хотел сказать ему: «Я, конечно, виноват, но ведь я это делал для тебя... Да и за своих стыдно».

Юрий еще ничего не понимал и потому только смотрел на космонавтов.

Наконец Миро сказал:

— Винить некого и незачем. В конце концов, лететь к Голубой земле предложил Квач. Но дело не в этом. Дело в том, что мы потеряли много времени и контролирующие приборы справедливо послали сигналы. Так что нам все равно достанется за нарушение программы полета.

— Это ясно,— вмешался Тэн.— Взлетать или не взлетать — вот в чем вопрос.

— Считаю, что нужно взлетать. И немедленно. Иначе роботы будут дополнительно загружены расчетами траекторий и начнут снижать скорости.

— А это значит, что мы опять потеряем время,— сказал Квач,— которое мы выгадали, когда взяли управление в свои руки.

— Правильно! А ты как думаешь, Зет?

Зет все так же мягко и несмело улыбнулся.

— Я думаю, что все правильно. Но мне так нравится эта Голубая земля. На ней так славно дышится... И потом... Потом, как быть с Юрием?

— То есть как быть с Юрием? — удивился Квач. — Мы очень рады знакомству... Но... не можем же мы взять его с собой. У него дом здесь. На этой Голубой земле. Так что...

— Это все правильно, — мягко произнес Зет. — Но знаете, ребята, когда я подключал Юрию обучающий аппарат, я нечаянно дал обратную связь. И мне показалось, что у него какие-то очень большие неприятности. Очень большие... Может быть, он расскажет нам все. И уж тогда мы решим.

— Выходит, ты подслушивал чужие мысли? — сурово спросил Мир.

— Но я же нечаянно, — заморгал Зет. — Случайно.

— Не будем спорить. Расскажи, Юра, что у тебя стряслось и чем мы можем помочь?

Глава седьмая

МУЖСКИЕ РЕШЕНИЯ

Юрий покраснел и потупился. Ему очень не хотелось рассказывать о своих неприятностях. Но еще больше не хотелось отступать — ведь он только что прикоснулся к самой большой тайне, которая когда-либо бывала на его Земле, той самой, которую космонавты называли Голубой. И, вероятно, называли справедливо. Он сам читал, что из космоса его родная Земля кажется голубой и зеленой. Об этом писали земные космонавты. И это же самое увидели...

Нет, теперь сомнений не было — перед ним за столом сидели именно незнакомые космонавты. Они прилетели с какой-то другой планеты и теперь спешили еще дальше. А раз так — можно им рассказать все по-честному: все равно на Земле никто ничего не узнает.

Но, с другой стороны, единственным представителем Голубой земли на корабле является Юрий. Шарика можно не

считать. Значит, по поведению Юрия люди другой планеты будут судить о всех жителях Земли — белых и черных, желтых и краснокожих, коммунистах, капиталистах и неприсоединившихся. В эти критические минуты Юрий отвечал за всю Землю! Один за всех!

И первое, что он хотел сказать, было: «Ничего особенного со мной не произошло. Никаких неприятностей».

Но если он скажет так, то хоть и спасет одну сторону чести землян, но зато уронит другую. Ведь при этом он должен будет соврать.. А что может быть противней лжи? Нет, настоящий мужчина никогда не унижится до лжи. В крайнем случае, он промолчит, но не соврет. Правда — вот девиз настоящего мужчины. А для того чтобы принять решение, настоящий мужчина должен знать как можно больше. И поэтому Юрий спросил:

— Слушай, Зет, а почему вам важно знать, какие у меня неприятности?

— Потому, что, может быть, мы поможем тебе.

— Вряд ли...— сомневаясь, покачал головой Юрий.— У меня ведь они... личные. Их можно просто не понять.

— Ну знаешь ли!..— рассердился Миро.— Можно подумать, что ты какой-то особенный. Неповторимый.

— И потом, откуда ты знаешь, может быть, и у нас такие же или, вернее, похожие неприятности? — мягко сказал Зет, и все переглянулись.

Юрий задумался. В самом деле, что он знал о голубых людях? Ровным счетом ничего. Так почему он должен думать, что они плохие и поймут его неправильно? Может быть, потому, что сам он чувствовал, что поступил неправильно, и теперь стыдится собственных поступков? Но голубые-то люди тут ни при чем.

— В общем, так, товарищи. Мы поругались с отцом. И я ушел из дому. Вот...

— Та-ак... Почти понятно,— усмехнулся Квач, и все опять переглянулись.

— Теперь давай уточним. Почему ты поругался с отцом?

— Понимаете, отец все время меня ругал, что я ни о чем не думаю, что я... бездельник. Что он в мои годы уже работал и учился, а я даже учиться как следует не умею... или не хочу. И еще он говорил, что я безвольный, бесхарактерный и настоящего мужчины из меня никогда не получится. Ну вот... Сколько же можно терпеть оскорблений? Я разозлился и ушел.

— Что же ты собирался делать после ухода из дому? — допытывался Мир.

— Не знаю... Вернее, знаю... Но... — Юрий опять вздохнул и покраснел так, что сам понял: в сущности, он был очень смешным и глупым человеком, когда принимал такое решение. — Но я собирался пожить немного в лесу, пока меня не перестанут искать... А потом пойти работать. А вечером — учиться.

— А у вас учатся вечером? — удивился молчаливый Тэн. — Странно...

— Нет, учатся и утром и днем. Словом, кто как хочет.

— А ты хотел вечером?

— Да.

— А отец хотел, чтобы ты учился утром?

— Нет, дело не только в этом. Мне просто надоело быть маленьким. Понимаете? Все время маленьким! И то нельзя, и это невозможно! И я всегда виноват. Как будто взрослые во всем везде раз и навсегда правые, а я, потому что еще не успел вырасти, обязательно виноват. Мне это надоело. И я решил быть взрослым! Пусть... маленьким, но — взрослым! А что? — сразу став сильным и решительным, спросил Юрий у молчавших и почему-то радостно переглядывающихся космонавтов. — А что, в конце концов? Буду работать и учиться, как это делают взрослые! Буду поступать так, как я считаю нужным. И не буду вечно просить разрешения. Раз отец в мои годы мог работать и учиться — так я не хуже его! Если он ничего и ничего не боится, так и я не хуже. Вот потому я и ушел из дому. И никаких неприятностей у меня нет.

Космонавты стали словно родней и ближе. Они сгрудились

вокруг Юрия и, кажется, даже полиловели — наверное, у них так проявляется румянец,— и глаза были добрыми и суматошными.

— Тао! — воскликнул Миро.— Тао! ¹ И здесь Квац прав, и нечего на него сердиться. Каждому надоедает вечно быть маленьким. Особенно если есть голова на плечах, а руки крепкие.

— В конце концов, все совершенно правильно,— миролюбиво согласился мудрый Тэн.— У Юрия точно такая же история, как и у нас. Но, конечно, с поправками на уровень цивилизации.

Юрий с удивлением посмотрел на Тэна, но спросить, почему у них такая же история, не успел, хотя, честно говоря, у него мелькнула странная мысль: «А может быть, эти космонавты на самом деле вовсе не космонавты, а просто сбежавшие из дому мальчишки?.. Украл космический корабль — и сбежали. Ведь и в самом деле нужно делать поправку на уровень цивилизации».

— Как вы думаете,— вмешался Зет, и кончики его больших ушей полиловели,— может быть Юрий нашим настоящим товарищем или не может?

Все примолкли, присматриваясь друг к другу и к Юрию, словно заново оценивая и себя, и его.

У Юрия почему-то забилося сердце и мысли словно исчезли. Но он чувствовал, догадывался, что именно сейчас, в эти секунды решается его судьба. Пришло время принимать настоящие мужские решения. А у него билось сердце и сразу пересохло во рту.

«Спокойней...— твердил он себе.— Спокойней!»

Густой, с металлическим оттенком голос заполнил весь корабль:

— Внимание, внимание! Летательный аппарат местных жителей снова приближается к кораблю. Напоминаю, что

---

¹ Та о — непереводимое выражение. На языке голубых людей оно означает примерно то же, что и «точно», «совершенно верно», «правильно», «будь здоров», «конечно» — возглас согласия и утверждения.

нейтринный режим вызывает усиленный распад внешней оболочки. Принимайте решение. Принимайте решение.

И Юрий и голубые люди обернулись к экрану.

Вертолет, теперь уже совсем иной конструкции — тяжелый и мощный, быстро и неумолимо приближался к земляничной поляне. Над ним радужным кругом вращался винт. Казалось, что он перемешивает пронизанный солнцем воздух и каждая струйка этого густого, пропахшего летом и земляничкой воздуха отражает полуденное жаркое солнце. А под вертолетом трепетали и изгибались от воздушных потоков остроконечные, как пики, верхушки елей, курчавились листвой нежные вершинки берез. Все было необыкновенно красиво и в то же время сурово и мужественно.

— Слушай, Юрий! Мы с тобой вполне согласны. И мы тебя понимаем. Хочешь — летим с нами.

— Куда... летим? — еле выговорил Юрка, потому что сердце у него билось как сумасшедшее.

— Летим туда, куда летим и мы. К новым мирам! К новым землям!

— Ребята... товарищи... я... не знаю...

— Тумус! — крикнул Миро. — Ты просто настоящий тумус. Нужно же быть последовательным. Раз решил доказать, что ты настоящий мужчина, — значит, доказывай. Соглашайся!

— Да... но...

— Чего там «но»! — закричал мудрый Тэн. — Ты рассуди. У тебя отец летал в космос?

Юрий уже не мог ворочать языком. Он только отрицательно покачал головой.

— Вот видишь. А вообще с вашей планеты кто-нибудь летал в космос?

Юрий кивнул.

Это несколько смутило голубых людей, но Тэн сейчас же нашелся:

— А в другие солнечные системы?

— Нет...

— Вот видишь! А ты полетишь. Понимаешь — ты будешь первым на своей земле межпланетным космонавтом!

— Но, ребята, а как же... как же...

— Не трус! — сказал Миро. — На обратном пути из экспедиции мы привезем тебя на твою Голубую землю.

Юрий никак не мог принять мужского решения. С одной стороны, конечно... Полететь в настоящий космос. К другим планетам. Это... Да что говорить!.. Но, с другой стороны, как же родные? Товарищи? Милая Голубая земля?.. Это тоже, знаете...

Юрий то краснел, то бледнел и топтался, сам того не замечая, на одном месте.

---

¹ Тумус — на языке голубых людей то же, что «чудак», «странный человек», не понимающий своей или общественной выгоды.

Квачу, видимо, надоела эта детская нерешительность. Он сурово сказал:

— Ты странный человек, Юрий. Ты вдумайся. Мы предлагаем тебе то, ради чего люди науки, ученые, путешественники согласились бы отдать жизнь. А ты колеблешься.

Юрий быстро взглянул на небо, потупился и задумался.

Квач был прав. Ничего не скажешь! Прав — и все тут. Потому что настоящий мужчина ради науки не пожалеет ничего. Даже собственной жизни. Ведь наука нужна не одному человеку, а всему человечеству. Может быть, даже не только тому, что живет сейчас на его родной Земле. Может быть, даже тому, что проживает на других планетах и еще ничего не знает, что существуют другие цивилизации. Не знает, так же как до сегодняшнего утра сам Юрий не знал, что существуют голубые люди.

Юрий с тоской и тревогой смотрел на экран. Вертолет завис, и струи золотящегося воздуха прижимали и будоражили верхушки деревьев. Они металась зелеными космами, дрожали и переливались. И было в этом что-то очень трогательное, но беззащитное. Как будто бы деревья страшились лишиться своего места на земле, под солнцем, как будто они старались и не могли убежать от свежих и мощных потоков солнечного воздуха.

«Но ведь я-то не дерево! — подумал Юрий. — Почему же я так держусь за это свое место на Земле! Ведь взрослый мужчина никогда не боится неизвестности. Он смело идет ей навстречу».

— Решай! — властно сказал Квач. — Мы тоже должны принимать решение.

Юрий не ответил. Он продолжал думать.

Да, тяжело и трудно расставаться с милой, родной Землей.

Да, тяжело и трудно расставаться с матерью, — теперь он почему-то думал прежде всего о матери.

Но ведь отец тоже расставался со своими родными, когда почти мальчишкой добровольцем уходил на войну. Разве ему обещали, что его доставят домой в целости и сохранности?

Нет! Он знал, что он идет, может быть, на смерть. Но он шел, потому что знал — его жизнь нужна всем людям, а значит, и его родным. И он шел.

А теперь его сыну предлагают рискнуть — рискнуть, чтобы исследовать неизвестное, раскрыть его для науки и, значит, для всех людей.

— Принимайте решение! Принимайте решение! — загудел металлический голос. — Летательный аппарат местных обитателей оснащен электронной аппаратурой и радиолокаторами. Мы не можем долго поддерживать форсированный нейтринный режим, и они неминуемо засекут нас. Принимайте решение!

— Юрка! Ну что же ты?! — взмолился Зет и прижал руки к груди.

Каким смешным и глупым показался сам себе Юрий, когда вспомнил, почему он сбежал из дому. Подумаешь, причина: обида на отца! Желание показать, что он уже не маленький. Тогда у него нашлись и сила воли, и решимость собраться и уйти из дому, уйти, да еще и понемногу злорадствовать:

«Вот, пускай поволнуются! Пусть поищут! Тогда узнают, как все время пилить и воспитывать!»

Тогда все дело было только в его болезненном самолюбии, в его упрямстве, от которых никому ничего хорошего не предвиделось. Даже Шарику. Ведь он морил собаку голодом чуть не целые сутки.

А теперь, когда голубые люди предлагали ему совершить настоящий подвиг, стать настоящим мужчиной, сделать доброе дело для всего человечества, он колеблется. Он волнуется так, что сердце колотится как овечий хвост. Нет, пожалуй, он и в самом деле еще не мужчина, а самый обыкновенный сопливый мальчишка, которого не то что наказывать, а прямо-таки пороть нужно, чтобы не задавался, не воображал из себя неизвестно что.

И такая обида пришла к Юрию, так он рассердился на самого себя, что высказать он этого не мог: голубые люди наверняка не взяли бы с собой такого растяпу и эгоиста. Поэто-

му он только вздохнул поглубже, вытянулся, как солдат, грудью встречающий настоящую, а не выдуманную опасность, и твердо сказал:

— Я готов, товарищи!

Зет подскочил, обнял его и приподнял.

— Юрка, ты настоящий парень! Квач, принимай решение.

— Внимание! — крикнул Квач. — Перейти на самый слабый полётный режим в атмосфере. Угол отклонения — сорок пять градусов. Внимание! Взлет.

Корабль стал медленно клониться набок. Со стола посыпались на пол чашки, миски и тарелки, но на них никто не обратил внимания. Как и все, Юрий бросился к стене и прижался к ней.

Корабль клонился все сильнее, и в это время в его утробе разлился ровный и все нарастающий слитный гул.

Что-то дрогнуло, пол под ногами не то что оторвался, а как бы отошел куда-то вниз, и тело Юрия стало на несколько килограммов легче.

Пол уходил все дальше и дальше. Тело становилось все легче и легче, и тогда Квач крикнул:

— Передаю управление для выхода на предстартовую орбиту!

Юрий явственно ощутил, что он как будто подпрыгнул и чуть-чуть повис в воздухе.

«Неужели невесомость?» — подумал он, но спросить об этом не решился. Все будет ясным в свое время. Теперь торопиться некуда и незачем. И так накопилось слишком много вопросов.

Глава восьмая

ОТГАДКИ ЗАГАДОК

На экране было сплошное темно-голубое, даже слегка фиолетовое пятно. Оно еле заметно изменяло свои оттенки и становилось то зеленоватым, то розоватым, но все-таки оставалось голубым.

В корабле что-то пощелкивало, гудело, и было такое впечатление, что все вокруг — и пол, и стены, и потолок, — все-все неуловимо перестраивается: принимает новый, более совершенный вид и очертания. Так незаметно для глаз менялись оттенки неба на экране — все вроде было так же, как всегда, и все-таки все слегка изменилось, становясь не таким, как секунду назад.

Но потому, что изменения эти происходили очень быстро, глаз и сознание не успевали отметить и осмыслить самую суть этих чудесных превращений.

Ясно было лишь одно — на корабле все становилось на свои места, уравнивалось и успокаивалось. Юрий не стронулся даже на сантиметр, а пол незаметно стал как бы стеной, а стена, возле которой они стояли все время, пока корабль кренился набок, постепенно становилась полом.

Никого из космонавтов эти превращения не интересовали и не волновали. Тэн только спросил:

— Не пора ли убирать надстройки?

— Подожди, — ответил Миро. — Пусть полностью уйдет крен.

— Да, — безразлично подтвердил Зет. — Ляжем на курс, и тогда...

Выходило, что корабль еще не лег на курс. Выходило, что он еще только набирает скорость.

Но если он набирал скорость, так невесомость должна увеличиваться. Уж что-что, а рассказы о космических полетах Юрий прочитал от корки до корки. А на этом корабле невесомость не увеличивалась. Тело хотя и стало более легким, но все-таки ни сам Юрка, ни окружающие предметы плавать в воздухе не собирались. Все они стояли или лежали на своих местах.

Теперь, когда Юрий научился говорить на языке голубых людей, когда он стал полноправным членом экипажа, он мог спрашивать все, что ему хочется, и иначе нельзя — если не узнавать нового, не разгадывать тайн голубых людей, зачем же тогда лететь? Вот почему, хотя Юрию и было немного

стыдно докучать расспросами новых товарищей, он спросил у стоявшего ближе всех Зета о самом простом и самом сложном:

— Слушай, а почему не наступает невесомость?

— О-о! Ты знаешь, что это такое?

— Конечно. Я же читал.

— Тогда очень просто — она не нужна. Она просто мешает. Она, наконец, вредна.

— Почему вредна? Ведь интересно...

— А... интересно... — покривился Зет. — Это только со стороны интересно. Или в первое время. А потом никакого интереса. Вечно то вещи плавают неизвестно где, то самого тебя занесет не туда, куда нужно...

— Но ведь невесомость — это как закон для космического путешествия.

— При чем тут закон? Все зависит от конструкции. Просто на нашем корабле установлено стабилизирующее устройство. Оно снимает часть невесомости. А часть оставляет.

— Выходит, получается полуневесомость?

— Верно. Именно полуневесомость. Она очень удобна и выгодна. При полуневесомости человек затрачивает в половину меньше энергии, чем при обычном положении. Значит, ему и есть нужно меньше, и кислорода он потребляет меньше.

Ответы Зета были как будто точными, но слишком уж краткими. Задумываясь над ними, Юрий понимал не все, и каждый ответ рождал новые вопросы. Конечно, будь он не на корабле, он бы не стал так настырно докапываться до самой сути. Но он понимал — нужно знать как можно больше, как можно полнее и все представлять себе как можно яснее. Иначе, возвратясь на Землю, он не сможет передать новые знания всем людям. И Юрий решил спрашивать, удобно это или неудобно, красиво или не красиво, спрашивать до тех пор, пока ему не будет понятна каждая мелочь.

— А почему кислорода меньше? — Юра сделал вид, что не сразу понял Зета.

— Ну как же — кислород поддерживает горение, химические реакции в теле человека. А раз нам нужно меньше энер-

гии, значит, реакции эти не такие сильные, долгие. Вот кислорода и нужно поменьше. А это выгодно в полете. Ведь на производство кислорода тоже нужна энергия.

Они помолчали, и Юрий решил докопаться до самой сути:

— Слушай, Зет, но ведь при невесомости кислорода и еды нужно еще меньше. Верно?

— Верно! — рассмеялся Зет. — Но ведь тут вот в чем дело — нам-то нужно развиваться. А развитие бывает только в преодолении трудностей. Знаешь, как в игре? Ведь играют не для того, чтобы что-то сделать, а для того, чтобы было интересно, чтобы в чем-то развиваться.

— Это как в спорте?

— Ну да! Ведь спорт — не работа. А спорт полезен, потому что он укрепляет и развивает организм. Но ты представляешь, какой же может быть спорт в невесомости? Никаких усилий, одно только изворачивание. Вот у нас и установлен полетный режим — половина невесомости. И развиваться можно нормально, и в то же время расход питания и кислорода много меньше. Экономия. — Зет посмотрел на озадаченного Юрку и, вздохнув, сказал: — Здесь, брат, всё по-научному. Всё думать нужно. Иногда это даже скучно. И тогда мы меняем режим. Или устанавливаем полную невесомость и тогда плаваем, а иногда, наоборот, увеличиваем силу притяжения и тогда живем, как живут на Земле. А иногда пускаем гравитационные машины на полную мощность и живем с перегрузкой. Тяжело, но интересно.

— Зачем же... перегрузки? Не выгодно же.

— Так ведь опять-таки тренировка. Ведь нам, может быть, предстоит высадиться на планетах с очень сильным притяжением, или, как говорят, мощной гравитацией. Если мы будем слабыми, нас раздавит гравитация, сомнет, ломает косточки. Вот мы и тренируемся. То недогрузка, то перегрузка. Нельзя иначе.

В самом деле, иначе, кажется, поступать нельзя. Все было правильно и все разумно. Космонавты могут попасть в самые невероятные положения и условия, и они должны готовиться

к этому, тренировать себя. А если необыкновенных обстоятельств не выпадает, зачем же им зря расходовать энергию? Нет, все очень правильно и продуманно.

Корабль, видимо, вышел на предкурсовую траекторию, потому что на экране опять появилась Земля — нежно-голубовато-зеленовато-дымчатая, в росчерках далеких рек, припудренная облаками. По краю этого красивого диска, там, где, по земным понятиям, должен был быть горизонт, струились разноцветные, незаметно переходящие одна в другую, очень красивые, можно сказать неземной красоты, полосы. Внизу, у самой планеты, они были темно-фиолетовыми, сквозь дымку различались огоньки не то далеких звезд, не то городов. Потом фиолетовая полоса переходила в сине-голубую, розовато-оранжевую и, наконец, растворялась в необозримом небе, необъятных просторах космоса.

Такой и запомнил Юрка свою родную Землю — голубовато-зеленовато-дымчатую, окруженную яркими разноцветными лентами, похожими на северное сияние.

— С этой высоты,— сказал, оборачиваясь, Квац,— твою планету еще не видел никто. Кроме нас, конечно.

— Почему же никто? — обиделся Бойцов.— А наши космонавты?

— Нет, Юра, я проверил информацию. Ваши земные космонавты еще не отрывались от Земли на такое расстояние. Но ты не сердись. Раз они уже однажды оторвались от планеты и побывали в космосе, они полетят дальше. Может быть, по нашим путям.

Тут Юрка спросил то, о чем он думал почти все последнее время, но не решался даже самому себе признаться в том, что он думает именно так. А вот теперь, когда Квац, сердитый и немного вызывающий, обратился к нему с такими хорошими, грустными нотками в голосе, Юрий спросил:

— Слушайте, а почему вы не захотели познакомиться с нашими людьми? Почему вы не захотели рассказать им о том, чего вы добились? Ведь вы бы могли здорово помочь всей Земле. Почему?

Тэн внимательно смотрел на возбужденного, покрасневшего Юрия, прямо в его широко открытые серые глаза. Остальные молчали и переглядывались.

— Видишь ли, Юра, пока что мы не имели права сделать этого. Везде и всегда нужна строгая дисциплина. А в полете тем более.

— При чем здесь дисциплина, если можно помочь людям!

— Ты хочешь знать все сразу...

— А почему, зачем нужно узнавать постепенно, если можно сразу?

— Логично,— засмеялся Зет.— В самом деле, ребята, мы бунтуем против взрослых и сами поступаем точно так же, как они.

— Я тебя не понимаю,— пожал плечами Квач,— ведь действительно Юрий просто не в силах сразу все понять. Нужно время.

— Вот-вот! — опять рассмеялся Зет и стал кого-то подразнивать: — «Не нужно спешить. Не забывайте ваш возраст. Все в свое время. Сейчас вам нужно только учиться и ни о чем не думать!» — Зет выпрямился и рубанул рукой. — А мы хотим думать! И не когда-нибудь, а сейчас! Вот и Юрий тоже хочет думать.

— Зет прав,— сказал Тэн.— То, что Юрий поймет, то ему и нужно сказать.

— А что он поймет? Вот в чем вопрос,— пожал плечами Квач.

— А он сам решит, что ему понятно, а что непонятно. Говори, Миро. У тебя получится лучше всех.

— Значит, так,— бодро начал Миро, как ученик, который вдруг забыл отлично выученный урок.— Ну... прежде всего микробы. Бактерии. Мы ведь не знаем, какие из ваших земных микробов опасны для нас, а какие нет. Причем, имей в виду, Юра, может получиться так, что для вас, землян, какие-то бактерии не только не вредны, а прямо-таки полезны, а для нас они смертельны. А есть ли у нас время, чтобы исследовать их? Конечно, нет.

— Как же вы решились меня впустить? Или вот Шарика,— кивнул Юрий на безмятежно посапывающего дружка.

— А ты вспомни... как тебя пускали...

Юра вспомнил. В самом деле, если разобраться, так в корабль их с Шариком не больно-то пускали. Один раз выставили механическим путем, а второй... Второй так протерли, так прополоскали, что до сих пор гудит в голове.

— Так это, что же, была не шутка?

— Какая там шутка! Когда вы вошли в корабль, срабатывали автоматические предохранители биологической защиты. И вас... попросили убраться.

— Постой, но двери же были открыты. Значит, в них проходил воздух, а вместе с воздухом и микробы.

— А ты заметил, что из двери все время шел запах?

— Конечно. Жареного лука.

— Не только. Но вот это вещество, которое отдает и жареным луком, само по себе убивает все микробы и вирусы. А вот второй раз, прежде чем пустить вас в корабль, обрабатывали в специальной камере. А когда вы стали стерильные, мы с вами и познакомились. Кстати, поэтому на прогулку мы выходили в легких скафандрах. Это не для красоты, а чтобы не подцепить какой-нибудь неизвестной болезни. Все понятно?

Чего ж понимать... Если такое дело — все правильно. Действительно, голубые люди могли и заболеть и даже умереть, не успев как следует познакомиться с землянами и передать нам свои знания. И запах жареного лука... Юрий давно знал, что лук, чеснок не только вкусные вещи, но и бактерициды. Одним своим запахом они убивают самые страшные бактерии. Бабушка всегда говорила: «Если простудился или живот заболел — съешь чесночку, понюхай лука, и все пройдет».

Словом, все было правильно, но что-то было не так. Что именно — Юрий не знал, но чувствовал: чтобы поделиться своими знаниями, можно найти и время и способ. Было бы желание.

Словно отвечая ему, Миро продолжал:

— Конечно, если бы мы просидели на вашей Земле недели

две или месяц, мы бы разгадали ваших микробов, изготовили бы против них лекарства, и был бы полный порядок. Но все дело в том, что мы вышли из графика полета. Следящие и контролируемые роботы уже передали об этом информацию на нашу Розовую землю, и мы наверняка получим нагоняй. А это, знаешь, не очень приятно. Даже в космосе. Вот почему мы просто не могли терять время и пошли на крайнюю меру — взяли тебя с собой. Ты теперь знаешь наш язык и вместе с нами будешь учиться тому, что знаем мы. А когда вернешься, все расскажешь и научишь своих товарищей нашему опыту. Вот и будет все в порядке.

— Кстати, Миро, я так и не пойму толком, каким образом я научился говорить по-вашему? Не умел, не умел — и вдруг сразу разговариваю.

— Так это же проще всего. Когда ты лег спать, мы надели на тебя обучающий аппарат и присоединили его к лингвистическому роботу. Он во сне задал тебе несколько вопросов, и ты, сам того не зная, ответил на них, — вот почему Зет понял, что у тебя неприятности. А когда роботы расшифровали строй твоего языка, им уже ничего не стоило ввести в тебя переводы твоих родных слов на наш язык.

«Неужели неизвестному языку меня обучали роботы, да еще во сне?!» — подумал Юрка.

— Лучше всего обучаться языкам как раз во сне, — продолжал объяснять Миро. — Это же не логическое решение задач или математических выражений. Тут нужно лишь запомнить значение слов. Роботы действовали на запоминающую систему твоего мозга и заставили ее вызубрить много слов. Не все, конечно, которыми мы пользуемся, но основные.

Загадки отгадывались просто, но от этого не становились простыми. В сущности, они оставались загадками. Ведь самого главного — как и почему делается все то, что происходит на корабле, — Юрий так и не понял и попросил Миро рассказать ему об этом.

— Э-э! Вот в данном случае действительно не все сразу, — ответил Миро.

— Но ты же сам говорил, что если можно сразу, так зачем ждать?

— Видишь ли, Юрий,— признался смущенный Мирон,— вся беда в том, что мы и сами знаем еще далеко не все как и почему. Но мы учимся, и я уверен, узнаем все!.. Или почти все.

Юрий не сразу поверил Мирону. Да и как поверить людям, которые летят на корабле, управляют им, а сами говорят, что они знают далеко не все? Одно из двух — либо голубые люди берегут свои тайны, либо они не считают Юрия способным овладеть самыми главными знаниями.

И так и этак было неважно... Ох как неважно! Но что-либо поделать с этим Юрий не мог еще и потому, что Квац громко и торжественно провозгласил:

— Приготовиться к разгону! — и уже совсем весело, как разбалабавшийся школьник, крикнул: — Зет! Принимай дежурство! Юрка, учись! Скоро и тебе придется дежурить.

Зет подошел к доске, посмотрел на нее, потом огляделся и поморщился.

— Еще никогда не было, чтобы Квац сдавал дежурство в полном порядке... — и неожиданно властно и строго приказал: — Стать по местам! Закончить преобразование! — и мягче добавил: — Приготовиться к обеду. Тэн, обучи Юрия работе на кухне.

Бойцов поморщился — обучение космическому вождению на космическом корабле, оказывается, начинается точно так же, как и на обыкновенных кораблях, — с кухни, с камбуза. Невесело, но, видимо, необходимо. Потому что кое-что нужно знать сразу, а кое-что постепенно.

Глава девятая

ШАРИК ЗАДАЕТ ЗАГАДКИ

Тэн не спешил на кухню. Он повернулся лицом к стене и внимательно наблюдал за перемаргиванием разноцветных блуждающих огоньков, изредка нажимая на еле заметные на ровном фоне стен не то выступы, не то кнопки.

Все на корабле пришло в еле заметное, ровное и настойчивое движение. Медленно и незаметно стали исчезать стол и полумягкие стулья. Они не проваливались в пол, а как бы рассасывались в нем. Медленно и незаметно вливались в пол и упавшие со стола во время взлета чашки и миски. Они не спеша, с достоинством теряли свои очертания, неотвратно поглощаясь полом.

Впрочем, теперь уже нельзя было сказать, что пол — это пол. На корабле все еще происходило неторопливое и размеренное перевоплощение предметов обстановки...

Только теперь Юрий понял, почему Зет скомандовал: «Закончить преобразование». Происходило именно неторопливое преобразование.

Те места корабля, которые перед взлетом по всем признакам были полом, теперь постепенно становились стенами, а одна из стен превращалась в пол. Но сказать это со всей точностью было невозможно.

В сущности, на корабле ничего не происходило. Стены, пол, потолок как бы текли, перемещались вокруг центра тяжести корабля, ни в чем не меняя ни своего внешнего вида, ни окраски. Все так же перемаргивались разноцветные огоньки, все так же от стен и пола исходил приятный, чуть пульсирующий зеленовато-синий свет — свет космических просторов.

И все-таки все преобразовывалось. Юрий даже не заметил, как и когда исчез наклон, и ему уже не нужно было опираться о стену, хотя порой ему и казалось, что его все-таки чуть клонит набок. Это смещение, наклон были бы гораздо сильнее, если бы не наполовину облегченный вес его тела и работа гравитационной корабельной установки.

Словом, все могло бы произойти незаметно, как и задумывалось, вероятно, конструкторами корабля, если бы не Шарик.

Он все время спал так крепко и так безмятежно, что о нем, в сущности, забыли. Когда наметился крен корабля и край его кровати-дивана приподнялся, он скатился к самой стене, устроился поудобней, пригрелся и засопел еще старательней.

Но когда на корабле заканчивалось таинственное преобра-

зование и кровать-диван вместе с подушкой тоже растворились теперь уже в полу корабля, Шарик пристроился на полу, спросонья взвизгнул и вскочил на ноги — лохматый, угловатый и смешной.

Юрий и космонавты рассмеялись.

— Ушибся, наверно...— сказал Зет.

Шарик посмотрел на него, как заметил Юрий, очень внимательным и совсем не похожим на собачий, серьезным взглядом и удрученно, отрицательно покачал головой.

Юрка смотрел на старого дружка и не мог понять, какие изменения произошли с ним.

А что они произошли — это было очень заметно: Шарик был не только взъерошен и как будто растерян, но, главное, он стал каким-то угловатым. Всегда веселый, кругленький, быстрый, сейчас он выглядел худым, давно не кормленным щенком. Явственно обозначились мослы на крупе и даже лопатки. И очень странные были у Шарика глаза — затаенные, растерянные. И в то же время в них бродило выражение недоумения, словно он прислушивался к самому себе и не мог понять, что с ним делается.

— Он просто хочет есть,— со смехом сказал Квач.

Шарик внимательно посмотрел на него, вздрогнул и вдруг униженно закивал головой, взвизгнул и стал тереться о ногу Квача, заглядывая ему в глаза.

Такого с Шариком не бывало никогда. Он был гордой собакой.

«Неужели я его довел до такого состояния? — подумал Юрий.— Но ведь если я и кормил его плохо, то ведь только одни сутки. А потом, на корабле, он все-таки поел. Что же с ним такое?»

Нет, Шарик как бы переродился. Все в нем было другое и непонятное.

— В самом деле, ребята, давайте скорее поедим — и начнем разгон. Юра, Тэн — на кухню!

Шарик радостно взвизгнул и помчался вперед. Он: ошибочно знал дорогу на кухню,

Это тоже показалось Юрию очень подозрительным и загадочным. Возможно, конечно, что Шарик обследовал корабль, пока Юрий спал,— пес он любопытный. Но как он понял, что нужно идти именно на кухню,— этого Юрий представить не мог.

Глава десятая **КУХОННЫЕ ЧУДЕСА**

На кухне кухни, собственно, не было. Были колбы и бачки, столы и кресла, какие-то машины под кожухами, и доска управления, и ящик с маленькими цветными не то бумажками, не то кусочками пластмассы.

— Вот мы и на месте! — радостно сказал Тэн..

Похоже, что он хочет поскорее научить Юрия колдовать на кухне, чтобы спихнуть на него свои обязанности.

— Смотри, как и что делается. Прежде всего нужно выяснить, кто и что будет есть. Мы, например, всегда готовим одно и то же для всех: меньше возни. Но, может быть, кто-то захочет чего-нибудь особенного. Ты запоминаешь, идешь на кухню и находишь карточку... ну, допустим, котлет.— Тэн и в самом деле вынул из ящичка пластмассовую карточку.— Ты вставляешь ее в преобразователь.— Тэн опустил карточку в прорезь стола.— Потом нажимаешь вот эту кнопку — и ждешь.

Тэн облокотился на стол, положил ногу на ногу и действительно стал ждать.

На приборной доске вспыхнуло несколько лампочек, в сосудах, баках и машинах что-то тихонько зашуршало и забулькало. А когда все стихло, из-под приборной доски, казалось прямо из стены, на стол выскользнула тарелочка с двумя подрумяненными котлетками. От них пахло мясом и еще чем-то, что в свое время уже удивляло Юрия,— незнакомым и не совсем приятным. Тех домашних, привычных запахов котлеты с собой не принесли.

— Вот и все,— сказал Тэн и, посмотрев на Юрия, удивил-

ся: — Ты чего морщишься? Разве у вас готовят по-другому? А может быть, тебе просто не нравятся котлеты? Тогда мы сейчас же сготовим что-нибудь другое...

— Да нет... дело не в этом, — замялся Юрий. — Маленькие они уж слишком... котлеты эти.

— Ах, маленькие! Но ведь можно сделать двойную или тройную порцию. Сколько хочешь.

— И запах... Настоящего запаха нет...

— А какой тебе хотелось бы запах?

— Ну.. например, жареного лука... Или чуть чесночка... Укропа, петрушки...

— Это же проще всего! — обрадовался Тэн. — Я, правда, не знаю, какие это запахи, но раз ты знаешь — мы сейчас же их сделаем. Говори формулу.

Юрий недоверчиво посмотрел на товарища, но промолчал: при чем здесь формулы?

— Ну что же ты? Ты не забыл формулу? Ну хотя бы основные элементы...

— Послушай, Тэн, ну при чем здесь формулы? Ведь это же запахи!

Теперь Тэн с недоумением и даже тревогой уставился на Юрия. Он чего-то явно не понимал. Чего, Юрий еще не знал, но догадывался. И догадка была для него такой неприятной. Он потупился и увидел Шарика.

Собака неотрывно смотрела на краешек тарелки с котлетами. Глаза Шарика горели мрачным, отрешенным огнем. Он ничего не видел, кроме этой тарелки. Он тянулся к ней всем своим взъерошенным мохлястым телом и от нетерпения перебирал передними лапами.

— Я тебя не понимаю, — паконец протянул Тэн. — Совершенно не понимаю. Разве у вас неизвестны химические формулы пищи? Как же вы ее готовите? Вслепую?

Юрий молчал, рассматривая Шарика и соображая, что же могло произойти с собакой. Оголодать так быстро и так бессовестно он не мог — прошло все-таки слишком мало времени. Что же с ним такое?

— Что же ты молчишь? Расекажи, как у вас готовят пищу. Неужели без формул?

— При чем тут формулы? — неожиданно разозлился Юрий. — Кому нужны эти самые формулы? Разве суп варится из формул? Или вот такие котлеты, — Юрий в сердцах толкнул тарелку с котлетами, и она проскользнула по столу к стене, — жарят на формулах?

— Нет... конечно, не на формулах... но...

— У нас это делается просто! — разошелся Юрий. — Берется мясо, проворачивается в мясорубке вместе с хлебом, луком, а кому нравится, и с чесноком и зеленью — петрушкой, укропом или киндзой, обваливается в сухарях и жарится на масле или жире. Вот и все.

Шарик не выдержал, тихонько, совсем по-синичьему пенекнул и встал на задние лапы, а передними оперся о край стола.

Когда он опять увидел тарелку с котлетами, то даже задрожал. Но на него не обратили внимания — разгорался спор. Только Тэн рассеянно погладил Шарика по голове и протянул:

— Во-от оно что... У вас, значит, кухня стоит на самом низшем уровне. Во-от почему ты не знаешь формул. И, наверное, не знаешь, что при таком способе приготовления пищи человеку приходится есть в десять раз больше того, что ему нужно, что усваивает его организм.

— Но зато вкусно! А у вас все... все такое... Неясное... — Какое именно, Юрий не уточнил: он еще плохо разобрался во вкусе голубых людей. — А вы что ж, из формул свои обеды готовите? Да? Ни мяса у вас нет, ни крупы, ни хлеба. Одни только формулы и эти самые... молекулы?

Шарик не выдержал. Он вспрыгнул на стол и сразу, одним махом проглотил обе котлеты.

От такой наглости Юрий прямо-таки опешил. Никогда за всю свою жизнь он не видел, чтобы Шарик позволил себе такое. Он всегда был очень воспитанной и застенчивой собакой. А тут!.. В гостях! На космическом корабле!!!

— Ты что делаешь?! — закричал Юрий, и Шарик, поджав хвост и прижимаясь животом к столу, умильно заморгал и тихонько заскулил.

Тэна совершенно не удивило это событие, и он взял из коробки несколько карточек и сунул их в приемник.

— Если хочет есть — пусть ест! — раздраженно сказал он. — А тебе я скажу вот что: ты действительно еще очень мало знаешь. Но раз ты знаешь, что такое молекулы и что такое атомы, из которых составляются молекулы, тогда дело поправимое. Вот видишь колбы, канистры, хранилища и все такое прочее? Видишь?

— Вижу. Ну и что?

— Так вот, в них хранятся не ваше мясо, мука или крупа, а молекулы белков, углеводов, витамины, всякие микроэлементы — магний, бор, йод, железо и все такое прочее. Пони-

маешь? Не целые продукты, а только молекулы и даже атомы, которые их составляют.

— Ну и что? Зачем возиться с молекулами и атомами, если проще взять обыкновенные продукты,— буркнул Юрий.

— Эх ты, тумус! — разозлился Тэн.— Как ты не понимаешь? Если бы мы брали с собой в космические путешествия готовые продукты, наш корабль никогда бы не смог оторваться от нашей Розовой земли — он весь был бы загружен продуктами. А мы берем только молекулы и атомы. И, когда нам нужно поесть, мы вытаскиваем... Ого! — с удивлением и уважением вдруг протянул Тэн.— Ты смотри, как он расправляется.— Тэн показал на Шарика.

Из стены на стол выскальзывали тарелка за тарелкой, и Шарик с жадностью, двумя-тремя глотками, не разжевывая, глотал все, что было на тарелках.

— Вот это проголодался... Кстати, ты знаешь, сколько он сейчас съел продуктов?

— Не знаю! Знаю только, что это — свинство! А ну, пошел вон! — прикрикнул Юрий на Шарика.

— Да не гони ты его. Раз хочет есть — пусть ест. Он сей-

час съел столько не очищенных от примесей продуктов, которыми питаетесь вы, сколько... Ну, примерно... Я еще не знаю, какая у вас мера весов, но треть того веса, что вешишь ты, он съел. А продуктов было немного — пять или семь тарелочек. Верно?

— Верно,— буркнул Юрий.

— Понимаешь теперь, какая экономия места и времени.

Юрий никак не мог представить себе, что Шарик съел такую уйму продуктов. Наверное, Тэн заметил его недоверчивый взгляд и предложил:

— Вот мы сейчас еще раз покормим Шарика. А ты смотри.

Тэн снова достал пачку карточек.

— Видишь на карточке отверстия? Каждое из них обозначает то или иное хранилище, в котором лежат определенные молекулы. А вот видишь — внизу черточки. Это команда-шифр. Они подскажут автомату, сколько чего нужно взять. А дальше — треугольнички. Это команда-шифр кухонному автомату: когда и в какой последовательности нужно смешивать и что делать со смесью. Варить, жарить, обрабатывать токами высокой частоты или ультразвуком и так далее. Вот и вся кухня.

— Послушай, а можно... можно сделать новую карточку, например на конфеты? Или на хлеб?

— Все-таки ты настоящий тумус. Я же тебя спрашивал с самого начала: ты знаешь молекулы? Если знаешь, сейчас же сделаем карточку любого съедобного продукта. И сейчас же попробуем. Знаешь формулы?

— Нет... не знаю. Мы еще не проходили,— с горечью признался Юрий — У нас химию только-только начали.— Юрий помолчал и с горестным недоумением протянул: — Формулу соли знаю. Воздуха — знаю. Воды — тоже знаю. А продуктов... нет, не знаю...— Юрка встрепенулся: — Но неужели вы знаете все формулы наизусть?

— Конечно... не все,— слегка смутился Тэн.— Разве ж их все упомянешь! Они ведь бывают такие сложные, что...

— А чего ж ты хочешь, чтобы я знал! — приободрился Юрий. — Но тогда выходит, что вы ничего нового приготовить не сможете. Дали вам набор карточек — и шпарьте. А нового выдумывать уже нельзя.

Тэн вспыхнул:

— Ну это ты брось! Мы можем определить формулу любого продукта. А определив — изготовить.

— Любого?

— Любого!

Юрий хотел было броситься к своему походному рюкзаку и тут только вспомнил, что он так его и не снял с кустика на краю полянки.

Глава одиннадцатая

САМОЕ ЗЕМНОЕ

С той минуты, когда корабль плавно оторвался от родной земли, Юрий ни разу по-настоящему не подумал, как и куда он направляется, не почувствовал, что с ним произошло и что произойдет. Все было словно понарошку, в шутку, которую можно по желанию прекратить и вернуться на свою милую землю, на свою привычную земляничную полянку. А если захочется, и в свой родной дом. Стоит только захотеть.

Но теперь, когда выяснилось, что рюкзак остался на опушке и хочет того Юрий или не хочет, а он все равно не сможет ни взять свой рюкзак, ни вернуться в родной дом, ни даже на родную Землю, — теперь Юрий не столько понял, сколько почувствовал, что он оторвался от всей прожитой жизни, и оторвался так быстро и так надежно, что на мгновение стало даже страшно. Глаза почему-то защищало, и в горле встал мохнатый комок.

Но Юрий знал, что настоящий мужчина, даже сделав ошибку, должен уметь держать себя в руках, быть сдержанным и собранным. Ведь он сам решал свою судьбу. Он сам забыл о рюкзаке. Он, и никто другой. Значит, нужно было держаться.

А держаться было очень трудно.

И Юрий сделал то, что делал всегда в трудные минуты жизни: засунул руки в карманы, чуть выставил вперед правую ногу и набычился. Ему казалось, что такая поза делает его мужественным и непримиримым. Почему, он не знал, но всегда, когда он засовывал руки в карманы и выставлял ногу, ему легче было справиться с собой.

Однако на этот раз Юрию не помогло даже это испытанное средство. Не помогло потому, что, когда Юрий засунул руки в карманы, в правом он обнаружил нечто мокрое.

Это было так неожиданно, что Юрий на мгновение обмер, а потом стремительно перебрал в памяти все события последних часов. Нет, ничто решительно не вызывало его подозрений.

Но в кармане было мокро. Юрий начисто забыл и о своей тоске по родной Земле, и о Шарике, который уже как будто нехотя разделялся с очередной порцией еды, и даже о Тэне, который, кажется, что-то говорил. Юрий держал руку в кармане, осторожно, как будто касаясь раскаленного металла, ощупывал простроченные швы и медленно краснел.

Нет, ничего страшного с ним не происходило и произойти не могло. И все-таки оттого, что карман оказался мокрым, ему было очень стыдно. Он словно невзначай осмотрел брюки, но ничего подозрительного не заметил.

— Давай, давай,— словно издалека донесся до Юрия насмешливый голос Тэна,— показывай, что у тебя в кармане.

Сам не зная почему, Юрий стал покорно вытаскивать правую руку и, склонив голову пабок, искоса, недоверчиво поглядывал на нее. И Тэн тоже склонил голову набок и тоже недоверчиво следил за этой медленно движущейся рукой.

Когда Юрий вытащил руку из кармана, оказалось, что пальцы испачканы в чем-то розоватом и липком.

Тэн с недоумением и, как показалось Юрию, с усмешкой посмотрел на него.

Юрий поднял руку к лицу, внимательно, как нечто необыкновенное, рассмотрел свои пальцы, понюхал и... рассмеялся.

Ему сразу стало так легко и так весело, что все заботы и печали исчезли.

— Земляника! — выдохнул он, решительно сунул руку обратно в карман и зачерпнул полную горсть мокрой массы. — Понимаешь, это земляника!

Теперь Юрка радовался так откровенно и так весело, что Тэн немного растерялся.

— Ну и что? — неуверенно спросил он. — Что ж тут такого?

— Ничего такого! Ничего! Просто... просто...

Но что именно просто, Юрий сказать не мог. Он радовался. Даже сам не зная чему, он радовался. Радость была такая большая и в ней было столько торжества, что Юрий не мог не подчиниться ей.

— Вот, Тэн, это земляника. Понимаешь — земляника!

— Хорошо, тао... успокойся.

— Нет! Зачем успокаиваться? Ты скажи — вы действительно можете сделать любой... продукт?

— Ну, я же тебе сказал... — обиделся Тэн. — Только ты не нервничай.

— Так вот — сделай землянику.

— Но что это такое — земляника?

— Земляника... Земляника... — торжественно и мечтательно протянул Юрий, — это, понимаешь... Это самая лучшая ягода на земле. Лучшая потому, что она земляника.

— Но я не вижу ягод, — усомнился Тэн, рассматривая буровато-розовую кашицу на руке Юрия.

— Неважно. Это они у меня в кармане раздавились. Но они были ягодами.

— Как же неважно? Нужен плод, настоящая ягода.

Юрий немного поостыл и, перебирая земляничную размазню, уже не так торжественно спросил:

— Неужели обязательно целую?

— Конечно. Ведь анализаторы не узнают, какую форму нужно придать твоей землянике.

Юрий полез в карман, покопался в его промокших, липких углах, потом вывернул карман наизнанку. Ему повезло —

маленькая спелая ягодка все-таки уцелела и, тронутая темными оспинками, доверчиво легла на стол космической кухни.

Юрка смотрел на нее с нежностью и любовью.

— Ты знаешь, почему земляника самая лучшая ягода? Нет, ты не знаешь этого! Она самая лучшая потому, что самая вкусная, самая душистая, самая красивая и самая скромная—она ведь живет у самой-самой земли и вбирает в себя все самое лучшее, что есть и в земле и над землей. И земные запахи, и земную сладость, и солнечное красное тепло. Недаром у нас на Земле во всех сколько-нибудь знаменитых тропических фруктах люди обязательно узнают запах или вкус земляники. И ананас, и манго, и все-все обязательно пахнет земляничкой либо отдаст ее вкусом. Понимаешь, земляника самая земная ягода. Сделай мне ее, Тэн. Пожалуйста, сделай. Ведь должно же быть в космосе что-нибудь земное, настоящее. Такое, что вбирает в себя всю землю. Сделай, Тэн! Сделай?

Тэн с уважением смотрел на маленькую алую ягоду, потом понюхал ее и наконец осторожно взял ее двумя пальцами.

— Ну-с, попробуем.

Он положил ягоду на ладонь и с вытянутой рукой пошел в дальний угол кухни. Наверное, ему впервые предстояло сделать анализ неизвестного продукта, и потому он казался серьезным и солидным.

Осоловевший от еды, Шарик смотрел ему вслед и лениво облизывался. Он был таким смешным и странным, что Юрий снова подумал, что с собакой творится нечто необыкновенное.

Тэн медленно открыл задвижку аппарата, чем-то похожего на огромную мясорубку, положил в горловину ягоду и задумался, как ученик, который перед ответом учителю вспомнит все, что он выучил. Потом осторожно включил несколько тумблеров и облегченно вздохнул.

Юрий настороженно следил за Тэном и рассеянно ковырял пальцем левой руки в уголке левого кармана, пока неожиданно не нащупал несколько сухарных крошек. Он вытащил их, рассмотрел и, немного подумав, отложил в сторону: если

на космическом корабле действительно умеют создавать любой продукт, так, может быть, удастся создать самый главный — хлеб? Или хотя бы сухарь?

Пока Юрий выискивал крошки, а Тэн выжидающе смотрел на тихонько пошумливающую машину-мясорубку, Шарик, покачиваясь от сытости, уныло бродил по кухне. Ему очень хотелось пить, а все жидкости по-прежнему поблескивали только в запаянных колбах. Шарик вздыхал и облизывался, но пока еще помалкивал.

Машина-мясорубка прекратила свою работу и вытолкнула пластмассовую карточку, а вслед за ней и ягоду.

— Ну вот,— облегченно вздохнул Тэн.— Теперь мы проверим твою землянику.

Он вставил пластмассовую карточку в отверстие космической кухни и приготовился ждать. Шарик подошел к нему и ткнулся мордой в ноги. Тэн рассеянно погладил собаку, и Шарик понял, что своего он не добьется. Тогда он ткнулся в Юркины колени. Юрий строго спросил:

— Ты чего?

Шарик смотрел на Юрия тем необыкновенным взглядом, который однажды уже поразил Юрия, и пытался издать какие-то странные, непонятные звуки. Но эти звуки не удовлетворили Шарика. Он сел, наклонился к полу и, высунув язык, стал щелкать им так, как он делал всегда, когда лакал воду там, на Земле...

— Пить хочешь? — все так же строго спросил Юрий.

Шарик вскочил, обрадованно покивал головой и с готовностью уставился на хозяина.

— Слушай, Тэн, он пить хочет.

— Еще бы,— рассеянно ответил Тэн,— столько слопать.

— А где у вас вода?

— Вон видишь кран? Налей ему, пусть пьет.

Юрий наливал несколько раз, и Шарик лакал с наслаждением. Но он не стал ждать, пока космической кухня наконец изготовит землянику. Шарик тяжело вздохнул, опять издал какие-то странные звуки, покивал головой, словно благодарил

за угощение или как будто он прощался с ребятами, смутился и улегся отдыхать.

Тэн проводил его взглядом и вздохнул:

— Что-то слишком долго не готовится эта... земляника.

— Что же этому мешает? — не без злорадства спросил Юрий.

— Наверное, в рецепте есть какие-то вещества, которых нет в готовом виде.

— Ну и что тогда? Ничего не выйдет?

— Нет, зичем же. Кухня дала команду на центральный химический пост, и эти вещества там сделают. — Тэн помолчал и торжественно закончил: — На центральном химическом посту сделают все. Абсолютно все.

Юрий не успел вымолвить слова, потому что из стены выскочила тарелочка с маленькой алой, с черными оспинками и тоненькими волосками, милой ягодкой земляникой.

— Ну вот! — облегченно вздохнул Тэн. — Проверь. Пробуй. Такая или не такая.

Ягода оказалась настоящей земляничкой. Только... Только и у нее был какой-то особый, еще непонятный не то привкус, не то запах космических просторов. Очень чистый, благородный, но... Но все-таки не очень вкусный. Но, видно, в этом были виноваты не космонавты и не их машины, а что-то другое, чего Юрий еще не знал. Может быть, сам космос. Потом они размножили карточку, и из стены вылетали целые тарелки ягод, и Тэн согласился, что земляника — великолепная штука.

— Может, у тебя есть еще что-нибудь? Давай создадим!

— Есть... Только я не знаю, сумеет ли ваша машина сделать и это...

— Сделает! — уверенно сказал Тэн. Теперь он был похож на ученика, который вспомнил все, чему его учили, и отлично ответил на вопрос. — Наши машины все сделают.

— Тогда нужно сделать хлеб. Вот крошка. Может, мало?

— Маловато... — сказал Тэн, рассматривая крошки сухарей или хлеба, которые Юрка выложил из кармана. — Но попробуем.

Он заложил крошки в анализатор, а сам начал наконец готовить завтрак.

Из стены вылетали тарелочки и стаканы с едой и питьем и целое блюдо красивой — одна в одну — земляники. Потом Тэн вырастил из стены тележку и погрузил на нее завтрак.

Можно было бы уходить в большое помещение корабля, но похожая на мясорубку машина-анализатор все еще тихонько гудела, а карточку-шифр на производство хлеба или сухарей не выдавала. Тэн недовольно посмотрел на нее и покосился на доску управления.

На ней летучими росчерками металась разноцветные огоньки. Такой пестрой, мгновенно меняющейся россыпи огней и огоньков Юрий еще не видел. Они походили на быстро вращающийся детский калейдоскоп. Уследить за их фигурами и положениями было просто невозможно — виделись только росчерки и отдельные вспышки.

Видно, такое поведение приборной доски озадачило и Тэна.

— Ого,— удивился он,— я такого не видел! Вот это старается!

— Может, ей не под силу?

— Не знаю... Наверное, у твоего хлеба очень сложная формула. Причем, может быть, такая, которая еще никогда не встречалась нашим машинам. Вот они и разгадывают.

Прошло еще несколько минут, а гудение машины и мелькание огоньков не прекращались. Тэн решил:

— Наши там, наверное, умирают от голода. Поехали. А результат машина сообщит и туда.

Земляника понравилась всем. Зет задумчиво, с легким упреком сказал:

— Ведь я говорил, что не нужно бояться такой красивой Голубой планеты. Я был уверен, что это замечательная планета.

Ему не успели ответить, потому что уже знакомый голос с металлическим оттенком произнес:

— В исследуемом материале обнаружены грибково-бактериальные образования...

Квач подобрался, как перед лицом серьезной опасности, и, коротко взглянув на Зета, бросил:

— Как видишь, не все замечательно на твоей Голубой планете.

— ...Предварительные анализы показывают их безвредность для живого организма высшего типа. Возможно, что данные грибково - бактериальные образования будут очень полезны высшим организмам. Однако требуется большая работа по разведению и выращиванию этих образований, так как

ни в электронной памяти нашей Розовой планеты, ни в справочном материале, полученном от других цивилизаций, подобных грибково-бактериальным образованиям не значится. Принимайте решение! Принимайте решение!

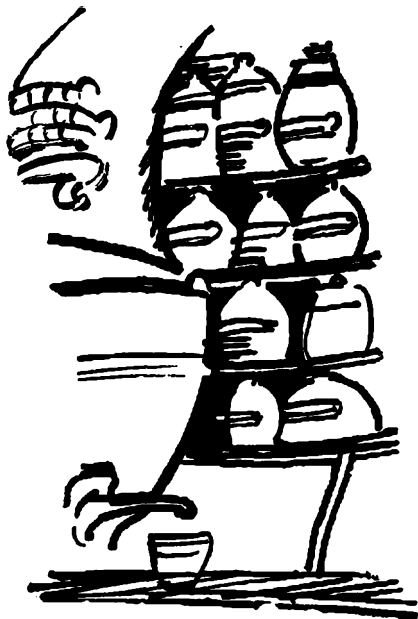
— Как видишь, Квач, на моей и Юркиной Голубой планете даже грибки и бактерии могут быть полезны. Так каково будет твое решение?

— Не знаю...— буркнул смущенный Квач.— Нужна ли эта возня... Еще неизвестно.

— Ну, вот потому, что неизвестно,— сказал Миро, — потому и интересно.

— А не будет ли это слишком сложно? — осторожно вмешался Тэн.

Они еще спорили, а Юрий молчал и думал. Просто удивительно: самый обыкновенный хлеб, оказывается, такое сложное химическое да еще грибково-бактериальное образование, что его даже и не разгадаешь сразу. Можно подумать, что на

той планете, где был построен этот удивительный корабль хлеба еще нет. Не изобрели и не научились выпекать. И даже в других цивилизациях, на других планетах, которые, может быть, еще похлеще, чем Розовая планета голубых космонавтов, оказывается, тоже нет хлеба!

Это было удивительно, как открытие!

Хлеб, самый обыкновенный хлеб теперь вызывал у Юрия настоящее и глубокое уважение. И ему даже стало немного стыдно, когда он вспомнил, как люди на его родной Земле иногда несерьезно относились к этому чуду, неизвестному на других планетах. Планетах, которые в других областях человеческих знаний обогнали землян.

«Как же не беречь и не любить хлеб — великое достижение землян!» — подумал Юрий и услышал резкий голос.

— Как знаете! — почему-то рассердился Квач. — Всегда получается так, что виноват я.

— Ни в чем ты не виноват, — возразил Зет. — Мы все решаем вместе. Но хлеб нужно сделать.

На том и порешили. Теперь Юрий верил, что на космическом корабле в глубинах Вселенной будет настоящий земной хлеб. Верил потому, что уже знал — чудодейственный центральный химический пост корабля действительно может сделать все на свете, потому что, как говорили ему еще в школе, химия — это и в самом деле главная волшебница окружающего.

Юрий хотел поделиться своими мыслями и прежде всего посмотрел на Шарика. Но Шарик, развалившись, спал прямо на полу. Его туго набитые бока тяжело вздымались.

Тэн бросил в рот горсть земляники и утвердил решение:

— Если хлеб будет в десять раз хуже земляники, все равно его нужно делать.

— Точно! — сказал Миро и попросил: — А нельзя, товарищи дежурные, подкинуть землянички?

— Обьешься! — все еще сердито сказал Квач и сам потянулся за земляникой. И, прихватывая ягоды, рассмеялся: — Нет, ребята, я тоже «за». Тэн, тащи-ка землянику. И нужно начинать разгон. Будем готовить постели.

На этот раз из пола и стен выросли уже не кровати-диваны, а, скорее, кресла-диваны — не очень просторные, но мягкие, будто обволакивающие тело. Миро быстро приладил к ним систему проводов, наушников и переносных пультов управления. Поглядывая на Шарика, он на секунду задумался и спросил Юрия:

— Как ты думаешь, по какой программе следует обучать Шарика?

Миро говорил так, словно Юрий всю свою жизнь жил с голубыми людьми и все знал на их розовом свете.

— Миро, ты не ошибся? — тревожно спросил Юрий, уже догадываясь, что кое-что из того странного, что происходит с собакой, он начинает понимать. — Ты уверен, что Шарика нужно обучать?

— Нет, конечно, не ошибся. Ведь когда мы подсоединили вам обоим обучающие аппараты, он не брыкался и во сне прослушал, а значит, и запомнил всю программу первоначального обучения языка.

— Это выходит... выходит, что Шарик знает ваш язык? Язык голубых людей? — Глаза у Юрия были широко открыты, а руки он прижал к груди.

— Что с тобой? — немного растерялся Миро. — Почему ты так удивляешься?

— Понимаешь — ведь Шарик собака...

— Ну и что?..

— Ну... ну, как бы это объяснить...

— Подожди. Давай прежде всего выясним, что такое собака. Рассказывай.

— Ну-у, собака... собака — это... Это друг человека. Животное такое. Говорить оно, конечно, не умеет, но кое-что понимает.

— Но если она не умеет говорить, то как же она может быть другом? — строго спросил Миро. — Ты ничего не путаешь?

— Да цет! Конечно же, не путаю... Она действительно не умеет разговаривать. И все-таки собака — друг человека. Друг потому, что она постоянно живет вместе с человеком, помогает ему во всем. Например, она охраняет стада от волков. На собаках можно ездить и... Да вообще много чего делает собака.

— Та-ак. А что именно делала эта собака? — Миро кивнул в сторону Шарика. — В чем выражалась ее дружба?

И тут Юрка окончательно растерялся.

В самом деле, почему Шарик считался его другом? Стада или отары он не охранял, потому что, кроме Шарика, никакой живности в семье Бойцовых не было. Ездить на Шарике никто не ездил. Охотиться никому не приходилось, да и сам Шарик вряд ли был приспособлен к охоте. Хотя по временам в нем и просыпалось нечто древнее, жестокое.

Словом, выходило так, что Шарик хоть и считался другом, но доказывать свою дружбу не доказывал. Нельзя же было всерьез считать заслугой Шарика его тявканье из своей конуры, когда кто-нибудь стучал в калитку. Скорее, он только мешал людям своей показной бдительностью, чем помогал им.

Бойцов растерянно и сожалеюще посмотрел на безмятежно дрыхнувшего Шарика, встретился с требовательным, ожидающим взглядом Миро и нерешительно кашлянул.

— Ну... это... Конечно, я не скажу... Но все-таки...

И тут он со всей очевидностью понял, что, несмотря на то что Шарик и в самом деле был не слишком полезен и без него семье Бойцовых не грозили никакие беды и невзгоды, он все-таки был настоящим другом. Почему так получилось — Юра еще не знал, но, перехватывая сердитый взгляд Миро, сам слегка рассердился.

— А что, ты разве считаешь, что друг может быть только тогда другом, когда он полезен? А если он просто... Просто такой, без которого скучно, с которым все делается легче и быстрее, которому веришь несмотря ни на что, который всегда и везде пойдет за тобой даже в самую страшную переделку и не упрекнет за это, — разве такой не может быть другом?

Миро перестал сердиться и задумался.

— Пожалуй, ты прав,— сказал наконец он.— Друг — это не только тот, кто полезен. Хотя, конечно, бесполезный друг тоже не находка. И все-таки ты прав — другом может стать не всякий. Но если кто-то стал другом — его нужно беречь.

— Точно! — воскликнул Юра.— Ведь может же быть так, что просто еще негде было проявить свою настоящую дружбу. Событий таких не оказалось — и все. Зачем же сомневаться в дружбе без причин?

— Ты думаешь?

— Конечно! Изменяются события — и «бесполезный» друг делается самым полезным, самым необходимым. Потому что он — друг.

— Ясно! Так будем учить Шарика дальше или не будем?

— Я даже не знаю... А как у вас на Розовой земле?..

— Гм... У нас?.. У нас, понимаешь, с животными как-то не дружат. У нас дружат с морскими рыбами.

— Как так — с морскими рыбами? — удивился Юрий.

— Да вот так. Плавают с ними, играют, кормят иногда. А они достают со дна моря разные интересные или полезные вещи.

— И вы их тоже учите своему языку?

— Нет, зачем же... Мы просто обучаем их некоторым приемам, обучаем понимать некоторые наши звуки и движения, а сами учимся понимать ихние.

— Во-во! Точно так же и мы с собаками. Точно так же...

— Ну раз так, значит, обучать Шарика не будем.

Юрке почему-то стало не то что жаль Шарика, которого решили оставить недоучкой, скорее, жаль было себя: ведь это было бы очень здорово — вернуться на Землю с собакой, которая имеет законченное среднее образование.

Тут уж о цирке, конечно, и говорить нечего. В цирке такую собаку вместе с хозяином просто на руках будут носить. Но даже в обычной жизни это было бы очень и очень хорошо. Например, забыл какое-нибудь правило — Шарик, напомни. Пожалуйста! Гав-гав — и в дамках.

Шарик, сбегай в клуб и узнай, какая идет картина. Одна пога здесь, другая там! Гав-гав — и в дамках.

Или например...

Да вообще возможности с образованной собакой могут открыться совершенно необыкновенные. И если обучение идет по списку, когда и сам Шарик этого не подозревает, — так чего уж там... Пусть учится. Может пригодиться.

— А может, все-таки... Раз уж начали... Может, не помещает?

Но хотя Миро, возможно, и думал по-иному, но перечить не стал. Он не жадничал. Хочет Шарик учиться? Пускай учится: все равно обучением будет заниматься не сам Миро, а роботы. А тем безразлично, кого обучать — хоть человека, хоть собаку. А прикажут, и рыб начнут обучать. Поэтому Миро спросил только одно:

— А ему не повредит так много знаний? Может, у него мозг не выдержит?

— Ну... начнет не выдерживать — перестанет обучаться.

— А если он многого не поймет?

— Ну и что? Я вот тоже не все сразу понимаю. Однако запоминаю, а потом постепенно пойму.

— Если так... Тогда — пожалуйста.

Так к сонному Шарику был подключен обучающий аппарат.

После команды дежурного Зета все улеглись в мягкие, обволакивающие кресла-кровати, и космический корабль едва заметно дрогнул. В его недрах раздался ровный, все время усиливающийся гул. Юрия все сильнее и сильнее вдавливало в кресло, и тело становилось тяжелым и неповоротливым. Трудно было пошевелить рукой, ногой; чтобы повернуть голову, и то требовалось немало усилий. Но, как это ни странно, разговаривать было не так уж трудно.

Почему это получилось, Юра понять не мог. Выходило так, словно в теле каждого человека был свой маленький гравитационный аппарат, который ослаблял все возрастающие во время разгона корабля перегрузки.

Гудели неведомые машины, мерцал пустой экран, все так же перемигивались блуждающие огоньки на стенах. Все системы корабля работали нормально, и делать было решительно нечего. Вот почему Юрий и решил порасспросить о том, чего он еще не знал.

Разговор с Миро

Ближе всех лежал Миро. Он не спал и, видимо, даже не дремал, хотя его быстрые глаза были прикрыты. Что знал о нем Юрий? Что он голубой космонавт, что его зовут Миро... Вот, в сущности, и все. Можно еще прибавить, что он хороший парень. Но ведь этого мало. Каждый из четверых людей были славными парнями. Правда, Квач Юрию нравился поменьше. Но зато Зет нравился больше. Он был мягче других, добрее и душевней. А вот Миро как будто бы умнее.

Но всего этого было не слишком много для того, чтобы считать себя хорошо знакомым с соседом.

Вот почему все нужно было начинать с самого начала.

Но что такое начало? Ведь можно спросить ради этого самого начала такое, что продолжения уже не будет. Поэтому Юрий начал издалека. Он словно мысленно заполнял невидимую анкету. Первым ее вопросом стояло: фамилия, имя, отчество. Пока что Юрию достаточно было одного имени.

Вторым вопросом в каждой уважающей себя и других анкете стоит: время и место рождения.

Место рождения соседа в общих чертах было известно — Розовая земля. А вот время... Времени рождения Миро и других космонавтов Юрий не знал. А теперь это казалось очень важным. Ведь он уже давно, примерно с середины первого поверхностного знакомства, подозревал, что у голубых людей не все в полном порядке... Нет, не в том дело, конечно, что они какие-нибудь странные. Парни они настоящие! И все-таки... Все-таки подозрения были. И подозрения довольно основательные. Вот почему самым главным оказался второй вопрос невидимой космической анкеты.

— Слушай, Мирю,— как можно спокойней, даже как будто лениво или, вернее, так, словно преодоление тяготения было хоть и трудным, но в общем-то привычным делом, сказал Юрий,— слушай, Мирю, а сколько тебе лет?

Мирю медленно повернул голову к Юрию — преодолевать гравитационные силы и в самом деле было нелегким делом.

— Чего-чего? — недоуменно спросил он.

— Я говорю: сколько тебе лет?

— Каких это еще лет? — почему-то сердито спросил Мирю — может быть, потому, что Юрий заставил его тратить лишнюю энергию на пустое занятие. Мирю ведь был умнее всех.

Юрий растерялся. Как же его спросить: сколько тебе годов? Годков? Когда ты родился? Или сказать так, как записано в иных анкетах: сообщите время и место вашего рождения?

И тут произошло то, над чем Юрий задумывался не раз еще на своей Голубой земле и понять чего он так и не смог. Бывает так: кажется, добросовестно думаешь, решаешь вопрос, прикидываешь, что и как сделать, даже, может быть, карандашом или ручкой орудуешь, и все, что ты делаешь, кажется очень сложным, почти неразрешимым. И вдруг ни с того ни с сего, не думая не гадая, выпаливаешь тот самый ответ, над которым столько времени бился и мучился.

Как это случается и почему, Юрий понять не мог. Однако такое случается очень часто! Получается, что как будто в самом Юрии сидят два человека. Один что-то там считает, думает, решает, а второй сидит себе спокойненько и посмеивается. У него уже все подсчитано, он уже все знает и только ждет момента, когда можно вскочить и выпалить свой ответ.

Правда, иногда этот, второй, человек выбрасывает такие шуточки, которые приносят не очень много радости и самому Юрию и окружающим. Но это уже дело десятое. В этот момент второй, хитрый человек, который незаметно жил в Юрии, выкрикнул:

— Эх ты, тумус! Не понимаешь? Ну сколько ты прожил на белом свете? Понимаешь?

И как ни удивительно, умный Миро прекрасно понял этого, второго, человека. Миро усмехнулся и слегка — сделать это быстро и энергично было, пожалуй, невозможно: гравитация — пожал плечами:

— Понимаю. Но при чем здесь... лета? Ведь считают зимы.

— А... а почему зимы? — Второй человек в Юрии исчез, и Бойцов остался один.

— Ну... Я не знаю, как у вас на Голубой земле. А у нас на Розовой летом тепло. Все живет, расцветает... А зимой, наоборот, все замирает. Вот мы и считаем — сколько зим.

— Подожди! А при чем же здесь зимы?

— Ну как же... После зимы начинается новый расцвет...

— Вот-вот! После зимы. Значит, весной?

Миро удивленно посмотрел на Юрия и расхохотался.

— А мы никогда об этом не думали. Ведь и в самом деле годы нужно считать с весны. С того дня, когда все начинает жить заново.

— Во-от. Значит, договорились. Так сколько тебе... лет, зим и весен.

— Тринадцать.

— Чего-чего?

— Как это — чего-чего? — уже сердито переспросил Миро.

— Да вот... Это... Нет, верно? Тебе в самом деле тринадцать лет?

— А что, я разве выгляжу слишком молодо? Или, наоборот, — старше своих лет?

— Нет, не в этом дело... А другим? Другим... сколько весен?

— Только Квачу четырнадцать. А всем остальным — по тринадцать...

— Понятно... Понятно... Но послушай...

— Вот что, Юра, поговорим как-нибудь позже. Мне нужно поспать — скоро на дежурство. Менять Зета.

И Миро не то что отвернулся, а просто утонул в своем кресле-кровати и смежил глаза.

А Юрий думал. С одной стороны, все было правильно. Как ему и показалось в свое время, космонавты выглядели для своих лет очень молодо, и вот — пожалуйста. Они, оказывается, ровесники Юрия Бойцова.

И это, конечно, очень приятно. Потому что не нужно слишком уж их уважать или побаиваться. Словом, испытывать сотни всяких неудобств, которые неминуемо испытываешь, когда встречаешься со взрослыми, да еще несомненно знакомыми, а тем более голубыми.

Юрий с беспокойством посмотрел на молчаливого, сосредоточенного Зета, который в своем кресле-кровати медленно двигался вдоль такого несерьезного, словно игрушечного, пульта управления. Он то посматривал на лучащийся космическими отсветами экран, то на пульт. Но чаще всего он приглядывался к бесконечной пляске разноцветных огоньков на стенах корабля.

Огоньков этих, кажется, стало гораздо больше, чем раньше. И главное, они словно расплзлись по стенам и даже высыпали на потолке. А ведь раньше, Юрий это ясно помнил, огоньки на стенах хоть и бегали, хоть и мигали, но действовали все-таки более организованно, чем теперь, — сплошной полосой, на определенной, примерно в рост космонавтов, высоте. И тогда, на Земле, космонавты почти не обращали на них внимания. А теперь Зет все время поглядывал на них, и, когда в каком-нибудь месте собиралось слишком много одноцветных — зеленых, красных или синих огоньков, — Зет немедленно переключал какой-то тумблер, и огоньки поначалу нехотя, а потом все быстрее разбегались в разные стороны.

Ну, а вдруг Зет переключит не тот тумблер? Вдруг он сделает какую-нибудь, ну пусть самую маленькую ошибку? Что тогда? Ведь это космос. И если их так прижимает к стенкам кресел-кроватей, значит, скорость ого-го-го какая!

Ведь для того чтобы летать с одной обетованной планеты на другую, говорят, нужны околосветовые скорости. Значит, не исключена возможность, что корабль летит сейчас со ско-

ростью сто, а то и двести тысяч километров в одну-единственную секунду.

Юрка на мгновение представил себе, с какой скоростью летит корабль, и от страха даже зажмурился. Раз — и шесть раз вокруг Земли! А вы представляете, если на такой скорости произойдет хоть малейшая ошибка? Зет нажмет не на ту кнопку, переключит не тот тумблер! Тут тормоза не включишь. Такое может произойти, что просто даже думать не хочется.

Юрий перестал жмуриться и не то что с недоверием или сомнением, а, скорее, с надеждой подумал: «Ну, не может быть, чтобы с такой скоростью. Ведь когда, например, мчишься на машине, так и то по сторонам все мелькает. А тут... Тут в тысячу раз быстрее, и все на месте».

На экране действительно ничего особенного не происходило — все тот же отсвечивающий фиолетовым и синим мрак, все те же огромные звезды, ясные и чистые. И ломкие лучики света. И все — на месте. Ничто не проплывает, не пролетает и не дергается. Даже не верится, что корабль куда-то летит. Все очень спокойно и совсем не страшно.

И Юрий тоже постепенно успокоился. В конце концов, нужно как следует разузнать, а потом уж принимать решение — бояться или не бояться. Ведь может оказаться и так, что где-то в корабле есть и взрослые люди, а Юрий и Шарик попали только в детскую часть корабля, где ребята играют, чтобы не мешать взрослым. А настоящие взрослые люди управляют кораблем по всем правилам космонавтики...

И хотя сам Юрий понимал, что этого, по всему видно, быть не может, он все-таки старался думать именно так — всегда приятно надеяться, что за тебя кто-то ответит и кто-то сделает.

Разговор с Тэном

Тэн открыл глаза и, повернувшись к Юрию, засмеялся:

— У тебя такой вид, словно ты делаешь научное открытие.

— Конечно, — почему-то рассердился Юра, — думаешь, думаешь, а... Да что там говорить! — махнул он рукой.

— Давай думать вместе,— коротко и, как всегда, мягко предложил Тэн.

— Разве можно думать вдвоем?

— Вообще-то можно, хотя для этого следует надеть шлемы и подключить приборы. Но в данном случае я это сказал в том смысле, что, может быть, я тебе помогу.

На этот раз Юра не стал хитрить. Время шло очень быстро и не давало возможности раздумывать слишком долго. Поэтому он спросил напрямик:

— Сколько тебе... Сколько ты прожил, Тэн?

— Двенадцать зим. И еще несколько месяцев и дней.

— А у вас год какой? Сколько в нем дней?

— А почти такой же, как и у вас.— И, предупреждая следующий вопрос, Тэн пояснил: — Учти, Юра, на нашей земле почти такие же условия жизни, как и у вас. И сутки почти такие же, только у нас принята десятичная система. Например, в минуте сто секунд, в часе сто минут. В сутках десять часов, а в неделе десять суток. Ну и так далее...

— Так выходит...

— Нет, еще ничего не выходит. Просто наши секунды чуть-чуть другие, чем ваши. А абсолютное время и у вас и у нас одинаково. Почти одинакова абсолютная продолжительность суток. А раз так, то, значит, и год тоже почти одинаков с вашим.

— Все ясно... Но тогда скажи, как же так получается: людям всего двенадцать лет, а их посылают в космическое путешествие. Разве это правильно?

— На вашей земле,— невозмутимо ответил Тэн,— это пока еще неправильно. На нашей уже правильно.

— Что-то я тебя не понимаю.

— А что ж тут понимать? Вот возьми себя. Когда ты научился читать?

— Ну... когда мне было пять лет.

— А когда пошел в школу?

— В семь лет.

— И что ты делал в первом классе?

Юра задумался, вспоминая то далекое время, когда он был в первом классе, и невольно усмехнулся.

— Палочки писал... Читать учился.

— Постой, постой! Ты же научился читать за два года до поступления в школу.

— Выходит... Выходит, я просто читал.

— Я тебе скажу прямо: выходит, что в первом классе ты почти все время бездельничал. И сам не учился, и другим мешал. И тебя называли балованным и, возможно, наказывали. Но наказывали не очень сильно, потому что все-таки ты получал хорошие отметки. Верно?

— Верно... — растерянно согласился Юра.

Тэн говорил так уверенно и так правдиво, что Юрий на минуту усомнился — а на корабле ли он находится? Голубые ли люди перед ним? Может, это все не так? Может, он все еще на земле и кто-нибудь из ребят решил разыграть его, представившись голубыми космонавтами?

— А чего ж тебе не получать в первом классе хороших отметок, если ты два с половиной года назад уже знал то, чему тебя учили в первом классе? Ведь верно?

— Верно... Но... Но откуда ты это знаешь?

— Вот чудак! Так у нас тоже так было. А потом умные взрослые люди решили, что это неправильно. Если так учиться, так только учеников портить. Человек хоть в пять лет, хоть в пятьдесят всегда есть человек. У него есть ум. У него есть понимание окружающего. Пусть еще не всегда полное и ясное, но оно все равно есть. Вот у нас на Розовой земле и решили: нужно требовать с человека с самого раннего возраста. Но и доверять ему тоже с самого малого.

— Что доверять? — нерешительно спросил Юра.

— Все! Доверять все, что может сделать человек. А он даже в пятилетнем возрасте может сделать многое. Очень многое. Если, конечно, его научить и если ему доверить.

Юра хотел возразить — смешно доверять пятилетнему человеку серьезное дело. Пятилетний человек — это еще не человек. Но тут почему-то вспомнилось, что Пушкин в пять лет

писал стихи. Да еще не на русском, а на французском языке. А Суворов уже в раннем детстве возился со схемами и описаниями боев и походов. А Моцарт в пять лет давал концерты. А...

Нет, что бы там ни говорили, а пять лет для настоящего человека — это очень и очень... Ну и не то чтобы много, но и не мало. В пять лет тоже можно сделать кое-что настоящее. Если, конечно, человека научить и потом хоть немного ему доверять.

— Вот у нас на Розовой земле и решили учить детей с четырех лет. Как человек выходит из яслей, он и начинает учиться по-настоящему.

— А это... не очень трудно?

— Чего ж тут трудного? Тебе трудно читать интересные книги? Гонять мяч ведь не трудно же? А почему? Потому что это доставляет тебе удовольствие. А разве не доставляет удовольствие всегда узнавать новое? А узнав, применить его в деле. Так что, как видишь, у вас только начинают учиться, а на нашей земле ребята уже кончают арифметику и грамматику, естествознание, и историю и приступают к настоящим наукам.

— А эти, выходит, не настоящие? — сердито спросил Юра, потому что ему показалось, что Тэн слишком уж загордился своей Розовой землей, и своими ребятами, и своими школами. Пусть, конечно, у них так все здорово, но задаваться этим все равно не стоит. Даже космонавтам. И даже не простым, а голубым.

— Нет, зачем же... Тоже настоящие, но они — общие. А у нас науки более... точные, что ли. Возьмем химию. У нас в школе химия не одна. У нас и органическая, и неорганическая, и физическая, и квантовая. А каждая из этих химий разделяется еще на отделы. Вот так и идет изучение.

— И у всех так?

— Конечно! Только ведь изучение изучением, а практика практикой. Изучаем химию — и сразу работаем возле приборов и установок.

— Это в семь-то лет? — воскликнул Юрий.

Тэн долго смотрел в его возбужденное, недоверчивое лицо и с достоинством, но чуть-чуть с сожалением ответил:

— Я же тебе говорю, что человека нужно не только учить. Человеку нужно доверять! У нас научились доверять. Даже семилетним. Даже пятилетним. Понимаешь?

— Это понятно. Но пятилетние у вас... Просто так учатся?

— Зачем ты так?.. — с горечью протянул Тэн. — Ведь я же серьезно.

— Так и я серьезно.

— Нет. Даже пятилетние и восьмилетние на практике еще не работают, а вот десятилетние обязательно помогают студентам. А потом работают самостоятельно. Потому что их научили и им доверяют.

Нет, всего этого Юра еще не мог понять. Он чувствовал, что это здорово, когда тебе доверяют, веряг, что ты настоящий человек и что ты способен на что-то дельное, хорошее. Но он не мог представить себе, что ему бы самому не то что в первом классе, а даже теперь, уже шестикласснику, вдруг доверили бы работу на каком-нибудь станке или приборе.

Выходило, что доверие не только дает, но оно и требует. Выходило, что доверие не только легкая и радостная вещь, но, оказывается, еще и серьезная, трудная обязанность. Выходило, что доверие мало заслужить, его нужно оправдать.

Ох сколько не то что нового, а, скорее, непривычного стояло за этими словами голубого человека!

Возникли мысли, что хотя и Пушкин, и Суворов, и Моцарт — это все гении, особые люди и, конечно, равняться на них нечего, потому что такие рождаются раз в столетие, но все-таки и самые обыкновенные земные люди могут добиться прямо-таки сказочных успехов.

Наверное, раньше Юра не согласился бы с этим и сказал Тэну: «Это все фантастика!» Но сегодня сказать так он не мог. Не мог еще и потому, что уже подумал о том, что ведь во времена Пушкина, Суворова, Моцарта не было радио. Не было телевидения. Не было машин. Настоящей химии.

Так как же можно и нужно учиться теперь? Да, Юра все-таки понимал — Тэн прав. Начинать учиться можно и нужно гораздо раньше, чем это делается до сих пор на Голубой земле. Пожалуй, если честно, так он уже потерял целых три года. Ведь он научился читать еще в детском возрасте, когда ему было пять лет. Хотел — читал, не хотел — не читал. Потом, в школе, его заново начали учить азбуке, умению читать по слогам. Ясно, что учить то, что уже знаешь, — смешно. И Юрка не учил. Он баловался на уроках, на переменах, дома. А учительница все равно ставила ему четверки или пятерки, потому что он-то ведь знал то, чему его учили. А ведь отметки ставят не за красивые глаза, а за знания.

Ну, а потом, во втором классе, ему казалось, что знания даются просто так. Ни за что. А отметки ставятся за то, что знал уже раньше. Наверное, поэтому ему все время не хватало каких-нибудь полчаса, чтобы выучить уроки, пятнадцати минут, чтобы решить неполучающийся пример. Так и вышло, что вместо четверок и пятерок он стал получать уже тройки, а потом и двойки. А учительница стала ругать его и называть лодырем. А сам Юрка это не чувствовал. Просто он по-прежнему был таким, каким бывал и в садике, и в первых классах школы. А вот требовали с него уже совсем по-другому, не так, как в садике или в первом классе. И это казалось несправедливым. Он думал, что к нему придираются.

Из-за того, что учительница «придиралась и не давала жизни», Юрка то злился на нее и совсем не делал уроков: решал, что он все равно уйдет работать, а рабочему человеку очень уж больших знаний не требуется и, значит, можно не учиться. А то, наоборот, как бы мстя учительнице, вызубривал уроки и со злостью отвечал ей на четверку, а то даже на пятерку. Но вызубренное быстро забывалось, а любви, уважения к таким знаниям не оставалось.

В пятом классе пошло еще хуже. В пятом классе был уже не один, а несколько учителей и учительниц. Отговориться тем, что к нему придираются, Юрка не мог: причин для придираков у новых учителей просто не было. А двойки в Юркином

дневнике были, и отец, раньше немного веривший и придиркам учительницы, и невезению, и вообще всяким Юркиным отговоркам и оправданиям, теперь верить отказался. Он сказал прямо:

— Ты лодырь. Я в твои годы...

И пошло, и поехало!

Вот почему Юрий вздохнул еще горше: что ни говори, а доверие — вещь хорошая, если... Если самому хочется оправдывать это доверие. А если не очень хочется, так лучше пусть без доверия... Как-нибудь уж по старинке... Как на Голубой земле...

И в то же время ему страшно, до колик в сердце захотелось, чтобы ему доверяли. Поручали сложные и ответственные дела и требовали, чтобы он во что бы то ни стало выполнял их. Вот как космонавты...

Наверное, потому, что Юрий уже понимал: учили его и сам он учился в прошлом так, что равняться теперь с голубыми людьми ему было трудно, а признаться в этом, когда стало совершенно ясным, что они Юркины ровесники, было просто невозможно. Юрий попытался найти последнюю лазейку. Даже не лазейку. Он и в самом деле не очень верил тому, что видел.

— Слушай, Тэн, может, ты скажешь, что вам доверили весь корабль?

— Конечно! — ничуть не смутился Тэн.

Это становилось прямо-таки интересным: Тэн явно врал напропалую. Юрка ехидно улыбнулся и спросил:

— И, кроме вас четверых, на всем корабле нет ни одного живого человека?

— Конечно!

— И с вашей земли никто не управляет вашим кораблем?

— Конечно! — все так же уверенно ответил Тэн и наконец заметил ехидную Юркину улыбку. — Ты, кажется, не веришь? А почему? Разве я или кто-нибудь из наших тебя обманывал?

— Не в этом дело,— уклончиво протянул Юра.— Не в этом дело...

— А в чем?..— И потому, что Юрий жался, кривился и недоверчиво покачивал головой, Тэн рассердился: — Что ж ты молчишь? Говори напрямик. Ты нам не веришь?

— При чем тут не веришь... Но, понимаешь, я же сам слышал, как кто-то объявлял тревогу... Предупреждал... И голос был, по-моему, взрослый.

— Так тебе же говорили, что это действуют роботы. Следящие роботы. Говорили или не говорили?

Сейчас Юрий уже не помнил — говорили ему или не говорили о роботах, но в душе он уже согласился с тем, что при таком положении дел и при такой технике и в самом деле должны работать, предупреждать и действовать роботы. Иначе зачем же тогда и космическую технику выдумывать?

Но был еще один хитрющий вопрос. Такой хитрый и с такой подковыркой, что Юрий не сразу решился задать его. А когда решился, то еще долго не знал, с чего начать.

Пока Тэн кипятился и рассказывал о том, какие роботы есть на корабле— расчетчики, следящие, обучающие, информирующие, оценивающие, предполагающие, разведывательные и многие-многие другие,— Юрий наконец придумал подход к самому важному вопросу:

— Тэн, а сколько... сколько лет вы в пути?

— Мы? В пути? Уже шестой год...

Тут Бойцов не выдержал и рассмеялся — облегченно и очень ехидно. Вопрос с подковыркой оправдал себя.

— Ты чего смеешься? — удивился и немного обиделся Тэн.

Юрий смеялся все громче и раскатистей. Он крутил головой и даже хлопал себя по коленям, хотя это было и очень трудно — силы притяжения, или, научно говоря, силы гравитации, прижимали его в мягком кресле-кровати и наливали тело если не свинцовой, то во всяком случае чугунной тяжестью.

Тэн недоумевающе смотрел на Юрия, потом вдруг улыбнулся и тоже рассмеялся.

— Так. Пожалуй, ты прав,— сказал он, и Юрию сразу расхотелось смеяться.

— Почему я прав?

— Потому что со стороны и в самом деле наше положение выглядит смешным.

— Какое положение? — уже серьезно спросил Юрий.

— А такое, что нам всем по двенадцать лет, а мы летим уже шестой год.

— Почему же это смешно? — пасторожился Юрий.

— Ну, нам это не смешно. У нас это в порядке вещей. А вот для людей с других планет это может показаться и смешным.

Тэн объяснил это таким тоном, что Юрий даже покраснел и буркнул:

— Только ты не очень задавайся, ты лучше расскажи.

— Что тебе рассказать?

— А вот это: почему вам понятно, а людям с других планет не понятно?

— Потому, Юрочка, что с нашей Розовой земли космонавты вылетают в свои первые дальние путешествия не в двадцать или тридцать лет, как у вас на Голубой земле, а в семь-восемь лет.

Это было не так уж неожиданно — что-нибудь в этом роде Тэн обязательно должен был сказать,— но поражал его тон, снисходительный и в то же время сожалеющий. И нужно было поддержать авторитет всех землян, а заодно и людей каких-то других цивилизаций, о которых голубые люди знали, а земляне только догадывались.

— Это ж почему вам такая привилегия?

— А это, брат ты мой, не привилегия, а самая обыкновенная необходимость.

— Почему же это, интересно, необходимость? Везде такой необходимости нет, а у вас она появилась?

— А как ты считаешь — сколько лет нужно, чтобы добраться от одной обитаемой или годной для обитания планеты до другой?

— Ну, я не знаю... точно. Но думаю, что года два... три... Может быть, пять лет...

— Та-ак. А сколько у вас на Голубой земле человек готовится к космическим полетам?

— Точно я, конечно, не помню... Например, Гагарин — самый первый космонавт в мире... нашем мире — готовился два года. Потом и других готовил... Тоже несколько лет...

— Вот! А теперь прибавь пять лет до нужной вам планеты, сколько-нибудь времени на то, чтобы на ней посидеть, обследовать, а потом еще пять лет, чтобы вернуться на свою землю. Сколько получится?

Юрий не раскусил всей каверзости этого вопроса. Но он сразу почувствовал, что за ним стоит что-то очень важное и нужное для понимания всей жизни голубых людей. И поэтому он не стал ловчить и выкручиваться. Он честно признался:

— Нну... лет пятнадцать... — и неуверенно, но великодушно добавил: — Может... чуть больше...

— Во-от.— Тэн назидательно выставил палец и сложил розовые губы трубочкой.— Вот и получается, что космонавт ваш, с Голубой планеты, слетает один раз на какую-нибудь планету, вернется, пока отчитается, пока отдохнет — и лететь ему во второй раз уже не придется.

— Брось! — решительно заступился Юрка за милых сердцу космонавтов.— Они еще будут молодые!

— А я и не говорю, что старые. Будет им лет по сорок. Верно?

— Верно.

— Ну вот. Теперь клади опять несколько лет на подготовку к полету.

— Так они же один раз уже готовились! — возмутился Юрка.

— Как ты все хорошо знаешь! — задиристо покачал головой Тэн.— А что ж, по-твоему, все пятнадцать лет, пока они готовились и совершали первый полет, ученые и инженеры на земле сидели раскрыв рот и хором кричали: «Ура! Вот какие хорошие космонавты! Уже полетели».

— Я тебя не понимаю...

— А чего ж тут понимать? Тут думать надо.

— Я думаю...— не совсем уверенно ответил Юрий.

— Думаешь, да, видно, не о том. Ведь за эти пятнадцать лет инженеры и ученые построят новые корабли, откроют новые способы их ведения. И сами космонавты из космоса передадут, что плохого в том корабле, на котором они летят, а что хорошего. Инженеры тоже это... встроит в новые корабли. Так как, по-твоему, должны будут космонавты для своего нового полета освоить новый корабль, научиться его водить и всякое такое?..

— Наверное, должны,— неуверенно согласился Юрий.

— Значит, и для этого потребуется время. Может быть, даже годы.

— Наверное...

— А раз наверное, так вот и посчитай, скольких лет ваш земной космонавт полетит в свой второй полет.

Юрий добросовестно считал. Получалось много. Так много, что и говорить об этом не хотелось.

И Тэн прекрасно понял его. Он не стал задаваться, показывать свое превосходство. Он только мягко улыбнулся и сочувственно спросил:

— Теперь ты понял?

— Почти...— печально протянул Юра.— Ты знаешь, Тэн, ты на меня не обращай внимания. Ты просто рассказывай, а я, чего не пойму, спрошу. Ладно? А то времени много уходит...

— Тао,— тоже почему-то печально протянул Тэн.— Времени действительно уходит много. Но слушай. Раз ты понял, что ваши земные космонавты при современной вашей технике и, главное, при современном отношении ваших людей между собой смогут полететь во второй свой полет не раньше чем в сорок лет, то ты должен понять и другое: домой, на свою родную землю, они могут вернуться только в глубокой старости.

— Но ведь корабли-то будут более совершенные. Они же полетят побыстрее.

— Правильно! Но ты другое не забывай. Во-первых, те-

перь космонавты полетят подальше. Они же опытные, умелые — летят-то не в первый раз. А во-вторых, чем больше скорость, чем ближе она к скорости света — триста тысяч километров в секунду, тем невероятней ведет себя время. Может получиться так, что космонавт будет летать быстро, какой-нибудь десяток лет. Но его корабельное время будет бежать так медленно, что когда он вернется на свою землю, где время бежало нормально, как всегда, там окажется, что прошла уже сотня лет. Вот в чем дело, Юра. И это тоже нужно помнить. А то и у нас и у вас некоторые как считают: «А-а, космос! Подумасшь! Пространство безвоздушное, скорость огромная, машины и роботы действуют автоматически — значит, космонавты вроде бесплатного приложения. Как пассажиры или как подопытные животные». А ведь небось когда садятся в самый обыкновенный летательный аппарат, который и от земли-то не отрывается как следует, все поджилки у них трясутся, лекарствами запасаются, готовят бумажные пакеты, да еще возмущаются, почему нет парашютов. У вас есть такие?..

Юра еще никогда не летал на самолетах или вертолетах и потому не знал, есть такие храбрецы на язык и жидкие на расправу в настоящем деле. Но он был уверен, что такие обязательно должны быть, потому что он встречал и маленьких и взрослых людей, которые умудрялись охать и принизить все, что они не умели делать сами или чего у них не было. Но уж если они чему-нибудь научились или что-нибудь приобрели, так выходило, что как раз это и есть самое лучшее и самое совершенное. А все остальное — форменная ерунда. Вот почему Бойцов решительно сказал:

— Конечно, есть!

Сказал и почему-то почувствовал облегчение. Выходило, что и на Розовой, пока что недостижимой земле тоже были люди с недостатками. Выходило, что голубые люди тоже были не такими уж необыкновенными, как могло показаться в самом начале. Люди как люди. Только голубые. Да земля у них Розовая. Да еще цивилизация у них выше.

Но ведь цивилизация — дело наживное... Сегодня ее нет, а завтра ее можно и выработать. Важно только не лениться и не ждать, пока тебе преподнесут ее в готовеньком виде да еще начнут уговаривать — возьмите, пожалуйста. Не обижайтесь. Может, и лучше можно было процивилизовать, но мы еще не достигли...

Нет, после этого голубые люди стали как-то ближе и роднее. И потому Юрий сразу почувствовал себя смелее и надежней. Он засмеялся и повторил:

— Конечно, есть.

— Во-от! У нас такие имеются. Но как у вас, так и у нас имеются и другие. Просто умные. И таких как у нас, так и у вас — абсолютное большинство. Вот они и решили: зачем ребятам первую половину своей жизни, в сущности, бездельничать? Ведь они привыкают бездельничать, а потом учиться по-настоящему им уже трудно. Вот у нас на Розовой земле и начинают обучение с четырех с половиной лет. Сразу выдвывается три года. А в семь лет тех ребят, которые подходят по физическим и психическим данным, если, конечно, они сами хотят и на это соглашаются их родители, посылают в космос.

— Семи лет?! — все еще не веря, переспросил Юра.

— Да, именно семи. И ты не удивляйся. Ты просто подумай. Вот мы с тобой сейчас болтаем и дела не делаем. Верно?

— Верно...

— Вот так и в начале полета. Пока ракета разгонится, пока ляжет на курс — лежи и болтай. А еще лучше — спи. Что мы поначалу и делали. А время-то идет нормальным образом, и мы нормальным образом растем

Все казалось таким неправдоподобно правильным и логичным, что не верить было просто невозможно. Но именно эта простота и смущала.

Как так: погрузили тебя в космический корабль, вывели на орбиту — и лети, ни о чем не думая? Юрка не раз читал, что специальные приборы-роботы сделают это еще лучше и надежней, чем сами космонавты. Что же, спрашивается, в таком

случае делать космонавтам? Решительно нечего. Недаром земные космонавты запросто спали в своих кораблях. Тогда это даже как-то умиляло. Летят в космосе, обедают и даже спят... Самым обыкновенным образом. Может, даже руку под щеку подсунут. Слюнку во сне пустят.

Интересно, храпят космонавты во сне или не храпят?

И чем больше таких вот мелких мыслишек копошилось в Юркином мозгу, тем проще и неинтересней казались космические полеты, а сами космонавты и в самом деле представлялись не то ленивыми, не то просто подопытными. И от этого — неприятными...

А Юрка знал: они настоящие ребята! Настоящие! Смелые, сильные, умные и мужественные. Он знал это, восхищался своими земными космонавтами, и все-таки... Все-таки теперь после вот этих рассуждений на окраине космоса что-то было не так.

Они уже не казались настоящими, умными и смелыми... Нет, не казались. И это было так плохо, так неприятно, что мириться с этим Юрка не мог. Он стал разыскивать хоть какое-нибудь оправдание своим, земным космонавтам. Но оправданий поначалу не было, и Юрка уже почти не слушал Тэна. Его слова проходили где-то в стороне.

И вдруг Юрия, как говорят, осенило. Он резко дернулся, охнул от боли, пронизавшей все тело, — ведь перегрузка организма все время увеличивалась и резкое движение в мягком кресле оказалось очень болезненным. И все-таки, охнув, он закричал:

— А наблюдать-то они должны! Иначе зачем же им летать. Зачем? А?

Тэн посмотрел на него несколько сожалеюще, задумался и радостно улыбнулся.

— Чудак. Так наблюдать нужно вашим космонавтам. Космонавтам с Голубой земли! Они же летают впервые. Они ведь как глаза и уши всего вашего... белого или черного, а может быть, желтого или я уж не знаю какого там человечества. Они должны наблюдать, должны отмечать и запоминать все

важное и интересное. Им, конечно, и труднее всех, и опаснее всех, и...— Тэн сверкнул глазами.— И все-таки... все-таки... интереснее всех. Они же все видят впервые! Понимаешь — в самый первый раз.

— А у вас? — остывая, спросил Юра.

— А у нас? У нас ведь летают в космос давно. И все космические окрестности нашей Розовой планеты давным-давно изучены. Движения всех крупных метеоров, астероидов и комет давным-давно рассчитаны, всякие там поля и гравитационные отклонения изучаются в первых классах на уроках географии, и если школьник их не знает, так ему ставят двойку. Зачем же нужно нашим космонавтам наблюдать в начале полета? Совершенно незачем.

Опять все было правильно! Но так правильно, что Юрке захотелось кричать и прыгать от радости.

Нет, космонавты Голубой земли — настоящие ребята! И они не виноваты, что их цивилизация еще не дает им возможности слетать подальше, заглянуть в дальние уголки космоса.

Но это время будет и тогда... Тогда...

— Правильно! — ликуя, крикнул Юрка.— Все правильно!

— Что — правильно? — недоверчиво переспросил Тэн.

— Все правильно!

— Как это — все? Все-все?

— Нну-у... все, что ты говоришь. Я, словом, все понимаю...

— А вот это точно. Но это не значит, что все правильно.

Это значит, что ты все понимаешь.

— Ладно, Тэн, не придирайся. Рассказывай. А то мы уже столько болтаем, а я все еще не понял главного: что же вы делаете во время полета?

— Так ты слушай и не перебивай! А то: «Все правильно! Все правильно!» Но вот и неправильно.

— Что неправильно?

— А вот то и неправильно, что первые год-полтора мы просто летим, спим, едим... Ну и картинки смотрим, и всякое такое... Словом, бездельничаем... Роботы запрограммированы

так, что нам делать совершенно ничего. В этом беда, и это неправильно. Ты понимаешь?

— Не совсем,— сознался Юра.

— А плохо то, что полтора года мы бездельничаем. По программе, составленной на нашей земле, нам дали отдых. Кто-то нас очень пожалел: как бы мы не переутомились. А мы не переутомились, а просто отупели от безделья. И потом пришлось мучиться, чтобы опять приступить к учебе.

— А вы, значит, не просто летите? Вы еще и учитесь?

— А ты по себе не знаешь?

— Ну так я думал... Это ж ваш язык, а вы наш, русский, не изучали.

— Чудак. А математику, а химию? А биологию и космогонию, а сотни других наук?

— А учителей где вы берете? Они к вам подлетают на скоростных ракетах? Прилетят, дадут урок и улетят? Ну конечно, оставив домашнее задание.

— Ты не смейся. Мы учимся так же, как учился и ты. Вся программа нашего школьного обучения записана на пленке. Включаем урок — и готов. Понял? Так что учителя нам не особенно нужны. Мы не маленькие и умеем заниматься сами.

— А... если не все понимаешь?

— Неужели ж мы вчетвером ничего не поймем? Ведь хоть один из нас да разберется. Поможет другим. А главное, пленку-то мы не перерабатываем в энергию, а храним. Не поймем — заново пропустим пленку.

— Ну, а если пленка плохая... непонятная.

— Тогда дадим сигнал на свою землю и оттуда пришлют консультацию. Кстати, мы здесь летим, а оттуда нам все время присылают поправки к программе.

— Это зачем же?

— А затем, что там, на Розовой земле, наука не стоит на месте. Каждый день рождается что-нибудь новое. А чем же мы хуже тех, кто учится в настоящих школах? Мы тоже должны знать все самое новое. Так вот мы и учимся. А могли бы и лучше. Могли бы...

Он сказал это так грустно, что Юрий тоже загрустил вместе с ним — как-никак, а полтора года они действительно теряют. Ведь это что получается — даже на такой, далеко шагнувшей вперед Розовой земле и то есть совершенно определенные недостатки. Эти недостатки настолько заметны, что даже он, обитатель Голубой земли, и то их замечает. Но тут память подсказала иное.

«У них плохо используется полтора года их жизни, а у вас на Земле по крайней мере три года».

«Это ж почему?» — мысленно спросил Юрий свою беспокойную память.

«А потому, что читать и считать ты, например, умел в пять лет, а потом до второго класса ты, в сущности, ничему новому не научился».

«Но...»

«При чем здесь «но»? — сказала беспокойная и строгая память. — «Но» здесь ни при чем. На Розовой земле теряют полтора года, да и то только космонавты, потому что при разгоне им и в самом деле трудно учиться — слишком сильна гравитация, а на нашей Голубой целых три. Так что «но» здесь ни при чем».

И Юрию пришлось согласиться. Он легонько вздохнул и задумался над тем, что на белом свете есть много правильных пословиц. Например, ну... как ее... Ну, где говорится о том, что в чужом глазу мы очень легко замечаем даже соринку, а вот в своем пусть торчит суковатое бревно, а мы будем считать, что все правильно и все очень замечательно.

Когда Юра собрался пофилософствовать на эту тему, кто-то требовательно ткнул его в ногу.

С трудом преодолевая все усиливающуюся гравитацию, Юрий приподнял голову и увидел возле своих ног верного Шарика.

Шарик всегда отличался очень умными и, как говорили все мальчишки на улице, человеческими глазами. А сейчас они были такими, что Юрий, несмотря на гравитацию, дернулся и приподнялся в своем кресле. Глаза у Шарика были не толь-

ко умными, но еще и страдающими, растерянными, такими, что Юра сразу бросился на помощь своему товарищу.

Но помочь он не успел, потому что, когда он все-таки поднялся в своем кресле-кровати и сел — от удивления у него опустились руки: Шарик был Шариком и в то же время он уже не был Шариком.

Он стал совсем другим. И не только потому, что у него необыкновенно поумнел и очеловечился взгляд, хотя и это было очень важно. Ведь если бы не огромный, свисающий набок язык, можно было бы ожидать, что собака вот-вот заговорит на человеческом языке. Но главное все-таки было в том, что Шарик необыкновенно вырос и вытянулся. На месте одного Шарика стало по крайней мере два.

Когда собака поняла, что от обалдевшего хозяина ждать помощи нечего, она горько усмехнулась и подобрала язык.

Несколько секунд вся морда Шарика, его уши и даже тело странно и непонятно дергались, морщились и передвигались. Доносились какие-то неясные, приглушенные звуки — хлопанье, повизгивание, хрипы. Потом все стихло. Шарик устало вывалил сухой язык и посмотрел на Юрку так, что он понял четвероногого друга.

«Хотел тебе все объяснить, Юрка, но ничего не получилось. Не умею. Понимаешь? Очень это обидно — не умею, и все тут».

И, не ожидая, пока Бойцов придет в себя, Шарик медленно повернулся и медленно, осторожно, словно на льду, стал передвигать лапы. Он не шел, а именно передвигал лапы — старательно и трудно.

Они подгибались и иногда подводили Шарика, разъезжались в стороны. Но Шарик упрямо подтягивал свои непослушные лапы и сосредоточенно вышагивал к приоткрытой двери.

В дверях он остановился и оглянулся. Взгляд у него опять был печальный и слегка растерянный. Потом на морде мелькнуло выражение усмешки. Как будто он хотел сказать:

«Видишь, брат, как все неладно получается. Прямо и

не знаю, что делать. А ты не поможешь. Лежишь и молчишь».

Юрка действительно молчал, хотя и не лежал, а, скорее, сидел.

На прощанье Шарик пронзительно посмотрел на него, укоризненно покачал головой и скрылся за дверью: большой, длинный, странно... нет, не то что худой, а какой-то мосластый. Словно в нем костей было много больше, чем для него требовалось. И эти словно лишние кости выпирали из неопытной, торчащей во все стороны шерсти.

Да, по всем приметам в глубину космического корабля поковылял Шарик, и в то же время это был уже совсем не тот Шарик... «Ведь он хотел...— подумал Юра,— хотел что-то сказать мне... объяснить, что с ним произошло, но у него ничего не получилось. А почему? Наверное, потому, что у него язык не такой, как у нас. Язык у него слишком уж длинный».

И Юрий, сам того не замечая, высунул свой язык и кончиком попробовал достать хотя бы до подбородка или до носа.

Измерения показали, что, по сравнению с собачьим языком, Юркин язык был короче, наверное, в два раза. А может быть, даже больше.

«А как ему хотелось что-то мне рассказать... Как хотелось! — опять подумал Юрка и поэтому не успел убрать язык. — Ведь это, наверное, такое мучение — понимать, что говорят другие, и ничего не уметь сказать. Надо что-то с ним делать...» — благородно решил Юрка и услышал недовольный голос Тэна:

— Ты что язык показываешь?

— Какой язык? — искренне удивился Юрка: он совсем забыл, что после опыта не успел убрать свой язык.

— Ну, если у тебя два языка, тогда, конечно... вопрос уместный.

— Я не показываю. Просто... просто я посмотрел на Шарика...

— Не оправдывайся,— поморщился Тэн.— Шарик здесь

ни при чем. Ведь он пошел...— Тэн замялся,— ну ты сам понимаешь...

— Ничего я не понимаю,— обиделся Юрка.— Просто он пить хочет — вот и пошел.

— Не думаю... Во всяком случае, это ему не удастся.

— Почему?

— Для того чтобы отвернуть кран с водой, нужны руки, а у него, по-моему, нет рук.

— Он и зубами сумеет... Вы его просто плохо знаете. Это такой... такой... — с некоторой гордостью ответил Юрий и почему-то успокоился.

Ему и в самом деле показалось, что с Шариком не произошло ничего необыкновенного. Наверное, ему показалось, что собака так уж заметно изменилась.

Измениться, конечно, изменилась. Но в этом нет ничего удивительного: что ни говорите, а они находятся в космосе. И главное, с ними обоими происходят странные события. И науке еще не известно, как все такое и подобное влияет на собачий организм. Может быть, и сам Юрий изменился, только он еще не замечает этого. Вот когда изменения заметят другие, хотя бы голубые люди, тогда нужно бить тревогу, а пока следует молчать и наблюдать.

Чтобы успокоиться, Бойцов задал Тэну новый, довольно каверзный вопрос:

— Ладно. С Шариком понятно. Непонятно другое. Что вы будете делать после этого полета?

— Как — что? — искренне удивился Тэн.— Считай: лететь до намеченной солнечной системы около десяти лет. Значит, туда мы прилетим, когда нам будет около восемнадцати. Года два, а может быть, и три потребуется для обследования самой системы и ее ближайших космических окрестностей, на установление связей с соседней галактикой. Потом полет назад, на Розовую землю: он продлится лет семь... около восьми.

— Это почему так — туда десять лет, а обратно восемь?

— Потому, что наша солнечная система и нужная нам система, как и все в космосе, никогда не стоят на месте. Они

перемещаются и иногда приближаются друг к другу. Вот как раз через восемнадцать лет и начнется такое сближение. Если новая, обследованная нами солнечная система окажется подходящей для нашей цивилизации, наши люди смогут переселиться на ее планеты.

— Это вы должны все разведать? — недоверчиво спросил Юра.

— Да, мы, — совсем просто, как о чем-то само собой разумеющемся, сказал Тэн. — Значит, когда мы вернемся на свою землю, нам будет примерно двадцать пять лет. Из них восемнадцать мы проведем в космосе. Согласись, что мы будем и опытными и совсем еще молодыми космонавтами.

— Пожалуй...

— А это значит, что те из нас, кому не понравится космическая профессия, смогут остаться на земле и получить другую специальность, а те, кого увлечет космос, отправятся в новые, более сложные и дальние космические путешествия. Лично я уже твердо знаю — я полечу еще не раз.

— Здорово вас готовят! — с уважением сказал Юрий и сполз в свою кровать. — Теперь я понимаю кое-что...

— Ну хорошо, хоть не сказал «я все знаю!» — засмеялся Тэн. И серьезно, почти грустно проговорил: — Да, Юрка. Для того чтобы чего-нибудь добиться, нужно все время учиться и все время тренироваться.

— С малых лет?

— Выходит, так, — мягко улыбулся Тэн.

— Но это значит, что на Голубой земле мы уже опоздали? — встревожился Юрий.

— Нет, почему же... — смилостивился Тэн. — Ведь у вас еще нет таких кораблей, как у нас. Но...

— Но они же будут, — перебил его Юрий.

— Вот именно. Значит, нужно готовиться как можно раньше. А ты... — Тэн опять засмеялся, — ты даже не знаешь формулу своего любимого продукта. Я уж не говорю — всей еды. Я тоже, может быть, формул всех кушаний не знаю. Но любимых!..

— Но понимаешь, Тэн,— чуть не хныкал Юрка,— у нас же этого просто не учили...

— Что значит — не учили?! Ты что, Шарик, что ли? Научили его понимать — понимает. Не научили говорить — не говорит. Ты же человек! Мыслящее существо. Если видишь, что чего-то не знаешь, что, по-твоему, нужно знать, возьми и изучи! Что, у вас знания под секретом, что ли? Или, может быть, у вас не разрешают учиться?

— Нет, конечно... Но...— начал было Юрий и смолк.

Не мог же он рассказывать Тэну, что за последние десять лет его жизни он ни разу не ощущал острой необходимости знать формулу хлеба. Или сахара. Существовали они — это здорово! Нужно было их купить — отлично! А на большее Юрий просто не рассчитывал...

Глава тринадцатая

ВОЙ В КОСМОСЕ

Несмотря на тяжкую, пригибающую к полу силу гравитации, Шарик все-таки пробрался на кухню, с трудом отдышался и подумал уже не на своем, собачьем языке, а на том, новом, который он выучил, сам не зная когда и почему. Но потому что в этом языке было много интересных понятий и, главное, все они состояли из слов, которые, в общем, очень здорово объясняли и его состояние, и состояние окружающих предметов, и обстановку, этот новый язык показался практичному Шарику очень подходящим. На нем он и подумал: «Что со мной делается... Что делается...»

Он критически осмотрел самого себя со всех доступных ему сторон и горестно взвизгнул: несмотря на овладение новым для него языком, ни говорить, ни выражать свои чувства по-новому Шарик не научился.

«Если так и дальше пойдет, так я раздуюсь... Как бык раздуюсь».

Тревога Шарика была обоснованна. С ним творилось нечто

совершенно непонятное и удивительное. Если раньше, несколько часов назад, это удивительное только угадывалось, потому что оно словно прорезывалось и набирало силы, как гриб, который долго тужится, прежде чем выглянуть из-под прошлогодних листьев на белый свет, но уж когда он выглянул, то набирает силу быстро, смело и настойчиво. Вот такое происходило и с тем удивительным, что отличало теперь Шарика от всех окружающих: он рос.

Рос так, что, будь он на Голубой земле, о нем бы могли сказать, что он растет, как на дрожжах, или даже проще: «Во дает!»

Но все это не очень радовало Шарика, хотя временами ему и нравилось, что он раздается и вширь и ввысь. Он помнил уличные обиды от более сильных и злых собак, которые всегда бывали больше его.

Теперь запоздало Шарик мечтал, как он разделается со своими обидчиками.

Но эта маленькая и какая-то невнятная радость перебивалась тоже еще невнятной тревогой:

«Мне все время хочется либо есть, либо пить. Так хочется, что я не в силах совладать с собой. И что самое главное — чем больше я ем и чем быстрее расту, тем больше и чаще мне хочется есть и пить. Что же будет, если так пойдет и дальше?»

Шарик присел на пол на обыкновенной космической кухне перед химическими анализаторами и представил, что же все-таки произойдет, если и дальше все пойдет так, как идет сейчас.

Прояснялась не очень-то красивая картина. И чем ярче она становилась, тем страшнее и неприятней было бедному Шарiku.

На этой картине вечно голодный, томимый жаждой Шарик разросся до таких размеров, что космический корабль был уже не в силах его вместить, и он, сжатый со всех сторон оболочкой корабля и в то же время наделенный гигантской, прямо-таки космической силой, чтобы спастись, вынужден был

напрячься и разломать корабль надвое. А может быть, даже на три или на все четыре части...

Что тогда будет?..

Шарику стало страшно: придумать, что будет тогда, он не мог. И не потому, что не хотел. Он хотел, но не умел. Оказывается, его мозг был еще мало приспособлен к выдумкам. Может быть, еще потому, что пока Шарик еще очень мало знал. У него не было даже низшего образования.

Может быть, у него и было какое-то свое, собачье образование, но в космосе оно помогало не очень-то надежно.

Тогда Шарик стал думать о другом. О том, как он будет есть и пить, пока... Нет, он не будет расти до тех пор, пока не лопнет корабль. Он будет есть, пока на корабле имеются продукты и вода.

И тут ему опять стало страшно, потому что если он так будет есть и пить и так расти, то вода и еда на корабле кончатся очень скоро. И тогда... Тогда единственными, кого можно будет съесть, будут его двуногие друзья. Голубые и белый.

Как ни прикидывал Шарик, но получалось, что выхода у него нет. Раз он обречен на постоянный рост и, значит, на постоянные жажду и голод, он должен будет в конце концов погубить своих товарищей или погибнуть сам от голода и жажды. А он не хотел ни того, ни другого. Он не мог погубить или хотя бы послужить причиной гибели своих товарищей. Но он и не хотел гибнуть сам.

Положение складывалось прямо-таки убийственное. И выхода из него Шарик не видел.

Конечно, можно было поделиться своими мыслями с товарищами — ведь он прекрасно понимал почти каждое их слово. Но вся беда заключалась в том, что рассказать о своих печальных и опасных мыслях Шарик не мог.

Он в этом убедился, когда собирался идти на кухню: он все понимал в тот момент. У него нашлись самые добрые и самые умные слова, которые он выучил на языке голубых людей. Но произнести их он не мог — язык у него оказался слишком

длинным. Как у сплетника или трепача. И он не подчинялся Шарику. Он болтался во рту между редкими зубами, и ничего путного, кроме мычания и приглушенного повизгивания, не выходило. И как теперь поступить — Шарик не представлял.

А поскольку будущее в его мыслях сводилось только к двум картинам — либо гибели корабля, либо собственной гибели от голода (он даже в мыслях не мог представить, что съест товарищей), то Шарику стало так страшно, что он не выдержал и завыл на своем собачьем языке:

«Ой, плохо-о-о! Ху-у-удо-о! Ши-и-бко-о ху-у-удо-о-о!!»

Его вой, виноватый и немного жуткий, разнесся по всему кораблю, ударился о стенки и эхом возвратился на кухню.

Тревожно заморгали огоньки на стенах, что-то неуловимо

и стремительно сменилось в положении корабля, и это уже по-новому испугало Шарика.

Он перестал выть, тяжело вздохнул и, поднявшись на задних лапах, достал из картотеки программу обеда, вставил ее в отверстие манипулятора, а потом открыл краник водяного бачка и с удовольствием попил прохладной, но в общем-то безвкусной воды.

По мере того как машины выдавали ему все новые и новые порции невиданных и совершенно невероятных по земным понятиям блюд и Шарик равнодушно съедал их, время от времени наклоняясь к водяному крану и запивая съеденное водой, он успокаивался и грустно думал: «А что же делать? Ну что делать, если я хочу есть, так хочу, что забываю все на свете?»

И он ел, пил, совестился и ругал сам себя, пока наконец не заснул возле самого крана с водой.

На корабле все успокоились, и только тихонько гудели невидимые машины, вырабатывавшие огромную, прямо-таки невероятную энергию, которая еще непонятным образом разгоняла корабль в безмерных, безвоздушных и черных просторах космоса, неся его к каким-то несведомым планетам в неведомых галактиках. И никто на корабле еще не знал, как незаметно к ним подбирается настоящая, не предусмотренная никакими программами полета, очень опасная и сложная беда.

Впрочем, беды всегда подбираются незаметно, потому что если бы они были предусмотрены заранее, так это были бы не беды, а просто самые обыкновенные неприятности.

После того как вой Шарика прокатился по всему кораблю и вывел из приятной, мечтательной дремоты всех космонавтов, Квач громко зевнул и, осторожно, натруженно меняя положение в кресле, сказал:

— Это что за представления? Концерты с продолжением?

Юра растерянно и извиняюще, словно он был виноват в том, что Шарик неожиданно завыл на весь корабль, попытался вступить за собаку:

— Тоскует, наверно... Все-таки космос...

— Ну и что, что космос? — почему-то строго спросил Квач. — Если космос, так обязательно нужно выть?

— Не обязательно, конечно, но... Но, может быть, у него ностальгия...

— Это еще что за ностальгия?

— Ну... болезнь такая... Иначе еще называется — тоска по родине.

— А-а,— протянул Квач и сразу осунулся и затих.

— Я думаю, что ностальгия здесь ни при чем,— вмешался Миро. — У него, вероятно, не все в порядке с организмом — собака еще не умеет управлять своими эмоциями во время искусственного усиления гравитации. Отсюда и вой.

— Брось мудрить! — рассмеялся Зет. — Шарiku потребовалось в одно место, а найти его сразу, да еще спросонья, не может. Вот и воет — вызывает о помощи.

Все рассмеялись, и Зет торжественно объявил:

— Предупреждаю, разгон подходит к самому трудному этапу. Устраивайтесь поудобней — перенапряжение будет особенно сильным. Выключение двигателей произведут роботы — команда-задание на вывод на главную орбиту им отдана. Информационная связь со следящим центром налажена.

Юра поерзал и покорно устроился в своем кресле поудобней. Ровно, но как будто громче гудели невидимые двигатели, все так же, как будто ничего не случилось, перемигивались разноцветные огоньки в стенах и в полу.

На экране плыл черный и бездонный космос. В его глубинах поблескивали необыкновенно яркие, многолучевые звезды — все разноцветные, такие, как огоньки в стенах. Юра рассеянно подумал: «Почему они разноцветные?» — и сам попытался дать себе ответ: «Здесь ведь нет атмосферы и ничто не изменяет окраску света, который идет от звезд. Здесь он настоящий, подлинно звездный».

Он хотел было задремать, но мозг подбросил новый вопрос:

«А почему атмосфера твоей родной Земли искажает свет звезд? Может, наоборот, она очищает его? А здесь, в космосе, свет невсамделишный? А?»

И Юра ничего не мог ответить на этот вопрос. Потому что он пока умел только предполагать, а знать, точно знать, что, отчего и почему, он еще не знал. И тут его одолела самая настоящая, самая земная зависть к голубым космонавтам.

Подумать только — они сверстники, а вот знают, как дать роботам задание, как управлять любыми приборами, и вообще чего-чего только не делают! Вот что значит не терять времени и учиться с того самого часа, как получаешь возможность учиться.

И Юрка дал себе честное слово, что он немедленно, здесь же на корабле, будет использовать каждую минуту, чтобы учиться, узнавать новое, чтобы управлять этим новым. Сразу же приступить к исполнению своего торжественного космического обещания он не успел, потому что корабль заметно прибавил скорость. А значит, прибавилась и сила гравитации. Она вдавила Юрку в кресло, прижала да еще и прихлопнула невидимой, но очень уж осязаемой тяжестью. Не то что двигаться или учиться — даже думать и то стало невероятно трудно. Почти невозможно. И Юра очень кстати вспомнил старинную отцовскую поговорку: «Не трать, кумэ, силы, а спускайся себе на дно».

Почему куму не нужно было тратить силы и на какое дно следовало спускаться, Юра не знал. Но поговорка показалась ему очень уместной и успокаивающей. Он смежил веки и задремал.

Сколько прошло времени, как далеко пролетел корабль и сколько сменилось на нем дежурных, Юра не помнил: он находился не то в полусне, не то в полуяви, что, впрочем, почти одно и то же. Он что-то вспоминал, над чем-то пытался задуматься, но все это быстро сменялось чем-либо другим, а то, над чем он пытался задуматься минуту назад, бесследно уносилось, вероятно, в бездонные космические дали...

Когда он задумался над бездонными космическими даля-

ми и попытался выяснить, есть ли у обыкновенных далей дно и какая принципиальная разница между обыкновенными и космическими далями, он услышал, как громко и сладко зевнул Квач, а потом крикнул:

— Дежурный! Ты что, всерьез задумал морить нас голодом? Ведь есть же хочется!

— Ребята,— замогильным голосом сказал Миро,— следящие роботы предупредили: необходима экономия продуктов. В бункерах резко сократилось количество белковых молекул, по крайней мере полутора сотен видов. Химические анализаторы и преобразователи уже получили задание проверить запасы и привести белковые молекулы к нормальному соотношению... Но... контролирующие роботы...

— Слушай, Миро, ты брось шутить! Кто мог растратить белковые запасы?!

— Я не знаю, Квач, но контролирующие роботы отмечают непозволительно щедрые траты белков, жиров, витаминов, кислот... ну и так далее.

— Твое решение?

— Пойдите, ребята,— вмешался Зет.— Прежде чем дежурный примет решение, нужно подумать о главном — есть-то нам все равно нужно. Поэтому поступило предложение: вначале поесть, а потом уж решать сложный вопрос об исчезновении белков, углеводов...

— Углеводы, понимаете, почти в норме...— перебил Миро.

— Правильно,— не растерялся Зет и продолжил: — Их легче вырабатывать непосредственно на корабле, чем жиры, витамины, кислоты... ну и так далее. Как мое предложение?

— Принимается единогласно! — крикнул Тэн.— Дежурный, действуй!

И дежурный действовал. Он вызвал из кухни тележку с обедом, и тележка объехала каждого космонавта. Все поели.

Все как будто были сыты. Оставалось только поуютней устроиться в своих креслах и задремать — впереди самый трудный разгон. Гравитация будет возрастать. Нужно экономить силы.

А все, как сговорившись, ерзали в креслах, переглядывались, и непонятно было, чего им не хватает.

Первый, как всегда, это разгадал Квач.

— Знаете что, ребята? После такой еды нужна земляника

И земляника появилась. Космонавты ели ее, хвалили, а корабль начинал выход на галактический курс. Не хотелось думать ни о миллиардах километров предстоящего пути, с неизвестности, о непонятной утечке продуктов. Вернее, не самих продуктов, а тех составных частей, из которых они делаются,— такой вкусной, успокаивающей и бодрящей была замечательная земная ягода.

Посоветовавшись, решили дать роботам задание еще раз проверить, во-первых, сами запасы, а во-вторых, работу следящих роботов. Хотя за последние полвека на всей Розовой земле еще не было случая, чтобы роботы подводили, но теоретически такой возможности упускать не следовало. Все должно быть точно. А пока будет идти проверка, можно отдохнуть.

В тот момент, когда все, кажется, успокоилось и утряслось, космический корабль опять потряс тяжкий собачий вой

Он снова прокатился из отсека в отсек, откликнулся эхом и постепенно затих.

Космонавты еще некоторое время прислушивались к отголоскам этого воя и наконец решили:

«Успокоится и ляжет спать. Следящие биологические роботы не заметили ничего подозрительного — иначе они известили бы нас о любых изменениях в здоровье Шарика. Вероятней всего, Шарик плохо переносит гравитацию. Вот и все».

— Давайте немного отдохнем,— предложил Квач.

Глава четырнадцатая

ТАЙНА КОРАБЛЯ

Космонавты дремали и даже спали, ели и пили и очень страдали от гравитации — тело было налито свинцом, в висках стучало, а где-то под ложечкой все время посасывало.

Но постепенно привыкли и к этому, потому что корабль только выходил на свой галактический курс. Значит, разгон еще будет длиться долгое время.

Миро очень страдал от перегрузки и, наверное, поэтому солидно ворчал:

— У нас научились высчитывать все. Даже рост цветка или полет моли. А вот уравновешение сил гравитации и ускорения в космическом корабле все еще не умеют делать. А все почему? Жалеют энергию.

— При чем здесь энергия? — откликнулся Зет. — Энергии у нас сколько хочешь. Места мало. Ты же проходил космографику и знаешь, как трудно составлять графики и решать уравнения на сопряжение двух этих сил. Да еще в условиях наших систем получения энергии.

— Я все понимаю, — рассердился Миро. — Но именно потому, что понимаю, поэтому и возмущаюсь: самую сложную часть работы мы не умеем передать роботам. Они оказываются неграмотными.

— Нет, дело не в этом. Грамотных и в этом деле роботов создавать не так уж трудно. А вот поместить их на нашем корабле нигде.

— Это не резон. Значит, нужно делать роботы меньшими.

— Мы еще не умеем.

— Вот этим-то я и возмущаюсь. Как только окончу первоначальное обучение, сейчас же переключусь на роботов. Это же прямо-таки нетерпимо. То изволь проверять следящих роботов — может быть, они напутали. То живи, как мышонок в банке. Тебя раздувает, перегружает, а ты лежи и радуйся тому, что уравниванием сил все еще некому заняться по-настоящему. Безобразие! Честное слово, безобразие!

Они еще некоторое время поспорили, а Юрий, прислушавшийся к этому спору, сделал два вывода: во-первых, роботы не так уж всемогущи, как кажется. Они могут быть даже малограмотными. Во-вторых, на корабле существует какая-то интересная энергетическая установка, топлива для которой сколько угодно.

Известно, что только одному двигателю в мире «топлива» может быть «сколько угодно». Однако вся беда в том, что такой двигатель называется вечным. А вечных двигателей в природе не существует. Значит, и на этом космическом корабле не может быть двигателей, которые потребляли или давали бы энергии «сколько хочешь».

Для двигателей тоже есть предел — горючее. Не может быть, чтобы на таком сравнительно небольшом космическом корабле было так уж много пусть даже самого замечательного, самого драгоценного и полезного горючего. Если оно разгоняет корабль до огромных, околосветовых скоростей, расход этого горючего должен быть прямо-таки катастрофическим.

Тогда, спрашивается в задаче, откуда же космонавты берут горючее для своих двигателей?

Вот об этом Юрий и спросил Миро, как только тот повернулся к нему лицом.

Миро задумался и с долей сомнения посмотрел на Бойцова. Он словно прикидывал — поймет этот бестолковый мальчишка такие серьезные вещи или лучше отшутиться и не пытаться растолковать то, что заведомо непонятно земным людям.

Потом Миро поморщил лоб и, должно быть, решил, что хочешь или не хочешь, а объяснять нужно: Юрий летит вместе со всеми. Он равноправный товарищ. И не его вина, если он чего-то еще не знает. Но если объяснить как следует, так, может, и узнает. Ну, понятно, не все сразу. Кое-что будет и непонятным. Но потом, когда Юрий сам захочет, он разберется, подучит, что нужно, почитает и все поймет.

Так что рассказывать нужно. Миро вздохнул.

— Ты знаешь, что такое атом? — тоном усталого гениального учителя спросил он.

— Знаю, — сразу же, уже привычно слегка обижаясь, ответил Юрий. Ему не понравился и тон Миро, и то, что его второй раз спрашивают об атоме. — Знаю, что такое атом. Знаю, что в атоме есть ядро, а вокруг него вращаются электроны.

А иногда протоны. Или нейтроны и всякие иные совсем элементарные частицы.

— Чудесно! — чуть не подскочил Миро, но властная и тяжкая сила гравитации придавила его к креслу. — Великолечно! Тогда ты, наверно, знаешь, что обыкновенный свет состоит из квантов?

Честно говоря, Юрий этого не знал. Но он уже был научен горьким опытом и поэтому согласился:

— Тао!

— Ну, а раз так, то ты понимаешь, что кванты — это крошечные частицы материи, почти такие же, как и другие элементарные частицы атомного ядра или электрона, да и вообще крупных частиц. Теперь посмотри на экран и, может быть, ты кое-что поймешь.

Юрий посмотрел на экран, но увидел все тот же фиолетово-голубовато-черный мрак космических пространств с крапинками звезд. Иногда в него вылетался отсвет близкой или очень крупной звезды — розоватый, голубоватый или алый, а потом постепенно и сама звезда показывалась на экране и уплывала дальше; иногда бархатисто-черный экран прорезывали прямые, как мечи или столбы прожекторов, лучи невидимых звезд; иногда экран светлел и становился как бы сероватым, но не теряющим свою черную бархатистость. Иногда участок экрана ярко светился: это проплывала огромная туманность — скопление звезд или раскаленных вселенских газов.

Словом, там, за стенами корабля, в безграничных и бездумных глубинах или высотах космоса, все время бродили отсветы или лучи света. Значит, бродили и кванты — крохотные частицы материи, образующие потоки света.

И Юрий так и сказал:

— Многого, конечно, не поймешь, но одно понять все-таки можно: квантов там очень много.

— Во-от. А теперь представь себе, что творится в галактиках, когда взрываются сверхстарые звезды или образуются сверхновые.

Чего-чего, а этого Юрий представить себе не мог, потому что за всю жизнь он не видел, как взрывается обыкновенная граната. А тут речь шла о целых звездах. Поэтому он дипломатично промолчал, и Миро не заметил этого — он уже стал увлекаться своей ролью лектора или учителя.

— Ну вот. После каждого такого взрыва во все стороны с огромной быстротой разлетаются обломки той самой материи, из которой состояла взорвавшаяся звезда. Потом прибавь к этим обломкам и квантам еще всякие летучие газы, постоянно кочующие по Вселенной, и ты поймешь, что космические дали не такие уж безнадежно пустые, как это мы учили в первых классах и как они для простоты иногда представляются учеными. Нет, в космическом пространстве хоть и в ничтожных количествах, но материя присутствует. Есть даже особые солнечные, космические ветры, которые раздувают хвосты комет...

— Но ведь ты сам говоришь, что это не столько материя, сколько ее обломки.

— Чудак человек! Ну... чем вы, например, топите печи у себя на Земле?

— Н-ну, углем или дровами.

— Ясно,— подумав, кивнул Миро.— Так вы же в топку кладете не целое дерево или пласт угля?

— Конечно, нет.

— А что вы с ними делаете?

— Ну... колем уголь. И дрова тоже колем. На мелкие поленья.

— Значит, материю, которой вы топите свои топки, вы раскалываете на мельчайшие обломки. Верно?

— Выходит...

— Чего же удивляться, что во Вселенной тоже бродят обломки материи? Но ведь нам-то они нужны именно как обломки. Ведь мы топим топки своих двигателей не целыми планетами, а только их обломками.

Все шло как будто более или менее правильно. Юрий уж научился беседовать с голубыми людьми. Если чего-нибудь

не понимаешь или в чем-нибудь сомневаешься — не откладывай в долгий ящик, а сейчас же спрашивай об этом. Голубые люди немедленно начнут растолковывать. И если такое растолковывание будет не только понятно, но и логично, значит, все верно. Можно продолжать.

Сейчас логика отказывала Юрию в одном. Если считать, что Миро говорит правду и голубые люди действительно топят топки своих космических кораблей обломками материи, то ведь этих обломков должно быть, прямо скажем... ну, хотя бы порядочно. А их, как говорит и сам Миро, в космосе ничтожно мало. На чем же тогда будут летать космические корабли? На ничтожно малом?

— Нет, что-то у тебя не получается,— сказал Юрий.

Как ни удивительно, но Миро даже не обиделся. Он только усмехнулся.

— Ты не учишь скорость.

— Какую скорость?

— Скорость космического корабля. Ведь он летит очень быстро. Вначале несколько километров в секунду. Потом несколько десятков километров в секунду, потом несколько сотен километров в секунду, и так далее. И чем быстрее он летит, тем больше квантов, обломков атомов, сами атомы, потом обломки молекул других миров и сами молекулы попадают на пути корабля все чаще и все гуще. А иногда попадают облачка космической пыли, мелкие метеориты и все такое прочее. И все это годится нам в топку.

— Так что же вы, собираете их на лету? Как же это возможно?

— Это гораздо проще, чем ты можешь подумать. Космический корабль летит, а ему навстречу летят обломки материи и все такое прочее. Вы на своей Земле строили такие корабли, чтобы их обшивка отражала все встречное и поперечное. Верно?

— Верно,— согласился Юрий.

— А мы делаем все наоборот. Обшивка нашего корабля притягивает все встречное и поперечное. И все кванты, и все

электроны, ядра и атомы, встречаясь с нашим кораблем, прилипают к нему, как мухи к липучке. Больше того, чем с большей энергией мчится частица, тем глубже она проникает в оболочку корабля и, отдавая ему свою энергию, помогает общему делу.

— Какому это общему делу? — на всякий случай, убеждаясь уже, что логика восстановлена и Миро рассказывает, кажется, дельные вещи, спросил Юрий.

— Общему делу преобразования энергии и материи. Понимаешь?

— Не все.

— Еще поймешь. Давай дальше. Частицы материи попадают в обшивку и в обшивке сразу же сортируются. Видал все время перемещающиеся и перемаргивающие огоньки в стенах?

— Видал!

— Ну так вот, некоторые из них и есть контрольные огоньки преобразователей простейших частиц, из которых, собственно, и построена оболочка корабля. А все остальные — это только то, что налипло на обшивку, преобразовано ею и отныне годится в дело.

— А как же они могут преобразовывать обломки в обшивку? И потом, откуда же берется энергия для этого? Из обшивки, что ли?

Вопросов сразу набежала масса. И разобраться в них Юрию казалось невозможным, потому что ответ на один вопрос начисто зачеркивал второй. Если, например, голубые космонавты додумались двигаться на энергии космических глубин, что само по себе, вероятно, возможно, то спрашивается: как же быть с обшивкой? Ведь обшивка тоже состоит из тех же самых, да еще и преобразованных обломков звездного вещества. А ведь на их преобразование тоже нужна энергия. Откуда же брать эту, дополнительную, энергию?

И пока Юрий барахтался в этих противоречиях, Миро спокойно и щедро раскрыл для него одно из подтверждений веч-

ного закона сохранения энергии. Юра с трудом вспомнил, что в школе этот закон, кажется, проходили, но никто никогда не предполагал, что он так могуч и так всеобъемлющ, что он действует даже в космосе.

— Когда ядро, или квант, или электрон врежется в обшивку корабля и отдаст ей часть энергии, преобразователи прежде всего определяют, что это такое. Если ядро, отправляют его к подобным ядрам. Если элементарная частица, — к подобным частицам, а кванты сразу преобразовываются в нужные, но быстроживущие частицы. Потом преобразователи смотрят, каких атомов на корабле нехватка, и как раз их-то и начинают делать. Допустим, нехватка атомов кислорода. Начинают подбирать для них нужные ядра и нужные частицы. Получается синтез, соединение. А при синтезе выделяется энергия. Собираем ее и с ее помощью делаем новые атомы. И так все время, пока корабль не расходует энергии, а просто летит по инерции или используя притяжение соседних или дальних, но огромных звезд.

Но вот нам нужно освободиться от этого притяжения — оно ведь может быть опасным, может затянуть неизвестно куда. Или разогнать корабль, как это мы делаем сейчас, или, наоборот, притормозить его. На все это нужна энергия. Включаем свои двигатели. Преобразователи немедленно подают в них порцию атомов. Двигатели их разжигают, сжигают и получают энергию. И все это снова выбрасывают в космос.

Что же получается? В обшивку врезаются остатки материи из космоса. Они, как аккумуляторы, заряжены атомной энергией. Космические остатки преобразуются в обшивке в нужные нам атомы, а то и молекулы, а потом эти остатки используются на получение новой энергии. И ты не спеши, Юра, я тебе сразу скажу: наша обшивка не вечная. Она все время то утолщается, то, наоборот, становится тонкой. Когда мы разгоняемся вот как сейчас, то мы забираем очень много энергии, и, как ты видел, в дело вступили даже преобразователи внутри корабля. Они утончают пол, собирают лишние атомы с

оболочек. А когда мы полетим по инерции, все это опять нарастет за счет космической пыли.

— Слушай, но, когда вы сидели на земле, я видел, что на обшивке были прямо-таки настоящие шрамы от метеоритов.

— Ну и что ж тут особенного? Конечно, мы можем встретиться с метеоритом. Если метеорит будет слишком большим, он может, вероятно, даже разбить наш корабль. Ну, это только в том случае, если не сработают защитные роботы. Но все дело в том, что нам страшны только метеориты, которые образовались при взрыве планеты или звезды. Они летят со скоростями, близкими к свету. У них огромные запасы энергии. Вот они и могут пробить наш корабль. Но таких метеоритов очень мало, я бы сказал ничтожно мало. Обычно летают самые обыкновенные неприкаянные метеоритики, которые если даже и попадают в нас, то расшибаются об обшивку в пыль, а пыль эту все равно мы же и поглощаем.

— Ну, а шрамы?

— А шрамы — это удары крохотных метеоритов, которые образовались при звездных взрывах. Вот они-то и оставляют шрамы. Но и шрамы быстрее затягиваются новыми атомами. Я уверен, что их уже нет.

Они замолкли и задумались. Мирю о каких-то своих, космических делах, а Юрий думал о том, что голубые люди нашли, видимо, самый умный, самый простой и самый хитрый выход из положения. Они построили как бы вечный двигатель. Вечным его можно назвать потому, что он черпает свою энергию в космосе. А космос — вечен. Но, с другой стороны, двигатель и не совсем вечный, потому что если он работает слишком долго и не успевает пополняться запасами горючего, он выходит из строя. Значит, все правильно. Он вечен, как космос, но потому, что в самом космосе ничто не вечно, не вечен и двигатель...

Но тут Юрий зашел уже в такой тупик, что не столько понял, сколько почувствовал: во всем этом нужно разобраться как следует, когда выпадет свободное время.

Однако разбираться с вечным двигателем у него не хватило времени.

И не только потому, что он по-прежнему чаще дремал, чем бодрствовал,— так легче было переносить угнетающую силу перегрузок. И не потому, что, когда космонавты менялись дежурствами, он старался запомнить все, что они делали,— со временем это могло пригодиться и ему: впереди тот час, когда и он станет дежурным и поведет корабль к другим планетам.

Разбираться с вечным двигателем не хватило времени, потому что события вдруг и очень круто развернулись и повели его и весь корабль совсем в другую сторону.

Все началось с того, что Зет спросил:

— Вам не кажется, что Шарик отсутствует слишком долго?

— Надо бы пойти проверить, что он делает на кухне,— сказал Тэн.

— Как же ты пойдешь на кухню, если... гравитация? — удивился вжатый в кресло Квач, а Юра тут же подумал, что Шарик, может быть, и не на кухне.

Может быть, он бродил по кораблю и наконец заблудился. А потому что сила перегрузок действует и на Шарика, он, наверное, прикорнул где-нибудь в уголке и теперь мучается.

Юра спросил:

— И откуда это известно, что Шарик на кухне?

— Показывают приборы.

— Ну-ка, включи внутренний обзор,— как всегда, не советовал, а, скорее, приказал Квач,— посмотрим, как его самочувствие.

Очередной дежурный, Зет, переключил тумблер, и на стене рядом с космическим экраном вспыхнул экран внутреннего обзора. Прямо на Юрия смотрели два огромных, умных и страдающих глаза.

Сразу даже и не поверилось, что так может смотреть Шарик. Наверное, потому, что глаза эти были непривычно огром-

ными. Юрий не смог выдержать его взгляда. Тогда он осмотрел всего Шарика и поначалу даже успокоился. Шарик был таким же, как всегда.

Шерсть на нем теперь не лежала космами, а казалась причесанной, глянцевиной. Те мослаки — торчащие кости, что так старили и словно принижали ладную собаку, — исчезли: они обросли мясом с жирком. Исчезла щенячья угловатость и худоба.

Словом, Шарик стал опять Шариком — ловкой, быстрой и сильной собакой. Так что как будто беспокоиться было не о чем. Перегрузки, силы гравитации сказались на собаке прямо-таки плодотворно.

Но уже в следующую секунду Юрий понял, почему его так поразили огромные собачьи глаза. Их величина — не каприз внутреннего обзорного телевизора, не оптический обман. Глаза были именно огромны. В прямом смысле этого слова. Как блюдца. И короткие реснички на веках Шарика тоже были толсты, как хорошие шпагатины.

Все в нем стало огромным. Неправдоподобно огромным и потому даже страшным.

Разглядывая своего старого земного друга, Юрий с удивлением отмечал все новые и новые приметы этой огромности. А потом, когда соединил все приметы воедино, ужаснулся.

Оказывается, Шарик занял собой, своим огромным набравшимся сил телом все помещение космической кухни. Его черно-белая, могучая, как у слона, морда была уже не в кухне. Морда помещалась в коридоре корабля. И Юрка сразу оценил положение.

Если бы собака даже захотела втянуть свою морду обратно на кухню — сделать этого она уже не могла. Ее тело, покрытое толстой и, наверное, крепкой, как броня, шерстью, боками прижало все шкафы и шкафчики, все колбочки и сосуды, которые висели по стенам кухни.

Глядя на них, Юрий не мог не подивиться предусмотрительности голубых людей: они словно предполагали, что на невсроятной химической кухне может случиться тоже что-нибудь невероятное, и поэтому заранее сделали все надстройки

своего воздушного камбуза из небьющегося, эластичного материала. Надстройки эти теперь только расплющились, изогнулись, но не сломались и не треснули.

— Шарик...— пролепетал пораженный Юрий.— Что с тобой, Шарик?

Глаза Шарика потемнели и повлажнели. Но он, как настоящий мужественный космический пес, не стал выть или скулить. Он только горестно вздохнул, и этот могучий вздох, как порыв ветра, прокатился по всем отсекам и помещениям космического корабля: ведь система внутреннего обзора включала в себя и микрофоны и репродукторы.

Поражен случившимся был не только Юрий. Молчали и, видимо, побаивались Шарика все космонавты. Они переглядывались и не знали, что нужно делать. Первым, как всегда, нашелся рассудительный Тэн:

— Так вот почему следящие роботы предупредили об исчезновении запасов белков...

— Конечно,— попытался подпрыгнуть Квач, но у него ничего не получилось.— Конечно, пока мы тут рассуждали и дремали, Шарик не терял времени и питался.

— Включая систему проверяющих роботов. Они не доложили о результате проверки,— принял решение дежуривший Зет.

Но роботы молчали и на этот раз. Такого на корабле еще не случалось.

Наверное, в этом случае Юрий бы растерялся: подумать только, послушные роботы не выполняли команды! Они взбунтовались или объявили забастовку. Они не желали слушаться своих малолетних голубых повелителей.

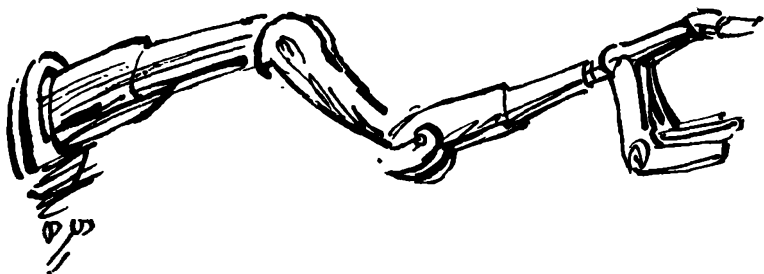
Но голубые космонавты не растерялись. На их стороне были знания, и они, надо им отдать должное, немедленно использовали это знание в трудном положении.

— Предлагаю включить резервных роботов,— предложил Мирон.

— Зачем сразу резервных? — весь напружинился Квач.— Нужно заставить работать этих.

— Как же! — усмехнулся Зет. — Так ты их и заставишь. Просто пужно установить, почему они не выполняют команды. Миро, ты лучше всех знаешь схемы. Проверь.

Миро с трудом поднялся со своего ложа и, тяжело переступая, добрался до стены, пошарил по ней и наконец нашел нуж-

пую ему кнопку. Он нажал на нее, и участок стены стал медленно растворяться, открывая не то нишу, не то шкафчик. Там лежали пачки книжечек. Миро взял одну из них и снова нажал на кнопку. Из глубины шкафчика выскочила длинная рука-захват, в которую Миро вложил книжечку.

И почти сейчас же на вновь образовавшемся на стене и вспыхнувшем ярким светом экране появились сложнейшие, вычерченные разноцветными линиями и значками схемы. Они были похожи на схемы приемников или телевизоров, которые печатаются в их паспортах. И все стали внимательно рассматривать эти схемы.

Смотрел на них и Юрий. Но, конечно, понять в них ничего не мог. А голубые космонавты понимали. Они знали, что стоят на их значках, прекрасно разбирались в путанице разноцветных линий. Наконец Миро вынес свой приговор:

— Роботы включены. Они работают. Но работают не на нас.

И тут случилось необычное. Голубые люди начали медленно, но верно становиться серыми. Наверное, таким образом люди на их Розовой земле бледнели, когда стояли перед лицом опасности или узнавали о неминуемой неприятности.

Несмотря на то что посерение голубых товарищей было действительно необычным — за все время космического путешествия Юрий ни разу не видел их в таком состоянии, — он принял это как должное. Он тоже побледнел и догадался, что происходит нечто чрезвычайно важное и, возможно, страшное.

В крайнем случае, неприятное.

— Ты думаешь? — робко спросил Квач, который был более серым, чем все остальные.

— Да. Видите, перехвачены узлы предохранительных и дальних связей. Они просто не могут сейчас давать информацию нам. Им запрещено это делать.

— Значит, они работают на...

— А что ж вы хотите? — перебил Миро. — Рано или поздно, а это должно было произойти.

— Да, но... — взмолился было Квач, но его перебил Зет:

— Перестаньте ссориться. В конце концов, решили все. Все будем и отвечать.

Терпеть неизвестность дальше Юрий не мог. Он взмолился:

— Вы хоть расскажите, что случилось.

— Случилась порядочная неприятность, — строго, но как-то безучастно ответил за всех Тэн. — Следящие роботы передают информацию на нашу Розовую землю.

— Но что в этом страшного? — опять не понял Юра. — Ведь если бы это были враги, если бы... — Он не успел додумать. У него не было ни запаса нужных слов, ни, что самое главное, запаса мыслей. Ведь он еще так мало знал!

— При чем здесь враги? — обиделся Миро. — С врагами, если они встретятся нам в космосе, нам не страшно. Для врагов у нас есть достаточно... Одним словом, от врагов мы все-

гда защитимся. В том-то вся беда, что роботы передают информацию руководителям. И, может быть, родителям.

Этого Юрий не ожидал и несколько растерялся. Опять начинались не вполне ясные и не до конца понятные обычаи и привычки голубых людей. Врагов они, оказывается, не боятся. Они, оказывается, побаиваются руководителей. И даже родителей. Странно...

Впрочем, как знал по собственному опыту Юрий, родители иногда можно и должно побаиваться. Это такой народ, от которого можно ждать всяческих неприятностей. И чаще всего не потому, что родители враждебны или злы. А просто потому, что они очень непонятливый, подозрительный и не всегда доброжелательный народ.

Так что понять голубых людей в этом вопросе Юрий мог. Родителей можно, а иногда даже нужно ну не то чтобы бояться, но, во всяком случае, быть с ними осторожным.

Так он и сказал своим товарищам.

— Что ж,— вздохнул Зет,— придется объяснять. Давай ты, Миро.

— А почему я?

— Потому что я дежурный, а ты... ты единственный, кто был против нашего поступка.

— Но я же потом согласился со всеми. Иначе не было бы поступка...

— Правильно. Но вначале ты был прав больше нас. Поэтому ты и объясняй.

— Это займёт много времени,— уже сдаваясь, попробовал поупрямиться Миро.— А мы ещё ничего не решили с Шариком.

— Что же можно решить с Шариком, если мы ещё не получили достаточной информации?

— Когда-то она будет, а там живое существо...

— Ничего с ним не случится,— вдруг разозлился Квач и стал голубеть, как будто в летний день ветер разогнал дождевые тучи и выступило ясное, голубое-голубое небо.— Ничего с ним не случится. Верно, Шарик?

Шарик покивал головой, и все успокоились. Что бы там ни говорили, а решать что-либо, тем более судьбу безголосого друга, без достаточной информации, вслепую было бы неразумно. Можно только повредить и себе и ему.

Получить же информацию от роботов, которые передавали эту самую информацию на далекую Розовую землю, сейчас было невозможным. Значит, оставалось ждать. Так лучше ждать с пользой.

Глава шестнадцатая

ИСПОВЕДЬ КОСМОНАВТОВ

— Понимаешь, Юрий,— начал Миро,— после нескольких лет полета нам до чертиков надоел и собственный корабль, и даже мы сами. И нам очень захотелось немного размяться. А программа полета не предусматривала никаких приземлений. Она требовала одного — лететь в заранее намеченную солнечную систему. А нам очень хотелось приземлиться. Понимаешь?

Юрий кивнул. Он понял, когда что-нибудь очень хочется, так что уж тут думать о программе. Ему тоже иной раз хотелось удрать в лес, или на речку, или даже просто в кино, а нужно было сидеть на уроках. Чаще всего он, конечно, не удирал. Но иногда случалось...

Особенно в те дни, когда уроки почему-то не учились и ему угрожала не то что тройка... Тройка была бы спасением. Ему угрожала самая чистокровная двойка. Вот тогда как-то само по себе получалось, что и в кино шла очень интересная картина, на которую вечером ни за что не достанешь билета, и что рыба в такие дни обязана была клевать особенно хорошо... Поэтому пропускать такую рыбалку казалось прямо-таки невозможным...

Да, Юра отлично понимал голубых космонавтов. И он не осуждал их. Наоборот, голубые космонавты стали как будто ближе и роднее.

— Ну и что же вы сделали? — для порядка и для того, чтобы подзадорить ребят, спросил он.

Он прекрасно знал, что ответят ему голубые космонавты, потому что если им действительно захотелось нарушить программу, они могли сделать это только одним способом.

И Бойцов не ошибся. Все получилось именно так, как он и предполагал и как бы сделал сам, очутившись на их месте.

В тот самый день, когда всем на корабле стало понятным, что жить так, как жили до сих пор, невозможно, Квач предложил высадиться на симпатичную Голубую планету. Запросили справочных роботов. Те быстренько и умненько ответили:

— На основании спектральных анализов, радиооблучений и облучений мощных лазеров установлено, что Голубая планета значится в каталоге, как планета, способная создать свою собственную цивилизацию. Состав ее атмосферы и сила тяжести на ее поверхности, магнитные пояса, пояса радиации и система гравитационных линий оптимальны и похожи на те, с которыми голубые космонавты встречались на родной планете.

Однако имелись и трудности. В излучениях солнца, вокруг которого вращалась Голубая планета, были вредные для голубых людей лучи. А так как планета могла быть обитаема не только разумными или полезными существами, но и вредными, особое внимание следовало обратить на биологическую и лучевую защиты.

Ребят с корабля все это не очень волновало. У них были достаточно надежные легкие комбинезоны, на их страже стояла мощная и проверенная система биологической защиты.

Смушало ребят другое — необходимость нарушить программу. Нет, они, конечно, никого не боялись. Кто может в космосе, на огромном удалении от родных и близких помешать им сделать то, что нравилось? Никто! И все-таки они не решались нарушить программу. Она была рассчитана на них, сделана для них, как и все вокруг них. И они не решались нарушить ее.

Честно говоря, Юра этого не понимал. Ведь если все сде-

лано для них, так можно и распоряжаться этим так, как хочется самому. А вот у голубых людей все получалось по-другому. «Сознательные какие!» — не без ехидства подумал Юра, но тут же вздохнул.

Что бы ни говорили ребята на родной земле, как бы они ни смеялись, а сознательность все-таки хорошая и нужная вещь. От скольких бед она спасает — прямо диву даешься. Правда, иногда она мешает, но потом, помешав, опять становится совершенно необходимой и желанной. И даже жалеешь, что вовремя не был сознательным. Поэтому Юрию было очень интересно узнать, как голубые люди справились со своей сознательностью.

Оказалось, очень просто. Квач предложил высаживаться. Остальные не решались, хотя всем очень хотелось этого. Тогда поставили вопрос на голосование, и тут оказалось, что сознательность сознательностью, а все проголосовали за высадку.

Они высадились, размялись и вот прихватили с собой Юрия и Шарика.

Таким образом, личная сознательность у космонавтов оказалась более высокой, чем коллективная. Это показалось очень странным — до сих пор Юрию всегда говорили, что по-настоящему правильно и сознательно может поступить только коллектив. А отдельный ученик должен уметь подчинять свои личные интересы и поступки коллективным. Чтобы не позорить класс. Или отряд.

А тут получилось все наоборот.

Правда, Юра тут же вспомнил, что в дни, когда ему приходилось удираť с уроков, делать это в одиночку было не то что невозможно, а как-то неинтересно. Несподручно. Получалось как бы противопоставление себя коллективу. А вот когда удирали хотя бы вдвоем, а еще лучше вчетвером или вшестером, тогда все получалось как нельзя лучше. В крайнем случае можно было ответить:

«А что, я один, что ли?»

Был у них случай, когда с уроков удраł весь класс. Даже

девчонки. И тогда никто не побаивался и все казались друг другу настоящими товарищами, а класс — коллективом.

Правда, потом, когда их ругали, коллектива не получалось — все начинали упрекать друг друга, и выходило, что виноваты все, кроме того, кто оправдывался.

Так что, может быть, и у голубых людей были какие-то свои законы, о которых на Земле, в ее не во всем совершенной цивилизации, еще ничего не знали.

Юрий еще не понимал, почему его товарищи по космосу так близко принимают все это дело к своему голубому сердцу. Ведь теперь они исправляют ошибку, нагоняют скорость и, значит, время. Есть надежда, что впереди все будет в порядке.

— Я не понимаю, почему вы так волнуетесь? — пожал сдвинутыми гравитацией плечами Бойцов.

— Мы тоже так думали, — печально ответил Миро, — но вся наша беда в том, что мы не знали, что следящие роботы имеют прямую, нам неподвластную связь с нашей Розовой землей.

— Ну и что? Наверное, такая связь нужна...

— Опасно, конечно, пужно... — нехотя согласился Квач. — Мало ли что может случиться с нами, с аппаратурой. А эта прямая связь всегда расскажет нашему космическому центру, что с нами произошло. Но мы не знали, что роботы сообщат о нашем приземлении... Они, по-моему, не должны были этого делать. Это нечестно.

— Чего уж тут честного! Растрепаться на целую галактику, что корабль нарушил программу. Ну, что же теперь будет? — осведомился Юрий.

— Хорошего, конечно, не жди... — вздохнул Зет, и все замолчали.

Юрий хорошенько обдумал создавшееся положение и, как настоящий мужчина, взвесил все возможные варианты. А когда взвесил, то спросил о том, о чем он не думал:

— А как же вы узнали, что роботы сообщили о приземлении? А может, они не сообщали?

— Сообщали...

— Но вы же сами сказали, что у ваших роботов независимая линия связи с вашей Землей. Как же вы узнали, что они передали? Выходит, эта линия не такая уж независимая.

— Не в этом дело, Юра. Не в этом дело...

— А в чем же?

— Да вот... Ну, словом, Зет перепутал тумблеры и печаянно включил обрывки записей из передач на Розовую землю.

— Ну и что же? Почему же вы тогда не удивлялись, не беспокоились, а теперь... вот...

— Ах, Юрий... Тогда мы не подумали, что это просто путаница в электронной схеме. Какое-нибудь короткое замыкание, и роботы сами его исправят. А теперь мы точно знаем, что роботы самостоятельно, без нашего на то согласия, держат связь с Розовой землей и... и передают все, что делается на корабле.

— Вот ябеды! — в сердцах ругнулся Юрий. — Ну, а вы! Вы-то как это допускаете? Неужели вы не можете сделать так, чтобы роботы нам подчинялись?

— Послушай, Юра, ты как будто не слушаешь, что мы тебе говорим, — вдруг обиделся Квач. — Мы же тебе объясняли: мы летим и учимся. А этих систем нашего корабля мы еще не проходили. Вот потому и не знаем.

— Что же будем делать?

— Вот то-то и оно. А тут эта путаница с белковыми запасами. Ведь нам лететь нельзя, если нет запасов питания.

— Наконец, Шарик... — вздохнул Зет. — Что с ним случилось?..

Все некоторое время удрученно молчали. Роботы-допосчки преподнесли явную и очень, может быть, опасную неприятность. Какую, Юрий еще не знал. И, жалея товарищей, но не зная, как им помочь, решил выяснить главное: а что может быть самое плохое и опасное, если на Розовой земле примут сигналы роботов?

— Ничего особенного... — пожал плечами Мирон. — Ничего особенного... Дадут команду на возвращение. Вот и все.

— То есть как это... дадут команду? — пролепетал Юрий, и все внутри у него почему-то сжалось еще сильнее, чем

от гравитации, даже руки похолодели, а по спине побежали мурашки.

— Очень просто. Как не оправдавшим доверия,— мрачно буркнул молчавший все время Тэн.— Это космос. И если люди в самом начале пути нарушают дисциплину...

Он не договорил. Всем было ясно, что космос — это космос, а дисциплина есть дисциплина. И если ее нарушишь, хорошего ждать нечего. Хоть в школе, хоть в космосе. В космосе, пожалуй, еще и покрепче завернут. Так завернут, что останется только хлопать глазами и робко лепетать: «Я никогда не буду так делать. Я исправлюсь и буду хорошим-прехорошим».

Юрий мрачно усмехнулся: лепетать-то ты можешь сколько хочешь, а вот услышат ли твой лепет или нет — неизвестно. Ведь в школе провинишься, ну выругают, ну в газете протянут, родителей вызовут. Неприятностей, конечно, будет много. Может даже достаться как следует дома. Но учиться все равно нужно, и поэтому в школу все-таки пошлют. А здесь? Вряд ли... Ох, вряд ли...

Люди, которые не сумели приучить себя к дисциплине, в космосе не нужны. Это ясно каждому первокласснику. И будет такой человек лепетать или не будет, в сущности, ничего не изменится. Он не выдержал испытания — значит, доверить ему корабль нельзя. Таков суровый закон космоса. Суровый и справедливый. И сделать тут что-либо уже, пожалуй, невозможно.

В отсеке стояла гробовая тишина. Только в недрах корабля по-прежнему натужно гудели двигатели. Но от этого уже привычного гудения тишина стала еще более полной и еще более гнетущей, потому что все невольно прислушивались к этому гулу и думали:

«Вот сейчас, сию минуту сквозь все глубины и широты космоса прорвется сигнал рассерженной Розовой земли и космический корабль развернется и полетит обратно. И что-нибудь сделать, предпринять будет невозможно, потому что все космонавты еще не проходили всех тонкостей управления кораблем. Они еще не знают всех тайн техники, которой он начинен.

Они еще мало, слишком мало учились. Когда-то они потеряли время, и вот теперь оно мстит им. Они нарушили дисциплину, программу полета, а теперь должны будут расплатиться за это».

Все было правильно, и расплата казалась неотвратимой.

Глава семнадцатая

ЧТО ТАКОЕ „НАДО“

И именно потому, что все было правильно и расплата надвигалась действительно неотвратимо, Юрий задумался не столько о себе, сколько о своих новых товарищах. Ему было искренне жаль вначале их, а потом уж себя: ему ведь тоже хотелось как следует попутешествовать в космосе. А если вернут их, то вернется и он.

И тут он со всей ясностью понял, что если вернутся они, то он вернется совсем не туда, куда собирался, — не на свою милую Голубую землю, а на неизвестную, но, по-видимому, очень интересную Розовую землю.

Вначале Бойцов растерялся, потом немного испугался, а затем решил:

«Куда бы я ни попал, что бы я ни увидел и ни узнал — все равно, когда я вернусь на свою Землю, я принесу пользу всем людям, потому что я привезу с собой самое главное, что есть на свете, — новые знания. Такие, каких у нас еще никто не имеет. Значит, дело не во мне. Значит, дело не в том, куда лететь; мне, может быть, даже лучше, если я полечу на Розовую землю. Дело в товарищах».

Да, он всегда был настоящим товарищем и прежде всего думал о товарищах. Наверное, именно это заставило Юрку относиться к создавшемуся положению особенно серьезно.

Прежде всего он, конечно, прикинул, как бы поступил на их месте настоящий мужчина.

Поскольку самым настоящим мужчиной, несмотря на всяческие отговорки, Юрка считал отца, интересно было знать, что сказал бы отец.

Но что могло быть известно настоящему мужчине? Что голубые люди виноваты?

Ладно... Каждый человек время от времени бывает в чем-то виноват. Но иногда он совершает проступок умышленно, а иногда случайно. В этом все и дело... Ошибиться может каждый. И если за каждую ошибку наказывать, так, пожалуй, и наказаний не хватит.

«Человек, который понимает и исправляет ошибки, заслуживает прощения,— говорил отец, когда Юрка, получив двойку, исправлял ее на четверку.—Такой человек, даже ошибаясь, достоин уважения. А вот если он врет, пытается выкрутиться, списать свои ошибки на других — на товарищей, на учительницу, на погоду,— такому человеку грош цена».

Значит, нужно исправить ошибки. Но сколько и каких сделано ошибок, Юрий не знал. Не знали, видимо, и голубые космонавты. А это нужно знать. Обязательно. Потому что иначе не исправишь ошибки. Без этого же не могло быть и речи о продолжении путешествия.

Юрка так и сказал своим товарищам. Они согласились не сразу. Посовещались, повздыхали, и, наконец, Квач кисло ответил:

— Ошибку мы исправляем. Мы и раньше думали, как ее исправить... Да вот...

— Не хнычь! — впервые очень строго сказал Зет.— Нам действительно нужно подумать, какие ошибки мы совершили и как их исправить. Первая — это приземление. Мы исправляем ее тем, что увеличиваем скорости разгона. Значит, время, которое мы потратили на торможение и прогулки по Голубой земле, будет возмещено. Ошибка вторая. Взяли пассажиров...

Все при этих словах покосились на Зета с хитрым интересом: как он выкрутится?

А Юрий посмотрел обиженно и даже несколько тревожно.

«Незачем было приглашать, если знаешь, что делаешь ошибку,— это раз. А два... Что ж, два... Не высадят же они меня посредине космоса?»

Наверное, Зет угадал мысли Юрия, потому что он еле заметно улыбнулся и продолжал:

— Исправить эту ошибку невозможно — назад не вернешься, из корабля наших гостей не выбросишь. И потом, золотое правило нашей Земли — гостеприимство.

— Здесь — больше, — вмешался Миро. — Здесь передача знаний. А это прямо записано в кодексе космонавта...

— Что это за кодекс? — перебил Юрий.

— Правила поведения космонавтов. И в этом кодексе записано: всемерно способствовать передаче знаний местным жителям, при условии, если они не пойдут им во вред. Получать знания от местных жителей — вторая обязанность космонавта.

— Ну вот, — вмешался Зет, — если подумать как следует, то окажется, что второй ошибки, в сущности, нет. Ведь мы не только взяли с собой товарища, чтобы передать ему наши знания, но и в какой-то степени спасали его от неприятностей...

— Ну, это как сказать, — усмехнулся Квач.

— Ладно... Я согласен. Но все равно особой ошибки в этом я не вижу. Юрий сам решил лететь с нами. Мы его не заставляли и не принуждали. Верно?

— Факт...

— Значит, вторая наша ошибка не очень и ошибка. Если бы не белки. Вернее, не исчезающие запасы питания...

— Я не вижу связи между гостями и питанием, — задиристо сказал Квач.

— А я вижу... к сожалению... — ответил Зет. — Стоит только посмотреть на Шарика, и каждый поймет, куда ушли продукты.

Зет взглянул на товарищей. Ему очень не хотелось, чтобы кто-нибудь подумал, будто он жалеет продукты. Но факт оставался фактом, и он говорил о нем.

— Впрочем, мы так и не знаем истинного положения с продуктами, — поправился он. — Контролирующие роботы не доложили о результатах проверки. Миро, попробуй заняться.

И пока Миро, кряхтя от напряжения, щелкал тумблерами, Тэн задумчиво спросил:

— Скажи, Юра, у вас на Земле бывали такие случаи?
— Какие?
— Ну вот когда... живое существо вдруг ни с того ни с сего начинало невероятно расти?

Юра задумался и решительно ответил:

— Я такого не видел. И не читал. Я тоже не могу понять, что произошло с Шариком. Может, космические облучения? Или какая-нибудь особая космическая болезнь?

— Нет. Облучений нам бояться нечего — защита надежная. Болезней таких тоже нет. Тут что-то другое.

Все опять помолчали, и Зет задумчиво произнес:

— Ведь Шарик, кажется, понимает наш язык?

— Похоже. Но ведь он не может говорить. Для разговора у него не приспособлен язык.

— Послушайте! — обрадованно воскликнул Зет. — Послушайте!..

Но ему не удалось окончить: металлический голос робота ворвался в помещение. Он звучал ровно, размеренно и оттого не очень приятно.

— Повторная проверка продовольствия показывает, что запас молекул животных белков, жиров и частично углеводов доведен до критического. И тем не менее их расходование продолжается. Хотя запасы витаминов, растительных белков и гормонов несколько выше, но даже введение в действие химических синтезаторов не обеспечивает выполнение расчетной программы.

Космонавты тревожно переглянулись.

— Таким образом, — продолжал робот, — общий анализ запасов показывает, что команде необходимо как можно скорее принять меры для их пополнения, так как соотношения компонентов не позволяют продолжать полет.

— Вот это да!.. — вздохнул Миро. — Такого, кажется, еще не бывало ни в одном полете.

— Влипли! — коротко отметил Квац.

— Однако следует принять во внимание, — робот сделал паузу, — что в результате работы анализаторов установлено,

что тот продукт, который был предложен для анализа и размножения, исследован. Выявлены его высокие питательные качества. Группа анализирующих и запоминающих машин отмечает, что рецепта такого продукта питания не отмечалось ни в одном из космических путешествий, и, следовательно, посадка на Голубой планете для приобретения этого рецепта вполне оправдана. Анализаторы приступают к размножению дрожжевых грибов, способствующих созданию этого продукта из растительных белков. Возможно, команда сможет пользоваться этим продуктом, и тогда общее печальное положение с продуктами питания облегчится, хотя и не снимет опасности.

Раздался легкий щелчок, и роботы выключились. Космонавты переглядывались и не совсем понимали, что же это за продукт открыли анализаторы. И поскольку все новое с неизвестной планеты могло прийти либо с Шариком, либо с Юрием, все смотрели на Юрия. Он тоже думал, потом все вспомнил и завопил:

— Хлеб! Анализаторы изучили хлеб! Мы можем изготавливать в космосе хлеб.

— Какой хлеб?—недоуменно спросил Тэн.—При чем здесь хлеб?

— Ты помнишь, когда мы создавали землянику? — все еще кричал Юрий.

— Ну... помню.

— А помнишь, как мы передали на анализ... ну... то самое... что осталось у меня в кармане? А потом еще роботы сообщили, что анализ сложен и затруднителен?

— Да, но при чем здесь хлеб? Ведь речь идет о продукте питания... Там даже грибки какие-то... Дрожжевые.

— Так это ж хлеб! Понимаешь — хлеб? А грибки...— не совсем уверенно уточнил Юрий,— грибки — это в дрожжах.

Эту неуверенность уловил Квач. Он насмешливо спросил:

— При чем здесь грибки? Ведь речь идет о хлебе?

— Давайте уточним,— поморщился Тэн,— что такое хлеб.

— Но ты же видел,— почему-то взмолился Юрий.

— Я видел у тебя на руке какую-то размазню, которую

ты выудил из кармана. Мне такой хлеб как продукт питания не нравится.

— Но ведь это же не хлеб, Тэн. Это только его остатки. А хлеб... Хлеб — это...

Юрий запнулся. Вся радость, гордость и очень многие иные хорошие чувства, что владели им после объявления роботов, стали меркнуть и смущенно отступать.

Оказывается, он мог рассказать, какой хлеб, описать его вкус, внешний вид. Даже сколько он стоит и в каком магазине продается. Но рассказать, что такое хлеб, он не мог. Он не знал, что такое хлеб.

Он молчал, мычал и мялся. Голубые космонавты, озабоченные невероятным, крайне серьезным и даже опасным сообщением роботов, были настроены мрачно и критически. Но, наблюдая за Юрием, они понемногу стали отходить и даже улыбаться.

— Послушай, Юра, что ты не знаешь его формулы, — пришел на помощь Зет, — это мы понимаем. У вас ее не проходили так, как у нас не проходили систему независимой связи.

Миро и Квач быстро переглянулись и слегка полиловели. Юрий не мог не оценить дружеской поддержки Зета. Он почувствовал себя уверенней.

«В самом деле, каждый должен знать, что задаваться нечего. Вы не знаете одного, а я — другого. Вот и все. И нечего, понимаешь...»

— Но, может быть, ты нам расскажешь, из чего состоит хлеб и как он готовится? Может быть, тогда мы поймем, что к чему.

С таким делом и не справиться? В это же никто не поверит. И Бойцов бойко зафаторил:

— Хлеб у нас бывает разный — ржаной, пшеничный, пеклеванный, ну и так далее. Его выпускают в булках, батонах, потом... это... сайках. Сдобах... Бублики тоже, в сущности, хлеб... Вообще видов хлеба очень много.

Оказывается, тараторить о том, чего не знаешь твердо, нелегко, очень трудно. Тем более, что, если честно говорить,

слоба или бублики — это же все-таки не хлеб. А может, хлеб? Но тогда и пирожки, и печенье, и пряники — тоже хлеб...

Дело явно усложнялось. А тут еще вспомнились макаронны, рожки, лапша, вермишель... И чтобы поскорее уйти от опасности, Юра уже не так быстро и, значит, не так уверенно проговорил:

— Он еще бывает серый, белый... и черный. Сладкий или солоноватый... Ну, потом... потом, если хорошо пропечен, то он пышный. А если плохо пропечен, то... не очень.

— Постой, постой. Выходит, хлеб пекут?

— Ну да! — обрадовался Юра. — Сначала делают тесто, а потом пекут.

— Из чего делают тесто?

— И в чем и как пекут?

— В этих... в печах, — немного поостыл Юрий, потом, вспомнив, как бабушка печет сдобные булочки и ватрушки и жарит пирожки, уточнил: — На листах таких... А то еще жарят. А тесто? Тесто — это так. Берут муку, разводят ее водой, добавляют дрожжей и ставят в теплое место.

— А что такое мука?

— Ну, зерна мелют мелко-мелко... Получается мука.

— А при чем здесь дрожжевые грибки? Они же вызывают брожение, а брожение преобразует, в конечном счете, растительный белок в сахар и спирт. Выходит, что хлеб пьяный?

В конце концов был задан самый прямой и откровенный вопрос:

— Скажи, ты знаешь разницу между органической и неорганической химией?

О какой там уж разнице говорить, если Юрка, как он ни выкручивался, почти ничего не знал о хлебе. О том самом хлебе, который, как записано во всех учебниках, является основным продуктом питания, который каждый день держишь в руках, без которого, кажется, не прожить и дня.

Юра горестно помотал головой и промолчал. В коллективе не разбираешься, о хлебе ничего не знаешь — ужас какой-то.

Может быть, космонавты и стали бы смеяться над товари-

щем, но, наверное, они вспомнили, что и сами-то они знают далеко не все из того, что они должны были бы знать. Поэтому некоторое время все молчали и думали. Наконец Зет мягко спросил:

— Ты помнишь, что сказал робот, ссылаясь на мнение многих машин?

— Не помню...

— Он сказал, что за рецептом приготовления хлеба стоило лететь на вашу Голубую землю. Понимаешь, наша ошибка обернулась открытием.

Все промолчали, но, кажется, вздохнули посвободнее. А Зет продолжал:

— Но об этом нашем открытии еще не знают на нашей Розовой земле. Сигналы идут туда очень долго. Но там знают, что мы нарушили программу, и в наказание могут вернуть нас из путешествия. И вот представь, мы прилетаем на нашу землю и привозим бесценный секрет. Но в секрете нет главного — как готовить ваш хлеб.

— Но я же сказал! — воскликнул Юрий. — Его нужно печь.

— А как печь, в чем печь, сколько времени — ты знаешь? — И, перебивая Юрия, закончил: — Нет, не как ты знаешь, а точно, чтобы можно было сделать все так, как делается у вас. Знаешь ты?

— Но у вас же есть машины... — слабо сопротивляясь, ответил Юра.

— Да, есть! Но машины потому и машины, что они делают то, чему их научит человек. Они сделали землянику, потому что ты им дал образец. По образцу они изготовили продукт. Вместо образца можно было передать формулу. Но формулу ты не знаешь. Сейчас ты передал машинам, оказывается, не самый хлеб, а только его полуфабрикат. Тесто. Вот наши машины и изготовят нам тесто. А что с ним делать?

— Я... я попробую вспомнить, — пролепетал Бойцов.

— Надо вспомнить, — твердо сказал Зет. — Если нас вернут, то когда ты ступишь на нашу землю и расскажешь, как делают этот замечательный, по всему видно, продукт питания,

вся наша Розовая земля будет уважать и тебя и цивилизацию всей вашей Земли. Понимаешь, Юра, ты сейчас как бы в ответе за всю вашу Землю. Тебе обязательно нужно вспомнить все, что ты знаешь о хлебе.

Это легко было сказать. Но сделать... Что было делать, если о производстве хлеба он знал примерно столько же, сколько и многие люди. А этого мало, чтобы передать драгоценное открытие земной цивилизации народам других планет.

Может быть, впервые в этот день и в этот час Юрий Бойцов понял, как важно человеку знать то, что его окружает. Знать и понимать. И ясно себе представлять, как и что делается. Пусть даже кажется, что эти знания никогда не пригодятся и что они никому не нужны. Всегда может случиться так, что как раз они-то и пригодятся, как раз они-то и потребуются.

Ребята долго молчали, каждый по-своему прикидывая и общее положение, и свою судьбу. И вдруг в тишине, под натужный и ровный шумок двигателей корабля по отсекам прокатился жалобный, тонкий, с сипотцой вой. Даже не вой, а плач. Он был так неожидан и так жалобен, что и Юра, и Зет, и даже, кажется, суровый Квач вздрогнули и огляделись по сторонам.

— Опять Шарик! — вздохнул Юра и с грустью спросил: — Что же с ним произошло? Почему он так невероятно вырос?

Глава восемнадцатая

ШАРИК РАССКАЗЫВАЕТ О СЕБЕ

Все задумались, и Зет закричал второй раз.

— Послушайте! — кричал Зет, и его доброе, с оттопыренными ушами лицо, кажется, порозовело. — Послушайте! Если Шарик не умеет говорить, потому что у него не так устроен язык, то ведь думать-то он умеет?

— То есть как это — думать? — не понял Мирю.

— Ну так. Очень просто. Думать Шарик обязан? Пусть плохо, пусть кое-как, но думать-то он обязан?

Все опять на мгновение примолкли, и Тэн солидно согласился:

— Обязан. Потому что если он не будет думать, так он даже не поест...

Тэн хлопнул себя по лбу и сурово сдвинул брови:

— Кстати, вам не кажется странным, что Шарик живет, невероятно растет, а его, в сущности, никто не кормит.

Квач расхохотался.

— Здорово! Выходит, Шарик сам себя питает? Неужели он знает формулы?

— Он, наверно, не формулы знает,— буркнул Тэн.— Он знает, где хранятся карточки, и умело пользуется ими.

— Недаром он все время сидит на кухне.

— Послушайте! — опять закричал Зет.— Но раз он умеет пользоваться нашей кухней, значит, он мыслит! Так ведь?

— Выходит,— милостиво согласился Миро.

— А раз он мыслит, значит, мы можем с ним разговаривать. Ведь он знает наш язык. Он понимает язык, но сам говорить не может. Но если он может думать на нашем языке, то...

— Точно! — крикнул Квац.

— Пожалуй, это идея,— сказал Миро.

— Можно попробовать,— решил Тэн.

Юра молчал. Получалось невероятное. Шарик не умеет разговаривать потому, что у него не так устроен язык и он не может произносить нужных слов. И в то же время с ним можно разговаривать, потому что он мыслит. Но ведь нельзя же свою мысль передать другому без слов.

Ведь слова для того и существуют, чтобы передавать мысли. Но если Шарик не может разговаривать, то он не может и передавать свои мысли.

В чем же дело?

Теперь Юрий не спешил высказывать свои мысли и недоумения. Жизнь среди голубых людей научила его поспокойней относиться к кажущимся на первый взгляд несуразностям. Мало чего не напридумывали ученые с далекой Розовой земли!

Бойцов привычно посмотрел на Зета, но тот уже поднялся со своего кресла-кровати и медленно, как будто на спину и плечи ему повесили непомерный груз, продвигался к коридору. У двери он обернулся и медленно, с трудом улыбаясь, сказал:

— Сейчас все сделаем.

Квач тоже поднялся и тоже медленно пошел вслед, но остановился у дверей. Юрий внимательно следил за ними, но ничего удивительного заметить не мог, пока Зет не передал Квачу четыре блестящих легких шлема — точно таких, какие были надеты на космонавтов в те часы, когда они бродили по земляничной полянке на Голубой земле.

Квач, все так же медленно, натруженно шагая, вернулся к креслам и роздал шлемы товарищам. Юрий повертел шлем и вопросительно посмотрел на Квача. Тот недовольно поморщился:

— Все забываю, что ты с другой земли и тебе все придется объяснять. Это... Слушай, Миро, объясняй, у тебя получается лучше.

Миро несколько минут глубокомысленно молчал и морщил лоб. Потом отрывисто и подозрительно спросил:

— Ты знаешь, что при всякой работе выделяется энергия?

Ну, это-то хоть немного Юрий проходил и смело ответил:

— Не совсем так. Для производства всякой работы необходима энергия.

— Правильно! Тогда мне легче. Ну так вот, когда мы мыслим, наш мозг тоже работает и, значит, вырабатывает энергию для производства этой работы. А ты знаешь, что всякую энергию можно так или иначе уловить?

— Факт... знаю,— не очень уверенно ответил Юрий, но, подумав, уже смело подтвердил: — Факт, знаю.

— Ну так вот, энергия, которую вырабатывает мозг, в общем-то, мала. Для работы клеток мозга и, следовательно, для мышления ее, правда, достаточно, но улавливать ее трудно. Еще и потому, что в процессе мышления участвуют многие участки мозга. Вот... А наши шлемы улавливают эту энергию,

усиливают ее и передают в пространство. Другие шлемы на других людях ловят эту энергию, тоже усиливают, и другой человек может знать, что думает его сосед. Понимаешь?

Ну, сказать, что Юрий все сразу понял,— значит соврать. А когда понимаешь не все, то задаешь вопрос самый простой, который может помочь понять более сложный.

— Из чего сделан этот шлем? — не очень уверенно спросил Юрий, опасаясь, что над ним могут посмеяться.

Но ребята не смеялись.

— Это очень сложный состав — мы и сами его еще не знаем. Но ты ведь понимаешь главное?

— А чего ж тут не понимать! — с долей гордости пожал плечами Юрий. — Надеваем шлем, начинаем думать. Мозг вырабатывает энергию...

— Совершенно верно, — с уважением поддакнул Тэн, но Юрий не обратил на него внимания.

— ...шлем из неизвестного сплава усиливает ее и передает дальше. Другой человек улавливает... Вернее, не человек, а другой шлем улавливает эту энергию...

— Опять улавливает, — назидательно вставил Миро.

— А как же иначе? — неспритворно удивился Юрий. — Обязательно улавливает и передает человеку, который носит шлем. И тот понимает первого человека.

— Слушай, ты здорово схватываешь принципы действия.

— А что тут сложного? — уже совсем искренне удивился Юрий. — Это же как радиопередачи. Певица поет, станция усиливает и передает радиоволны в воздух, вернее, в пространство. Приемник ловит волны, усиливает и преобразует звуки. А люди слушают. Вот и все.

— Да, но тут...

— Знаю, — перебил Юрий. — А тут биотоки. Читал. По радио слышал. Но принцип тот же самый. А детали я еще узнаю. Когда включим обучающих роботов, тогда и узнаю.

— Юрка, — воскликнул Тэн, — ты все-таки настоящий парень! Скорее бы кончался разгон, и мы начали бы заниматься как следует.

Зет, видимо, добрался до Шарика и пристроил на его голове шлем для усиления биотоков мозга — на экране появилась растерянная страдающая морда Шарика. Его умные глаза заглядывали, кажется, прямо в душу, и каждый, а Юрий в особенности, понял, что с Шариком творится нечто ужасное.

Космонавты поспешно надели свои шлемы, и первое, что услышал Юрий, было странное скрежетание и повизгивание, словно где-то рядом быстро вращался несмазанный подшипник и его шарики скрежетали и повизгивали. И первое, что подумал Юрий, было: «Неужели у Шарика в мозгу действительно что-то отказало?» Но он сейчас же рассердился на себя: нельзя переносить дурацкую поговорку на серьезные дела. В мозгу нет шариков. В мозгу — клетки. А они не могут скрежетать или повизгивать.

И в эту секунду ворвался не то голос, не то биоток Зета: — Система отстроена от помех. Можно начинать беседу.

Вот тогда-то и полились удивительно странные, отрывочные не то слова, не то мысли, перемешанные с повизгиванием и рычанием. Юрий даже не знал, как их определить.

— Хочу есть... есть хочу... и-и-ой, как хочу... хррр. Больно... всему больно... что со мной делается, что делается... вот попал так попал... никто... ни один не хочет помочь... есть хочу... хррр...

— Шарик, милый! — забыв обо всем на свете, закричал Юрий. — Что с тобой?

Морда Шарика на экране склонилась набок. Он словно прислушивался, но еще не понимал, откуда звучит голос и чей он.

Глядя на Шарика, Юрий понял, что биотоки не имеют признаков голоса. Кто бы ни говорил с их помощью, они звучат совершенно одинаково — все зависит от того, на какую частоту звука настроены шлемы. Пусть у самого думающего будет пискливый голос, пусть он будет простужен и говорит голосом разбойника — все равно у всех голос будет одинаковым: чистым и свежим.

Однако понять все это Юрий мог — ведь ему было уже три-

надцать лет. А Шарик этого не понимал — ему шел всего третий год. И потом, он был собакой. Поэтому он беспомощно шевелил своей огромной головой и косил глазами по сторонам.

Но Шарик не знал, что все его мысли — хочет он того или не хочет — все равно усиливаются и передаются. И каждый может их услышать. Поэтому все слышали, что думает Шарик:

— Странно... если бы я сам знал, что со мной случилось. Есть хочу. И кто это говорит? Как хочется есть — кажется, все бы съел, даже кошку. И голос какой-то незнакомый. Как все болит и особенно левая задняя лапа! Она, наверно, затекла и теперь зудит. Как хочется есть и пить! Пить даже больше, чем есть.

Он еще долго рассуждал, пытаясь понять, что же с ним происходит. Но космонавты уже поняли главное — Шарик совершенно незаметно или, как говорили на Голубой земле, втихоря, разросся до таких размеров, что его тело уже не вмещалось в кухню. Тело все росло, а кухня оставалась прежней, и кости Шарика упирались в стены. Шарик не мог развернуться, чтобы напиться или поесть. Он стал пленником и жертвой собственного обжорства, того еще не известного космонавтам недомогания, которое привело космическую собаку на край гибели.

Он, пожалуй, этого еще не понимал. А космонавты поняли. Если его не освободить, то Шарик так разрастется в тесной кухне, что задушит сам себя.

— Нужно что-то делать! — взмолился Юра.

— Что делать? — мрачно вмешался Квач. — Придется расширять стены.

— А... а разве это возможно? — удивился Бойцов.

— Все возможно, — опять буркнул Квач. — Но это и неудобно и... может быть, даже опасно.

— Ты думаешь, что кухонное и синтезирующее биохимическое оборудование придется опускать к двигателям? — деловито осведомился Миро.

— А куда еще?

— Да, но там необходима дополнительная радиоактивная защита.

— Вот в том-то и дело,— причмокнул Квач.

Голубые космонавты задумались. Юрий мог только гадать, как они собираются решать, хотя он понимал, что раз на корабле установлены атомные или ядерные двигатели, значит, они могут выделять вредные излучения. Если облучения попадут на продукты или их полуфабрикаты, они станут непригодными для питания. А если учесть, что с продуктами и так дело швах, то...

И тогда, впрочем, как всегда в трудные моменты, прозвучали мысли Зета:

— А зачем нам нужно опускать кухню к двигателям?

— А куда же ты ее денешь?

— Давайте потеснимся сами — это и проще и безопасней.

Решение и в самом деле было таким предельно простым, что все переглянулись. Обо всем думали космонавты, но вот только Зет сумел подумать правильно. Почему? Наверное, потому, что он всегда умел думать не столько о себе, сколько о других. Больше того, думая о других, он всегда был готов поступиться собственными удобствами. И хотя, как заметил Юрий, все космонавты отличались этим качеством, но Зет почему-то всегда делал это первым.

— Решено! — согласился Миро. — Тэн, начинай перестройку

Тэн, кряхтя, поднялся с кресла и подошел к стене. Он долго присматривался к ритму мигающих и блуждающих огоньков, потом быстро и решительно начал нажимать на какие-то одному ему заметные кнопки.

— Что он делает? — тихонько, чтобы никому не помешать, спросил Юрий.

Но он забыл, что теперь все, что он говорил, все, что думал, слышали все остальные. Поэтому все обернулись и посмотрели на него. Даже Шарик с экрана посмотрел на своего старшего товарища.

— Н-ну как тебе объяснить... — пожевал губами Миро, но сейчас же оживился: — Впрочем, ты кое-что знаешь и умеешь

схватывать самую суть. Ну, а всех деталей и подробностей мы, наверное, тоже еще не знаем. Не проходили...

Все засмеялись, и даже Шарик, кажется, улыбнулся.

— Так вот, как ты знаешь, всякий материал составлен из молекул. А молекулы — из атомов. Чем крепче связь между атомами, тем крепче и материал. Так вот, у нас на корабле все сделано так, что мы можем ослаблять или, наоборот, усиливать связь атомов и, значит, молекул между собой. Как только Тэн настроит систему, начнется ослабление внутри молекулярной связи. Те стены, где будет ослаблена эта связь, станут текучими и переместятся туда, куда нам хочется. Вот и все.

— Так, значит, вы и мебель так делаете?

— Конечно! Ослабляем связь между атомами и молекулами материала и заставляем принять их форму кресла, или дивана, или кружки с водой.— Мирó быстро поправился: — Конечно, не мы лично, а наши роботы. Это настолько сложно, что ты даже себе не представляешь. Мы даем им команды, а они уже рассчитывают, насколько нужно расслабить связи, чтобы сделать тот или иной предмет. Сейчас Тэн передает такие команды.

— И это можно сделать в любом месте корабля?

— Конечно! В каждом отсеке есть места, где сходятся кнопки управления роботами. А когда нас нет на корабле, или когда мы спим, или просто недосмотрим, например, если какой-нибудь невероятный метеорит врежется в корабль, роботы сами сделают необходимые расчеты и перестановки. Залатают пробойну.

— Точно! — прошептал Юрий, вспоминая, как его вышвыривали из корабля неумолимые роботы.— Точно!

— Значит, понял?

— Факт,— решительно ответил Юрий и уже не так уверенно подтвердил: — Факт.

Стены, которые были ближе к входу в всдуший на кухню коридор, начали медленно надвигаться и как бы суживаться. Все центральное помещение неумолимо уменьшалось.

Юрию вдруг показалось, что медленное, неотвратимое сни-

жение потолка, наступление стен никогда не прекратится, что они раздавят космонавтов. Он уже начинал привыкать к тому, что его мысли могут быть услышаны другими, и поэтому усилием воли заставлял себя не пугаться. Но подумать о том, что должен делать в подобном случае настоящий мужчина, он не успел. Потолок и стены все надвигались, и Юрий наконец спросил:

— А куда же девается лишний материал?

— Какой это лишний? — не понял Миро.

— Ну вот... всего же становится меньше.

— Ах, этот... Уплотняется. Переходит в запас — это же наше атомное горючее. Вот оно и переходит в резерв.

— Так... понятно... в резерв, — тянул Юра, поглядывая на потолок.

И вдруг все услышали вздох. Счастливый вздох освобождения и избавления. Он был гулким и веселым, как будто кто-то очень большой, очень усталый и огорченный весело сказал: «Ух! Наконец-то!»

И все посмотрели на экран. Морда у Шарика была прямо-таки блаженная. Он даже прикрыл глаза от счастья и высунил кончик розового языка. Таким он казался довольным и в чем-то по-мальчишески легкомысленным, что его непомерный рост совсем забылся: Шарик казался веселым и лукавым щенком.

Но уже в следующую секунду шлемы приняли и усилили мысли этого веселого щенка-великана.

— Пить! Как хочется пить. И еще бы повернуться. Хоть немного повернуться. Есть! Хочу есть.

С этой секунды Шарик вел себя очень невоспитанно. Он так дергался, так скулил и вымаливал есть и пить, что казалось, весь корабль ходит ходуном.

— Дело плохо, — сказал невидимый, потому что он не мог попасть в экран, озабоченный Зет. — Нормального общения с собакой не получается. Она как будто сошла с ума.

— Ничего! — бодро и уверенно ответил за всех Миро. — Подождем, пока она удовлетворит свои потребности.

— Хорошенькое дело! — возмутился Квач. — «Свои потребности!» Эти потребности и так опустошили все наши запасы. А сейчас она доест все, что мы наготовили в дорогу.

Не согласиться с Квачем было невозможно. Угроза над кораблем нависла немалая. Продукты питания приходили к концу, а Шарик мечтал только об одном: есть, как можно чаще и больше есть! И если он буквально за несколько дней разросся так, что пришлось расширять кухонное помещение, чтобы выволить его из плена, что же будет дальше?

Наверное, поэтому у каждого первым делом мелькнула мысль: пора прекратить это обжорство. Оно не доведет до добра. Ни Шарика, ни весь экипаж.

— Нельзя давать Шарiku пить или есть! — в отчаянии подумал Юрий. — Ни в коем случае нельзя.

Но его мысль, принятая товарищами, которые всего секунду назад, может быть, могли бы подумать точно так же, теперь не была понята ими.

— Нет, Юрий, — грустно и мягко отозвался Зет, — если человек или животное хочет есть или пить — тут уж ничего не поделаешь...

Он не стал продолжать, но каждый понял: да, тут уж ничего не поделаешь. Отказать живому существу — дружественному, доброму — в еде или питье не мог ни один. Это было выше тех сил, которые в свое время воспитывали в голубых космонавтах на Розовой земле и белого мальчишку из маленького городка Голубой земли. Они думали одинаково. И это было так приятно и так радостно, что у Юрия от счастья даже слегка защипало глаза. Но он сейчас же подумал... Нет, пожалуй, не подумал, а скорее, почувствовал, что настоящий мужчина обязан уметь сдерживать свои, даже самые замечательные и самые трогательные чувства. Особенно теперь, когда его мысли стали достоянием всех. И он посмотрел на товарищей.

Но они не заметили его мыслей. И это очень удивило Юрия. Получалось, что не каждую мысль можно было передать с помощью усиленных биотоков. Выходило, что какие-то мысли, чувства и ощущения оставались недоступными для

других. Какие? Припомнилась старая загадка: что самое быстрое на свете? Мысль! И если она самая быстрая, так, может быть, шлемы-усилители просто не успевают сработать и перевести мысль в усиленные биотоки?

— Может быть, и так. Может быть, и так,— глубокомысленно решил Юрий.

И сейчас же Миро спросил:

— Что — может быть и так?

Юрий покраснел и не сразу нашел ответ. Тысячи мыслей толпились у него в голове. Состояние походило на то, в каком он не раз оказывался у доски, когда не мог ответить на вопрос учителя. И вопрос вроде бы знакомый, а в голову лезла всякая ерунда, и попробуй угадать, что из нее годилось для ответа. Причем самым смешным было то, что среди этой ерунды копошились и совсем не относящиеся к делу веселые мыслишки. Почему-то, например, думалось: а пробежит ли учитель стометровку? Что произойдет, если на первой парте вдруг окажется медведь?

Такие чепуховые мысли как-то сами по себе вызывали не то что глупую, а прямо-таки идиотскую улыбку и, учитель, свирепея, вкатывал двойку значительно раньше, чем сквозь всю эту сумятицу пробивался нужный, облеченный в знакомые слова ответ.

И, убедившись, что никто из ребят не улавливает этой творящейся в его голове сумятицы, Юрий обрадованно подумал:

— Значит, все дело в словах! Если мысль обернулась в слова, она может быть усилена. А если она еще не в словах, а так... в обрывках, значит, шлем ее не усилит. И никто ее не узнает.

— Конечно,— подтвердил Миро,— ты сам догадался?

— Да. Сам! Но дело не в этом. Дело в другом — как быть с Шариком?

— Подождем, когда он расскажет, что с ним произошло. Пока что мы слышали от него только отрывочные, потребительские слова. Они отмечали лишь самые простейшие и жгучие его желания. Но ничего связного Шарик еще не думал.

И они принялись ждать. Стены корабля все еще сжимались и передвигались, и вскоре стереофонические общие связи принесли новые звуки. Это были не то стоны, не то выражения восторга. Зет комментировал так:

— Шарик наконец повернулся и теперь пьет.

О том, что Шарик действительно развернулся в раздвинувшемся помещении, свидетельствовало изображение на экране. Обрубленный, куцый, но теперь огромный хвост Шарика крутился как пропеллер. Это показывало, что Шарик в восторге. Потом хвост перестал вращаться, и явственно донеслось чавканье и мерное рычанье. Зет сообщил:

— Он ест. Ест все подряд.

На этот раз шлемы не усиливали мыслей. Все молча, сцепив зубы, ждали. Правда, иногда появлялись отрывочные подобия мыслей, но уловить их смысл было трудно — все они были об одном и том же: как поступить с Шариком и, главное, как выяснить, что с ним случилось?

Последнее было особенно важным. Ведь если Шарик заболел неизвестной болезнью, которую можно назвать болезнью гигантизма, то можно ожидать, что и все остальные космонавты тоже могут заболеть такой же болезнью. Тогда они тоже сразу начнут есть огромными порциями, пить ведрами и расти не по дням, а по часам, как герои самых древних сказок.

Могло произойти и нечто еще более опасное: корабль попал в какие-то необыкновенные районы Вселенной, материя или лучи которых неожиданно повлияли на рост живых существ. Если это так, то следовало немедленно приступить к изучению этой необыкновенной материи, сразу же передавая результаты изучения и на свою землю, и на записи напоминающим роботам. Если этого не сделать, то следующие за ними корабли могут попасть в такое же нелепое положение.

А положение и в самом деле может оказаться невероятным.

Конечно, каждому мальчишке и девчонке очень хочется вырасти как можно скорее и стать сильным и умным. Но что

произойдет, если рост будет продолжаться так же неудержимо, как у Шарика? Ведь можно разрастись до такого состояния, что корабль окажется тесным. Что тогда? Ведь если можно изменять очертания и назначения помещений в самом корабле, то ведь весь корабль не резиновый. Он имеет свои, раз и навсегда определенные размеры, габариты. Если их изменить, то нужно изменять и двигатели, и астронавигационные приборы, и все такое прочее.

Нет, как не говорите, а такой неудержимый рост, без границ, без остановок,— дело очень опасное. Прямо-таки страшное...

И пока космонавты думали, что делать, Шарик ел, мычал и сопел. Сколько это продолжалось, сказать было трудно. Время словно остановилось. Оно было как бы связано с Шариком и его едой, словно зависело от него.

Наконец он наелся, облизнулся, вздохнул и улегся. Его одолела дремота.

— Нельзя давать ему спать. Если он заснет, пройдет слишком много времени, и мы опять ничего не узнаем.

— Тормоши его, Зет,— решил Квач.

— Да... тормоши... Если и так еле-еле ноги двигаются...

Все было правильно — перегрузки космического разгона тяжким грузом лежали на плечах всех и особенно у Зета: ведь он не лежал в кресле-кровати, а выполнял работу. Но он сам вышел из положения.

— Я подключу ему электровозбудитель.

Голубые космонавты переглянулись, а потом решили:

-- Валяй!

Зет присоединил к загравку Шарика две тоненькие проволочки. Шарик вздрогнул и вскочил на ноги:

— Что такое? Что меня подтрясывает?

И тут вмешался Мир:

— Не волнуйся, Шарик. Тебя подтрясывает электровозбудитель.

— Зачем он мне нужен? Я спать хочу. Очень хочу спать.

— Ты не уснешь, пока не расскажешь, что с тобой...

Некоторое время шлемы молчали. Наконец Шарик ответил:

— Если бы я знал, что со мной произошло... Если бы я знал.

Шлемы не передавали окраски голоса, и поэтому неясно было, с гордостью или, наоборот, с печалью подумал это Шарик. Но на помощь пришли громкоговорители. Они и разнесли по кораблю горестный и тяжкий вздох собаки. Сразу можно было понять, как грустно Шарiku, как он искренне сожалеет о случившемся.

— Тогда давай разберемся вместе.

Они честно пытались разобраться, но те отрывочные ответы, которые давал Шарик, не помогали общему делу, и Квац рассердился:

— Все-таки он очень... несообразительный. И ненаблюдательный.

Юрий жалел собаку и в то же время злился на нее — она могла испортить так хорошо начавшееся дело. И все-таки он должен был заступиться за нее. И он в сердцах подумал:

— Тебе хорошо так говорить! Тебе уже четырнадцать лет. А ему всего лишь два года. Идет третий. Ты в его возрасте был более сообразительный и наблюдательный?

— Неужели ему только два года? — удивился Тэн.

— Всего два года? — донеслась мысль Зета.

— Раз это так, ребята, значит, с ним нужно обращаться совсем по-иному. На него даже сердиться нельзя, — решил мудрый Мирó.

— Не сердитесь на меня, ребята, — подумал и сейчас же завыл Шарик. — Честное собачье слово, я сам ничего не понимаю. Мне очень плохо. Очень. Вы помогите...

И он начал так скулить, что динамики на корабле задрезжали, а мудрый Мирó мысленно приказал:

— Замолчи! Успокойся. Сосредоточься и отвечай на вопросы. Что произошло, когда ты пришел на корабль? Чего тебе больше всего хотелось?

— Есть! И пить.

— Но ты же поел за общим столом.

— Я стеснялся есть много,— ответил Шарик, и все видели, как виновато закрутился его обрубок хвоста.— Мне и сейчас очень стыдно. Но что я могу поделать?

— М-да... Положение... Что же ты сделал?

— Когда все заснули, я пошел на кухню.

— А как ты узнал, где у нас кухня?

— По запаху. Я же очень хорошо знаю запахи. Лучше, чем вы.

— Это верно! — подтвердил Юрий.

— Точно-точно. Есть по-вашему я тогда еще не умел, и поэтому я только напился... чего-то горького... и противного.

— Что и где ты пил? — вдруг сурово подумал Миро и даже подался вперед. Похоже, его осенила какая-то очень важная мысль.— Сейчас же покажи, что именно и откуда ты пил.

На экране было видно, как Шарик поднялся и попробовал повернуться, но это ему удалось не сразу — даже расширенная кухня была ему тесновата. Но он все-таки повернулся, загородив собой всю кухню.

И тогда послышался крик Зета:

— Товарищи, он выпил полколбы биостимулятора!

Все, кроме Юрия, так и обмерли. Шлемы работали на полную мощность, но они ничего не усиливали, потому что у голубых космонавтов не было мыслей. Они были не то в ужасе, не то в оцепенении. Но так или иначе, они все-таки кое-что поняли, а Шарик еще ничего не понял. И от этого ему стало страшнее.

— Я же очень хотел пить... а ничего жидкого... не было... И я тогда не знал, как нужно открывать кран...— отрывисто думал Шарик и скулил на весь корабль противным, прерывающимся басом.— Я же ведь тогда не знал, что уже умею разговаривать по-человечески. Простите меня...— Тут ему, наверное, стало очень страшно, и он заголосил навзрыд: — Спасите меня! Помогите мне! Я не хочу больше расти. У меня все косточки ломит. Помогите! Вы же люди! Вы все знаете! А я же простая собака. Да еще и маленькая. Это я только с виду

большая собака. А на самом деле я маленькая. Мне всего-то третий годик.

Шарик скулил и плакал огромными слезами. Эти слезы видел только Зет, потому что он был зажат огромной тушей Шарика на кухне. Именно Зет и прикрикнул на собаку:

— Перестань реветь! Нужно экономить даже воду. А ты реवेशь вон какими слезищами! Уже на целый обед наплакал.

Шарик покорно перестал плакать, но еще тихонько, басом скулил.

— Итак, все ясно,— наконец подумал Миро.— Что же будем делать? Как ты думаешь, Юра? Ведь это прежде всего твой друг.

— Да. Это мой друг. И мне кажется, что если есть биостимулятор, то ведь, наверное, есть... и какой-нибудь другой, который действует наоборот.

— Почему — наоборот? — не сразу понял Квач.— Ведь биостимулятор способствует росту.

— Правильно. Способствует. Но ведь есть, наверное, и такой, который задерживает рост. Или даже заставляет расти... Ну, вниз, что ли. Вон бабушка у меня всегда говорит: «Стара стала, расти вниз начала». Вы такого не знаете?

Космонавты переглянулись, и Миро неуверенно подумал:

— Нет... такого антибиостимулятора мы не знаем.

— Это вы не знаете. А может, роботы знают? Как их зовут — запоминающие или информирующие? Давайте спросим.

Но запрос ничего не дал. Вещества, которое заставляло бы живой организм уменьшаться, на корабле не было. Не было его, наверное, и на Розовой земле. До сих пор оно не требовалось. Поэтому, что нужно было делать, как поступать с Шариком, никто не знал. А он скулил и молил о помощи. Ему не хотелось расти. Он хотел быть маленьким.

И во всем этом не было ничего удивительного.

На каждой земле все люди всегда хотели быть больше, умнее и сильнее, чем до сих пор. Того же они хотели от животных, от растений, от рыб. Ведь чем больше корова, тем

больше она даст молока и мяса. Чем крупнее растение, тем больше оно принесет зерна, корнеплодов или волокна. А чем больше рыба — и говорить нечего: икра будет крупнее и вкуснее и балыки сочнее. Но ни на одной земле не думали, как сделать картошку или яблоко помельче, корову величиной с кошку, а всю рыбу превратить в мальков для аквариумов. Вот люди и не придумывали таких веществ, которые бы замедляли рост.

Шарик нарушил правила, посамовольничал и вот теперь плачется. И помочь ему трудно. Пока будет действовать проглоченный стимулятор его роста, он будет расти и, значит, очень хотеть есть и пить. Потому что без еды и питья никакого роста быть не может. И наблюдающие роботы корабля будут с тревогой извещать:

— Запасы белков на грани катастрофы. Экипажу грозит голод.

— Воды не остается ни грамма. Экипажу грозит смерть от жажды.

Да, здорово придумали люди Розовой земли — изобрели такой могучий стимулятор роста, который прямо-таки на глазах может превратить обыкновенную маленькую дворняжку в слона. Наверное, с таким стимулятором очень просто выращивать мясо и молоко и на Розовой земле, и на любой иной планете. Но голубые люди никогда не думали, что может произойти, если этого стимулятора выпить слишком много.

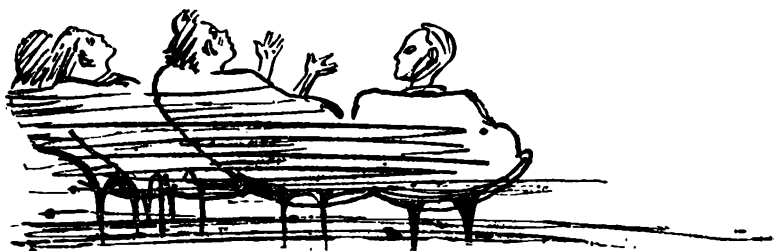
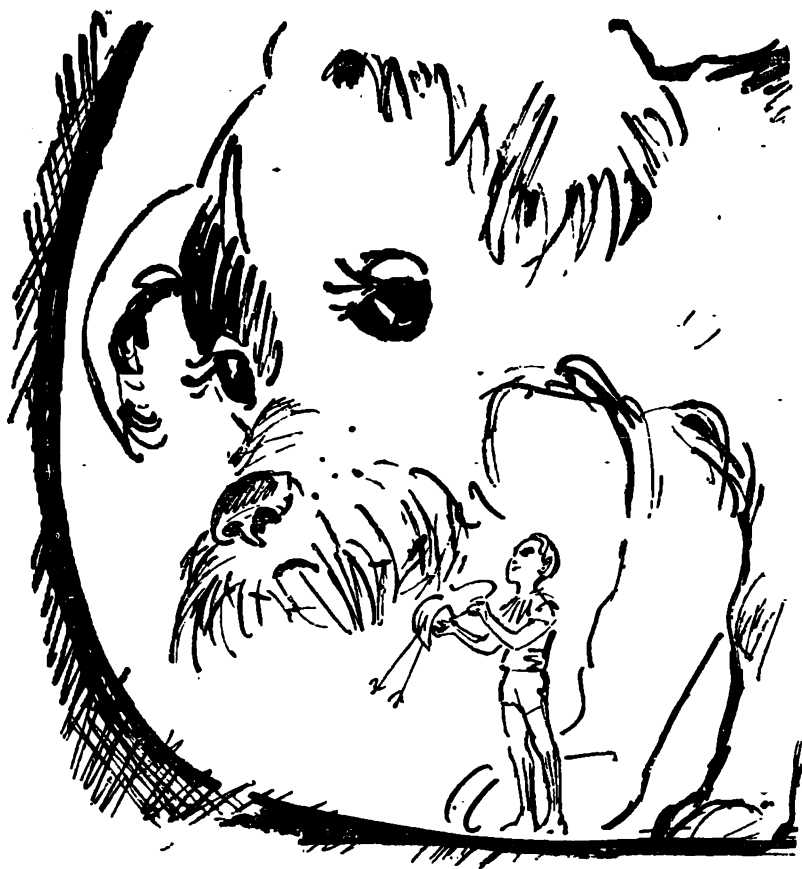
Что ж делать?..

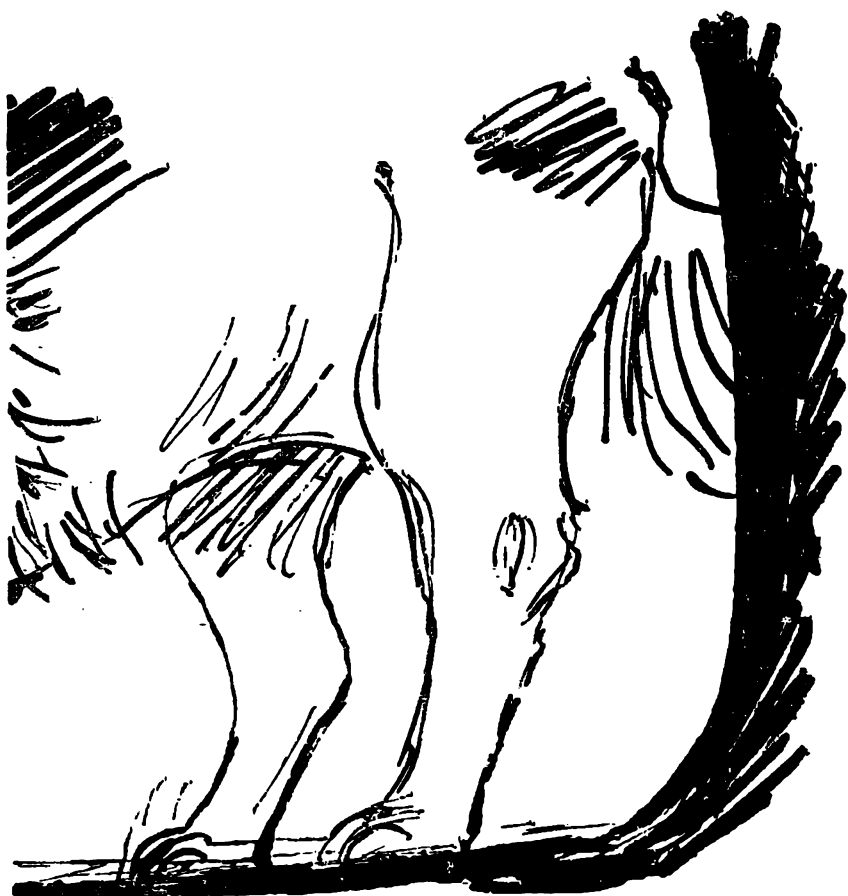
Люди на двух планетах — Голубой и Розовой — оказались одинаковы еще в одном: они не думали, что хорошее может породить плохое. А вот тут получилось именно такое положение. И, как из него выходить, еще никто не знал.

— Зет, сними с него электровозбудитель. Пусть спит. Мы пока ничего придумать не можем.

Шарик вскоре захрапел, а Зет вернулся в уменьшившийся командный отсек и лег в свое кресло отдыхать.

Ребята сняли шлемы и теперь думали в одиночку. Но пока что никто ничего путного придумать не мог.

Роботы молчали; они тоже не сталкивались с подобным положением. Ведь сами роботы мыслить по-новому не могли. Они могли думать только о том, что уже было и что можно приспособить к случившемуся. Такого еще не случалось, и они растерялись. Такое могли решить только люди. Мыслящие существа. Способные изобретать.

А эти люди — четыре голубых и один белый — лежали и думали.

А роботы — противные и сейчас бесполезные — бесстрастно сообщали, что положение с питанием на корабле катастрофическое. Такое, что продолжать полет просто опасно.

Глава девятнадцатая

ЖИЗНЬ ТРЕБУЕТ РЕШЕНИЙ

Да, жизнь требовала решений.

И когда после обеда или ужина, все равно, — ведь время на корабле шло по другим, космическим законам — ребята опять стали думать, Квач почему-то печально сказал:

— Все равно... Все равно его не съешь.

— Кого? — тревожно спросил Зет.

— Н-ну... его... Шарика...

— Ты что? Заболел? — приподнялся Зет. — Ты думаешь, что говоришь?

— Ладно тебе. Я же сказал, его не съешь.

Юрий прислушивался к этому разговору, и сердце у него сжималось. Но когда он как следует обдумал слова Квача, то решил, что ничего противоестественного с точки зрения науки в них нет.

Ведь если все на свете состоит из атомов и молекул, а живые существа состоят еще и из особых, очень сложных белковых молекул, то, значит, из них же состоит и Шарик. И если Шарик, потребляя в химической кухне эти самые молекулы, так невероятно растет, то стоит заложить его самого в химическую машину, как они извлекут из него те же самые белковые молекулы. И — порядок. Лети и ешь до отвала эти самые молекулы, в каких хочешь сочетаниях. Химическая кухня по твоему заказу сделает из них все, что угодно, хоть землянику.

Все было так просто и так правильно, что у Юрия пробежали мурашки по спине.

Шарик — молекулы животного белка! Шарик — атомы всяческих металлов и металлоидов, без которых не приготовить котлет на химической кухне! Страдающий и, вызывающий

о помощи Шарик — причина срыва космической экспедиции и, может быть, причина их гибели в черных глубинах космоса!

Все поперепуталось, перемешалось, и разбираться во всем этом Юрию было страшно: ведь так можно додуматься до того, что правы людоеды — они тоже только и делают, что потребляют эти самые чертовы молекулы и атомы, которые накопили их сородичи. Ужас до чего можно додуматься! И Юрий закричал:

— Братцы! На вашей земле понапридумали столько удивительнейших вещей. Даже химическую кухню. Неужели на этой земле не могут придумать что-нибудь такое, что может спасти нашего... ну, пусть не товарища, но все-таки...

Голубые космонавты молчали, и Юрию начинало казаться, что они в душе уже решили, что Шарика нужно пропустить через химические анализаторы и разложить на удобные для приготовления пищи составные части. Все протестовало в Юрии, но в то же время он понимал и другое.

Допустим, на Розовой земле ученые найдут антибиостимулятор. Выдумают. Синтезируют. Но как они пришлют его на корабль? Допустим, они пошлют вдогонку ракету. Но ей нужно догонять корабль несколько лет. За это время от всех путешественников не останется и косточек...

Есть другой вариант — вернуться на Розовую землю. Но и на это потребуются опять-таки несколько лет. Значит, результат тот же. Как ни думай, куда ни кинь — везде клин. Везде одно и то же: погибнуть должны либо космонавты, либо Шарик.

Это было неотвратно и так логично, что Юрий даже не возмущался молчанием друзей. Он, как подсудимый, ждал их приговора.

Ждал и дождался.

— Юрий прав! — сурово сказал Тэн. — Нужно немедленно телеграфировать на землю о создавшемся положении. Вышший ученый совет нашей планеты что-нибудь придумает.

— А если он запоздает? — спросил Миро и почему-то улыбнулся. — Что тогда?

— Но нельзя же ничего не делать! — возмутился Зет. — Сидеть, думать и ждать, пока либо мы погибнем от голода, либо нам действительно придется пустить на молекулы... ну, не то чтобы товарища, но все-таки...

— Не нужно прикидываться, Зет. Именно товарища. Шарик летит с нами. Он с нашей помощью научился, может быть... Ну пусть еще не мыслить по-настоящему, но, во всяком случае, выражать некоторые свои мысли. Он почти мыслящее существо. А если учесть, что по сравнению с нами он очень молод, то можно представить, что с ним будет, когда он вырастет в нашей среде, когда он вместе с нами будет обучаться. Ведь такого случая в нашей истории науки еще не было. Как же мы можем лишиться нашего младшего и потому беспомощного товарища, который, в сущности, по нашему недосмотру попал в беду и просит нашей помощи.

Зет кивнул и мрачно буркнул:

— Ты прав, Миро... Нам должно быть стыдно, что в голову могли прийти такие мысли.

— А чего ж тут стыдиться? — спросил Тэн. — Положение на самом деле отчаянное, и нам нужно сообща найти выход. Первым выход нашел Юрий. Нужно сообщить на Розовую землю. Второй подсказывает Зет — нельзя сидеть сложа руки и только ждать. Нужно делать еще что-то...

— Что именно — вот вопрос, — усмехнулся Квач.

— Что происходит на нашей планете, когда нужно поесть?

— Как — что? Идут в столовую или пользуются доставкой на дом. Или сами делают то, что им нравится.

— А что делаем мы, когда нам нечего есть? — все так же сурово допытывался Миро, и между его светлых бровей залегли тоже суровые складки.

— Да, но здесь космос! — искренне возмутился Тэн.

— Да, но у нас космический корабль, начиненный самой современной техникой.

И все опять замолчали. Зет вздохнул и, как всегда, мягко протянул:

— Миро прав. Снова прав. Для того чтобы нам добыть пищу и, значит, продолжить полет, нам нужно...

— Понятно! — перебил Квач. — Но куда высаживаться — вот вопрос.

— Вот это уже деловой вопрос, — улыбнулся Миро и опять стал суровым. — Значит, есть два предложения: немедленно послать телеграмму на Розовую землю. И в ней ничего не скрывать. И честно просить помощи. И — второе. Немедленно пошевелить электронно-навигационную память нашего корабля и установить ближайшую к нашему курсу планету, на которой может быть жизнь.

— И что тогда? — спросил Тэн.

— А тогда мы высадимся на этой планете и пополним запасы молекул животных белков, жиров и... ну, чего именно, нам подскажут роботы. Предлагаю: полчаса на размышления и тогда — решаем. Но предварительно — кто за телеграмму на Розовую землю?

Все четверо по очереди легонько стукнули по подлокотникам своих кресел-кроватей. И это можно было понять — когда на тебя навалилась гравитация, руки поднимать трудно: они как свинцовые. А звук при гравитации распространяется так же, как без нее. Стукнул — и проголосовал.

— Кто за то, чтобы немедленно дать задания роботам?

— Какие задания? — уточнил Зет.

— Розыск подходящей планеты. Кстати, Юра, ты что, против первого предложения?

— Нет, почему же... — смутился Юра. — Но я думал... Я как бы гость...

Космонавты переглянулись, и Зет, вздохнув, махнул рукой.

— Э-эх...

Миро укоризненно посмотрел на него и покачал головой.

Как ни растерян был Юрка, но он вдруг почувствовал, что в эту минуту Миро на корабле самый главный. Наверное, не только потому, что самый умный: Тэн, например, никак не глупее Миро. И не потому, что он самый смелый и решительный. Самым смелым и решительным, только, может быть, бо-

лее грубоватым, чем нужно, хотя, кстати, именно это начинало нравиться Юрию — настоящий мужчина все-таки должен быть чуточку грубоватым в своей смелости и решительности, — на корабле был, конечно, Квач. Миро казался самым старшим и самым умным, и не потому, что он был самым заботливым и самым добрым. Таким был безусловно Зет.

И все-таки, хотя у Миро, кажется, и не было каких-то особых достоинств, именно он в эту минуту был капитаном корабля. Тем настоящим капитаном, слово которого было законом. Да что там слово! Жест, взгляд, намек — все могло быть законом, потому что он понимал всех и все понимали его.

Но почему он понимал всех — это было неясно. Ведь все были разные, и среди этих разных Миро был тоже разным, но равным. А вот поди ж ты, в эти минуты он был капитаном. Хотелось даже встать со своего кресла-кровати, вытянуться и отдать салют. А потом решительно произнести: «Есть!»

Но Юра, конечно, не сделал этого. Он только покраснел. А Миро начал говорить — медленно и задумчиво, как будто обращаясь не к Юре, а ко всему экипажу, и так, словно взглядом искал его одобрения и поддержки. И удивительно, ведь если он просил поддержки и одобрения, значит, он был как бы слабым, он как бы не решался безо всех что-нибудь сказать или сделать. Все это Юрий отлично видел и вместе с тем понимал: даже проявляя, кажется, настоящую слабость, Миро при этом становился еще более умным и сильным капитаном. Как это получилось, Юрий не понимал. Но получалось именно так. И он подчинился тому, что получалось.

— Понимаешь, Юра, все, что ты рассказывал о своей Земле, заставляет меня думать, что ты какой-то отсталый. Ты только не сердись — я ведь не сказал, что я так думаю. Я только сказал, что меня заставляет так думать. Почему? А вот почему. Ведь ты рассказывал, что в той стране, в которой ты живешь, люди решают свои дела коллективно, сообща. А ты стоишь в стороне. Не то как наблюдатель, не то...

— Да нет же! — перебил Юра. — Честное слово, нет! Я просто...

— Нет, это не просто. Сейчас мы решаем самое главное, что только можно решать: сможем ли мы жить и, значит, выполнять свое задание или не сможем. Вот в чем вопрос. А ты чувствуешь себя гостем. Что же получается? Ты милостиво предоставляешь нам ломать головы, принимать решения, рисковать, а сам сидишь и гадаешь, что у нас получится. И если не получится, то ты не будешь виноват — ты-то вместе с нами решений не принимал. Ты хороший. Значит, ты не несешь ответственности за неудачи. Но если у нас все получится, ты наравне со всеми будешь пользоваться этой удачей — ведь ты же гость. С тобой обязаны обходиться как можно лучше. Так ведь получается?

— Да нет же, нет...— простонал Юрка. Он был в отчаянии оттого, что его не поняли как следует.

— Мы верим, что ты так не думаешь. Но ты так делаешь.

— Но я же не знал... Мне же было просто неудобно... Я думал, скажут: вот ничего еще не знает, а туда же... лезет. Кажется, еще два слова, и Юрка заревел бы.

Космонавты опять понимающе переглянулись, и Тэн отметил:

— Он прав.

— Да. Так вот, Юра,— продолжал Миро.— Давай договоримся сразу — ты полноправный член экипажа. И ты не обращай внимания, что сегодня я вдруг как бы старший. Это произошло, наверное, потому, что, пока ты приспосабливался к обстановке, переживал за Шарика, Зет и Тэн дежурили, а Квач еще не отдохнул от посадки на вашу Голубую землю,— я ничего этого не делал. Я просто спал и отдыхал. Вот, наверное, поэтому мозг у меня сегодня работает лучше, чем у других, и сегодня я как бы старший. А перед посадкой на вашу Землю таким старшим был Квач. Но заметь, Юра, раз и навсегда — в любой момент, а особенно вот в таких отчаянных случаях у нас решает не тот, кто в эту минуту как бы самый главный, а обязательно все. Таков закон космонавтов. Конечно, большинство может принудить меньшинство. Говорят, что раньше так и делали. Больше того, на земле так и нуж-

но делать. В космосе этого сделать нельзя. И ты знаешь почему?

— Откуда же...

— А потому, что в космосе каждый должен быть уверен, что поступить по-другому не мог ни тот, кто почему бы то ни было стал старшим, ни сам космонавт. Каждый из нас должен быть до конца уверенным: то, что решили сделать,— единственно правильное решение. Без этого не будет настоящего сознательного отношения к делу. Без этого в каждом может появиться червячок сомнений. «А может, и не нужно так делать? А может, по-моему будет лучше?» И в самую трудную минуту, когда на него надеются все остальные, такой космонавт может упустить мгновение, подвести и погубить всех. Нет! Один из законов космоса прост: один за всех, все за одного! Предлагает один, а решают все. Без настоящей сознательной дисциплины в космосе делать нечего.

— Ну, а вдруг я еще не все понимаю... Вдруг окажется, что я проголосую со всеми... за компанию, а в душе я все еще не уверен.

— Тогда ты бесчестный человек! — жестко и презрительно сказал Миро.— Значит, голосуя, принимая решения, от которых зависит и твоя жизнь, и жизнь твоих товарищей, и все дело, которое поручено всем, ты кривишь душой. Скрываешься. В космосе это нетерпимо. У нас есть все, чтобы принять правильное, единственно правильное решение. Нужно только думать. Но если ты сомневаешься, сомневайся до конца! До тех пор, пока сам не поймешь — мои сомнения ничего не стоят. Вот расчеты, которые их опровергают. Или докажи другим, что твои сомнения правильны. Ты все понял, Юра?

— Да,— твердо ответил Юра.— Ведь закон космоса и есть закон моей Земли. Только... Только мы не всегда его умеем выполнять.

— А здесь мы будем выполнять его точно. Нерушимо. Значит, ты голосуешь за первое предложение?

— Ну ясно. Я ж его и предложил.

— А как насчет второго предложения? Кто «за»?

Все стукнули по подлокотникам, и только Юра воздержался. И все опять с недоумением и неодобрением посмотрели на него.

— Я просто прослушал второе предложение,— сказал он.

— Дать задание роботам...

— Вспомнил,— перебил Юра,— подобрать планету. Я — «за».

Он тоже стукнул по креслу, но ему уже не хотелось, как несколько минут тому назад, вскинуть ее в салюте и сказать: «Есть!» Теперь он знал, что Миро — как все. И если он сейчас капитан, то в другое время капитаном может стать каждый. Для этого нужно только одно — быть, как все.

Но даже в самых гордых своих мечтах, промелькнувших в эти секунды, у Юрия не было самой сокровенной: придет время и я тоже стану капитаном. Юра уже понимал, что ему вначале нужно стать, как все. А эти все ушли от него очень далеко — они больше знали. Но знания — дело наживное. А поэтому, хотя мечта даже не мелькнула, она все-таки жила в Юрии.

— Полчаса на размышления,— сказал Миро и смежил глаза.

Дежурный Тэн пошел отправлять телеграмму и давать задание роботам.

На корабль нахлынула тишина. Такая полная, такая раздумчивая, что даже гул двигателей и тот уже не слышался, как в ночной степи не слышится звон кузнечиков — он становится частью огромной торжественной тишины.

Наконец, как показалось Юрию, смущенно откликнулись напоминающие роботы — астронавигаторы. В их бездонной электронной памяти, конечно, нашлись планеты, на которых были жизнь и даже цивилизация. В свое время их открыли космические путешественники Розовой земли и вложили в электронную память роботов. Но вся беда в том, что все эти планеты были на расстоянии десятков, а то и сотен световых лет пути от курса корабля. Ничего подходящего поблизости роботы не знали.

— М-да,— покачал головой Квач,— положеньице.

— Подождем, что скажут следящие и анализирующие астророботы,— решил Миро.

Эта группа роботов сработала быстро. Они доложили, что в сфере их наблюдения нет ни одной планеты, на которой возможна цивилизация,— на это указывают непрерывно производящиеся радио- и спектральные анализы. Нет также и планет, на которых существовала бы простейшая или сложная жизнь доцивилизационного периода.

Пока они докладывали свои неутешительные данные, ребята молчали, и Юрий, грешным делом, опять подумал о Шарике — неужели его все-таки придется превратить в молекулы? Он даже вздрогнул от этой мысли и заставил себя думать о чем-нибудь другом.

— Ведь есть же запас растительных белков. Может, продержимся? Выживем? А там придет ответ с Розовой земли, и Шарик будет спасен.

И тут роботы доложили, что несколько в стороне и, главное, уже позади корабля промелькнула довольно подходящая планета, на которой имеется атмосфера, сходная с атмосферами Голубой и Розовой планет. Больше того, солнце, вокруг которого она вращается, дает ей достаточное количество тепла и прочих излучений. На самой планете безусловно имеется вода, существуют и многие газы, хотя, к сожалению, содержание углекислого газа, по крайней мере в верхних слоях ее атмосферы, несколько увеличено. Это дает основание думать, что на планете существует или простейшая жизнь, или, что более вероятно, уже появились животные.

— Так что... Решайте сами...

— Итак,— медленно сказал Миро,— решать действительно нужно самим. Прикинем. Возвращаясь, мы потеряем несколько дней. Двигаясь дальше, рискуем очень многим. Может быть, всем. Думайте.

Думали честно. Думали много. Думали и молчали.

Пожалуй, труднее всех думалось Юре, потому что перед ним все время стоял Шарик. И еще нечто, что он хотел вспом-

нить и не мог. Оно, это нечто, все время крутилось в мозгу, сверлило его, а в руки не давалось.

И вдруг совершенно неожиданно пришло главное.

— Товарищи! — сказал Юра. — Если есть растительные белки, значит, можно делать хлеб!

Космонавты поняли Юрия не сразу, и он подсказал:

— Но ведь вы же помните, как все восхищались анализами хлеба. Ведь информацию о нем передали на Розовую землю.

— Ну и что?

— Как это — что? Если у нас есть запас белковых растительных молекул...

— А ты вспомнил, как нужно печь хлеб?

— Нет... Но ваши химические роботы обещали развести дрожжевых грибков вдоволь. Неужели мы не научимся?

Голубые космонавты задумались. Мудрый, в этот час Миро заговорил первым:

— Это все правильно. Но... Но дело еще в том, что мы не знаем, как наши организмы будут усваивать хлеб Голубой земли.

— Но ведь землянику эти самые организмы усваивают.

— Это не одно и то же. Земляника — ягода, плод. А дрожжевые грибки совсем другое.

Юрию уже казалось, что Миро нарочно сомневается, нарочно не хочет принять его предложение, которое, если посмотреть на него без предубеждения, яснее ясного. И поэтому Юрий почти закричал, запальчиво и даже обиженно:

— Сомневаться можно в чем ты хочешь! Но если сомневаешься, нужно попробовать.

— Проверить можно, но... — протянул Тэн.

— Вот именно, — кивнул Миро. — Проверить можно, но... Но на проверку нужно хотя бы несколько дней. Это даже в том случае, если ты научишься печь этот самый хлеб. Понимаешь — мы проверяем все на себе, а корабль летит. И мало того что летит, но еще и набирает скорость. Продолжает разгон. И вдруг оказывается, что хлеб наш организм усваивает

плохо. Или даже больше того: дрожжевые грибки, которые мы никогда не употребляли в пищу, нам просто вредны.

— Ну, а если...— перебил Юрий.

— Давай проверим одно «если». Так вот, что произойдет в том случае, если хлеб не окажется таким подспорьем нашему путешествию, как надеешься ты? Что тогда?

— Поворачивать назад,— жестко сказал Квач.

— Верно, значит, опять терять несколько дней да плюс еще денек-другой на торможение. Ты знаешь, что будет с Шариком? Если он так вырос за несколько дней, что может произойти позже? Есть важное правило космических путешествий: все замечай, запоминай, исследуй, но попусту не рискуй. Вот почему рецепт хлеба мы прежде всего передали на Розовую землю. Там его изучат, и, может быть, мы и возьмем его на вооружение. Но только после проверки. Все понятно?

Что ни говори, а Миро опять оказался самым мудрым в этот день. Конечно, было очень обидно и неприятно. Если говорить честно, Юрий уже забыл о своей первой неудаче и был уверен, что хлеб, одно из лучших изобретений Голубой земли, поможет голубым людям преодолеть трудную минуту, спасет Шарика и вообще все перевернет вверх дном. А если пойти дальше и заглянуть в Юркину душу поглубже, то можно выяснить, что он при этом как-то затаенно даже от самого себя мечтал, что при такой победе этого лучшего изобретения в космосе он тоже кое-что приобретет. Станет как бы старше, умнее и, значит, уважаемей. И вместо уважения он сел в лужу — так и не сумел вспомнить, как же нужно печь хлеб.

Да, оказалось, что в жизни далеко не все так просто, как это кажется на первый взгляд. Даже самое лучшее изобретение нужно не только изучить и освоить, но и применять, подумав. И как это ни неприятно, как это ни пахнет бюрократизмом или старческой осторожностью, приходится соглашаться — Миро прав. Мало знать, нужно еще и уметь.

Чего ж удивляться, что через полчаса он тоже постучал о подлокотник и утвердил общее решение — возвратиться и приземлиться на неизвестной планете.

Это тоже был риск. А вдруг на этой планете ничего нет и приземление окажется бесполезным?!

Но даже в этом случае оно сможет принести кое-какую пользу: сигналы Розовой земли догонят их быстрее; космонавты смогут точнее обследовать окружающие планеты и, может быть, все-таки найти такую, где есть хотя бы самая скромная жизнь; наконец, на планете есть много газов и, значит, имеются и многие элементы Периодической системы. Может быть, даже все. В этом случае химическая кухня корабля хоть и с трудом, но сможет изготовить необходимый запас молекул растительных белков и углеводов, а потом превратить все это в тот же самый хлеб.

Нет, высаживаться им необходимо. Без продуктов далеко не улетишь...

Глава двадцатая

ПЛАНЕТА КРАСНЫХ ЗОРЬ

Команды были отданы. Астронавигационные роботы рассчитали траекторию и режим полёта. А когда рассчитали, то выключили все двигатели.

Корабль теперь вылетел по инерции, медленно разворачиваясь по огромной кривой. Где-то далеко впереди, а скорее, даже сзади, потому что кривая, на которую выходил корабль, в конечном счете приводила его назад, должна произойти встреча корабля и планеты. Расчеты показывали, что на это потребуются по крайней мере земные сутки: уточненные данные, которые представили роботы, показывали, что планета движется вокруг своего солнца по слабо вытянутой орбите.

— Значит, на планете,— сказал Миро,— короткая зима и не очень жаркое лето. Такие условия могут создать очень интересные формы жизни. Посмотрим.

Чтобы смотреть на эту неизвестную жизнь во все глаза, прежде всего решили как следует выспаться.

Высадка на планеты всегда сопряжена с риском. Возможны всякие неожиданности и приключения, и, значит, нервы

должны быть в полном порядке. Вот почему спали все долго и очень сладко. Юрка даже снов не видел — так хорошо ему спалось.

Да иначе и не могло быть. После того как корабль прекратил разгон, исчезли перегрузки. На земных космических кораблях в эти минуты наверняка наступило бы состояние невесомости. А на этом корабле невесомости не было — роботы включили гравитационные установки и в отсеках установился облегченный гравитационный режим. Режим, когда нет ни сильных нагрузок, ни невесомости. Так — серединка наполовинку.

Тело было легким и как бы раскованным. Дышалось необыкновенно свободно. Когда Юрий проснулся, у него было такое состояние, словно сегодня большой праздник, который он встретил достойно — отличными отметками, выигрышем в футбол или хоккей. Ему казалось, что его ждут новый костюм и какие-то очень интересные и нужные ему подарки.

И в то же время это необыкновенное настроение нельзя было назвать праздничным, потому что в праздник всегда хотелось поваляться в постели, подумать о том, как он ничего не будет делать...

В этот день все было как раз наоборот. Юрию очень хотелось заняться чем-то очень важным, сложным и интересным. Причем заняться немедленно, не теряя ни минуты. И, ощутив в себе заряд этой веселой и в то же время сосредоточенной энергии, он вскочил с кресла-кровати и, не рассчитав прыжка, сразу очутился у дверей в коридор, который вел на кухню.

— Ты что? — усмехнулся Зст. — Дружка пошел проверить?

— Да нет... просто...

— Учти, после перегрузок такой переход у нас обязательно кончался тем, что мы набивали себе шишки и синяки. Так что осторожней.

Но особенно осторожничать не пришлось — проснулись остальные. Быстро позавтракали, посуда и столы раствори-

лись в полу, и Квач с неожиданным диким криком повалил на пол Тэна и Миро. Представить себе, что голубые люди могут просто баловаться, Юрий почему-то не мог и поэтому с тревогой посмотрел на Зета. Но тот тоже закричал, гортанно и воинственно, и лихо, как наездник, вскочил на Квача. Сам не зная почему, навёрное, потому, что и его тоже распирала накопленная в вынужденном безделье энергия, Юрий ринулся в кучу малу.

Все пятеро визжали, сопели, катались и выкатывались, а потом разбежались, и тут Миро бросился к стене. Он нажимал на все кнопки подряд, и разноцветные огоньки на стенах заматались как сумасшедшие. Стены дрогнули и поползли, образуя длинные коридоры. Вероятно, все помещения, которые были так или иначе свободны в этот момент, выжимались этими движущимися стенами, освобождая все большее и большее пространство.

Зет бросился куда-то в отсеки и вскоре вернулся с теми самыми луками и стрелами, которые Юрий видел у него на Голубой земле.

— Послушайте, откуда у вас луки и стрелы? — спросил Юрий. — У вас охотятся с луком?

— Тумус! У нас об охоте можно прочесть только в старых книгах.

— Ладно, пусть я тумус. Но откуда же у вас луки? Из старых книжек?

— Нет, когда мы снижались над вашей Землей, то через телеобзорную систему увидели, как на одном из островов почти голые люди стреляют из луков. Нам понравилось, и вот...

— Значит, с нашей Земли вы везете два изобретения — лук и хлеб.

— Выходит, — рассмеялся Миро. — Поэтому есть предложение — открыть соревнование.

— Подожди! — крикнул Квач. — Нужно размяться. Сотворим горку?

— Валяй, — решил Миро, и Квач прыгнул к стенам,

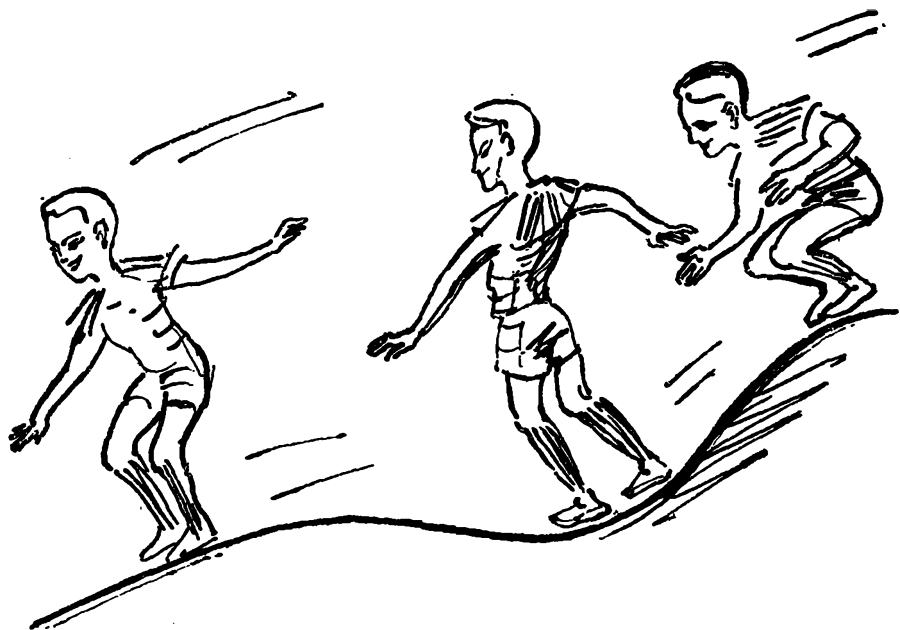
И тут же произошло нечто совершенно новое — пол стал горбиться, а в конце все удлиняющегося и расширяющегося помещения круто, как гребень волны, взметнулся к самому потолку.

Квач разбежался и, прыгая по горбам-волнам, с разбегу взлетел на гребень почти к самому потолку, но не удержался и покатился вниз. За ним ринулись остальные.

Юрий тоже прыгал, как и все, с горба на горб, ощущая необыкновенное, как во сне, замедленное и очень плавное движение. Когда, отталкиваясь от горба, он взлетал вверх, ему удавалось поболтать ногами в воздухе, а когда опускался, то очередной горб приближался медленно, и у Юрия оставалось время, чтобы рассчитать свой следующий прыжок. Наверное, поэтому он дальше всех взбежал на гребень.

Он был так крут, что Юрий наверняка опрокинулся бы и покатился вниз, но он успел поднять руки и прижаться ладонями к потолку. Стоять в таком положении было очень

неудобно и все-таки очень приятно: как-никак, а он оказался единственным, кто сумел добраться до самого верха. Наверное, это понял коварный Квач, потому что он крикнул:

— Юрка! Сзади!

Что было сзади, Юрка не знал. Он резко повернулся, чтобы посмотреть назад. Равновесие было потеряно, и Юрка покатился вниз. Конечно, если бы он падал с такой кручи на Земле, он наверняка набил бы себе синяки и шишки. Но тут сила тяжести была ослаблена, и он мягко и весело перекувырнулся через голову, на спине влетел на очередной греб-волну и остановился на его верхушке.

Космонавты хохотали. Не обидно, но хохотали — лицо у Юрия и в самом деле было огорченным, растерянным и в то же время ожидающим. Это, наверное, оттого, что, падая, он ожидал, что стукнется по-настоящему. Но этого не случилось. Только теперь он понял, что самым приятным в этом соревно-

вании было не то, чтобы взобраться как можно выше и как можно дольше продержаться на гребне, а чтобы мягко и не больно, как в полете, скатиться вниз.

Игра опять научила его, что на корабле, даже в шутку, даже на минутку, нельзя резко выделяться среди других, подчеркивать свою победу.

Не победа важна. Важно общее настроение.

Наверно, поэтому во время стрельбы из лука Юрка поначалу действовал без особого удовольствия и даже с осуждением косился на голубых товарищей, которые, увлекаясь, спорили, чья стрела попала в центр круга-мишени; ее нарисовал прямо на стене Тэн. А потому, что стена была или металлическая, или биометаллическая, деревянные наконечники стрел не оставляли на ней следов. Юрке это казалось неважным: важно было общее настроение.

Но постепенно и он увлекся и тоже начал спорить, доказывать, что именно он попал прямо в центр круга. И тут поднялся такой шум и гром, какой бывал только на расчищенном льду реки, когда встречались хоккейные команды соседних классов. Сразу забылось общее настроение — очень важным стало личное положение в соревновании. Наверное, поэтому, в конце концов было установлено, что в мишень Юрий попадал чаще других. И гордился он этим не меньше, чем в свое время победой на ледяном поле.

— Здорово, — задумчиво протянул Квач и обратился к Зету: — Придется теперь ему заниматься...

— Придется, — вздохнул Зет. — Такие уж правила.

И видно было, что правила эти ему не очень нравятся, но он подчинится. Вздохнув, Зет протянул Юрке лук и стрелы.

— Держи. Раз ты стреляешь лучше всех — держи и заботься как следует.

Юрка, конечно, взял лук и стрелы — раз правила, значит, правила. Но не подивиться этим правилам не мог. Выходило, что победитель в соревнованиях получал не приз или какое-нибудь облегчение, а, наоборот, новые обязанности. Стоило ли стараться?

Но, с другой стороны, ведь если человек лучше всех овладел луком, то кто же надежней будет ухаживать за ним? Выходило, что даже в соревновании главным все-таки было общее настроение, в конечном счете все та же забота одного обо всех, как и всех об одном. И хотя не все было привычно в этих правилах, в самой их основе Юрию опять услышалось то знакомое, о чем он не раз слышал в своем маленьком городке.

И он взял лук и стрелы — первые вещи на космическом корабле, за которые он отвечал перед всеми. Пожалуй, в этом и в самом деле было что-то настоящее, от чего веяло большой дружбой.

Но как это часто бывало во время путешествия, обдумать случившееся Юрий не успел — металлический голос роботов оповестил космонавтов:

— Объект приземления появляется в поле прямого зрения. Ребята посмотрели на экран внешнего обзора.

В левом его обрезе, как лампочка в карманном фонаре со слабой батарейкой, багровела недобрая загадочная звезда. В стороне от нее светилась маленькая, но необыкновенно яркая и потому голубоватая звездочка. И хотя роботы молчали и ничто на экране не могло подсказать решения, Юрий сразу понял: недобрая, мутно-красная звезда — это и есть планета, объект приземления. Голубоватая от яркости звездочка — то самое Солнце, вокруг которого вращается планета.

Почему он это понял? Трудно сказать... Но, наверное, потому, что хотел он этого или не хотел, а он все время думал о космосе. Космос незримо присутствовал в Юрке, жил в его мыслях и чувствах. Чего ж удивляться, что в конце концов в Юрии проснулся космический инстинкт. И как всякий инстинкт, он не требовал особых объяснений. Он срабатывал, как робот, — вовремя, безотказно и точно.

И, повинуясь этому новому для него космическому инстинкту, Юрий прикинул, сколько времени им еще лететь до планеты. Но он не успел сделать этого, потому что Зет решил:

— Пора готовиться к посадке.

И никого это не удивило. Квач решил:

— Беру на себя вездеходы и оружие.

— За мной приборы и оборудование, — сказал Тэн.

— Хорошо, — согласился со всеми Зет, — Миро — в резерве, Юрий — наблюдение за нами.

И все поняли — сегодня самым главным, самым старшим является Зет. Почему? Кто ему дал право? Об этом никто не спросил. Даже Юра. Просто Зет сам чувствовал, что сегодня он справится, что он больше, чем кто-либо другой, сможет дать другим.

Пожалуй, в этом было главное — не взять себе, а дать другим. Потому что, как в только что проведенной игре, главное было не в том, чтобы победить других, а в том, чтобы показать другим, как можно достичь победы, помочь им в будущем добиться точно такой же победы.

Да, чем дольше летел Юрий, тем больше он общался с глубокими людьми, тем яснее он видел, что те законы, по которым живут люди Розовой земли, очень похожи на законы людей Голубой земли. Очень похожи. И все-таки чуточку не те. Самую-самую малость, но все-таки не те. Они в чем-то выше и чище. Чуть-чуть выше и чуть-чуть чище. Но они такие, что Юрию не стоило особых трудов понять их, почувствовать всю их прелесть и правильность и принять их как свои. Ему не трудно было сделать это, потому что там, на своей оставленной родине, он уже был подготовлен к тому, чтобы стать чуточку лучше и чуточку чище. Раздумывая над этим, он рассмеялся про себя:

«Одним словом, можно сказать, что все дело в чуть-чуть...»

Пока Зет стоял у пультов управления, Юрий и Квач по переходам и спиральным, теперь очень узким коридорам прошли куда-то в самый трюм корабля, где помещались кладовые запасных материалов и оборудования. Здесь было шумно и сильно пахло чем-то свежим и резким.

— Двигатели близко. Как ни защищаемся от радиации, однако не помогают даже нейтринные перегородки. От этого много озона.

Наверное, это было именно так, потому что в кладовых действительно пахло так, как пахнет на Земле, когда пройдет гроза или как возле высоковольтных передач в безветренный, истомный день. И все-таки, уже на всякий случай, Юрий спросил о том, что всегда волновало людей на его Земле. Волновало так, что они постоянно писали об этом в газетах и говорили по радио.

— А это облучение не опасно?

— Если просидеть здесь несколько недель — наверно, в организме что-либо изменится. Но если мы пробудем в кладовых несколько часов — так это даже полезно. Организм взбодрится и будет лучше работать. Давай-ка начнем.

Но с чего начинать, Юрий не знал. В кладовых стоял тот зеленоватый не полумрак, а полусвет, который жил на всем корабле, если не включалось специальное освещение.

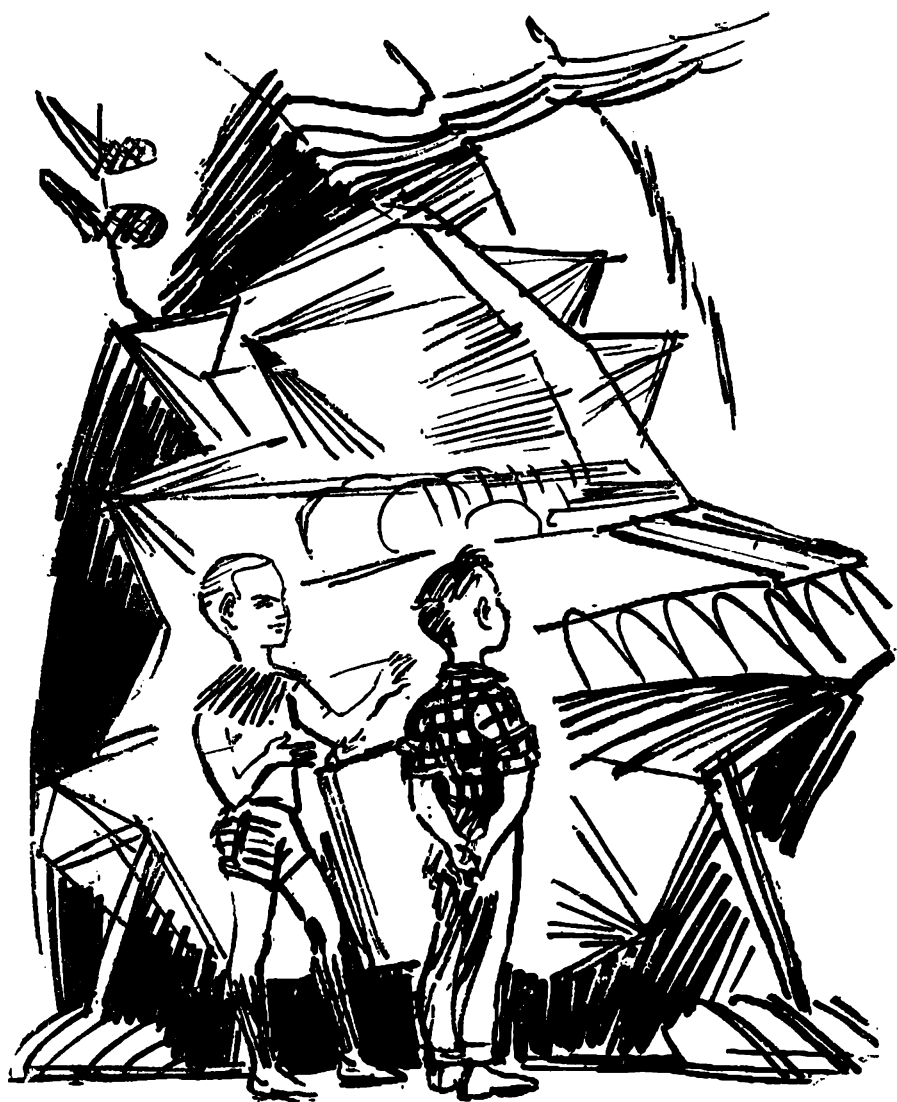
В этом полумраке-полусвете глаза улавливали очертания многих непонятных или почти понятных вещей. На стенах висела одежда: прозрачные комбинезоны, которые Юрий уже видел на космонавтах, и комбинезоны непрозрачные, видимо, очень толстые, а потому даже на вид «неповоротливые». На стеллажах лежали поблескивающие детали, трубки, колеса, стояли уже готовые приборы или их блоки; громоздились ящики и ящички, колбочки, сосуды, стеклянные или похожие на стеклянные банки и баночки. А дальше, за стеллажами, горбились машины, какие-то аппараты, блестящие и непонятные.

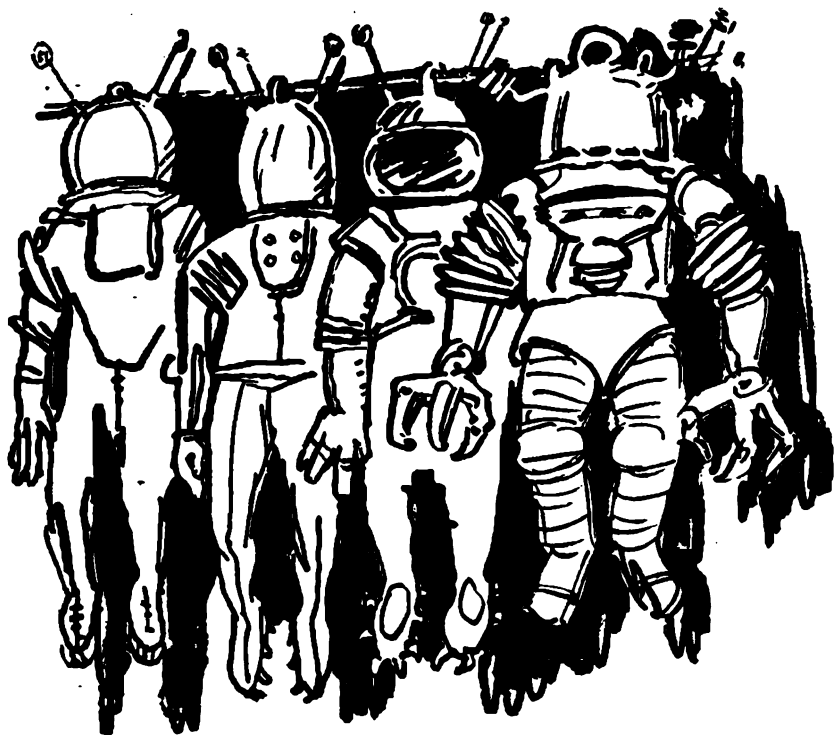
К одному из таких аппаратов и подошел Квач.

— Ну вот тебе наши вездеходы и... везделеты. А при случае и вездеплавы.

К такой удивительной машине нельзя было относиться без всемерного уважения и даже восхищения. И Юрка приготовился восхищаться. А восхищаться, как оказалось при ближайшем рассмотрении, было нечем.

Невероятная машина прежде всего была некрасиво-угловатой, как бы собранной из призм. Каждая большая призма, в свою очередь, была составлена из призмочек меньшего размера, а те из еще меньших. И все они были прозрачны. Под

ними, в чреве машины, призрачно и расплывчато чернели и краснели какие-то детали и узлы.

— Зачем... она такая? — спросил Юра.

— Все сделано так, чтобы каждая точка машины имела угол преломления.

— Чего-чего?

— Угол преломления. Неужели не понимаешь? — недоверчиво спросил Квач.

— Если честно — не понимаю.

— Нам приходится высаживаться на совершенно неизвестных планетах. Правда, роботы дают нам хорошую информацию, но вся она все-таки требует проверки на месте. И вот, представляешь, мы высаживаемся... А на планете, например,

еще низшая цивилизация. И разумные существа имеются, и даже техника у них есть очень неплохая, а цивилизация все-таки низшая.

— Это ж почему так? Техника есть, даже неплохая, а цивилизация — низшая.

— Все дело в том, куда направлена эта самая цивилизация. У низшей, на каком бы уровне там ни стояла наука и техника, пусть даже на самом высоком, она всегда приспособлена к войне. У высшей — к миру. Низшая обязательно думает над тем, как бы половчее убить человека, разумное существо. Высшая, наоборот, как бы сделать жизнь человека, разумного существа, как можно лучше, прекрасней, интересней и полней. Так вот, представляешь, высаживаемся мы на какой-нибудь планете, а нас встречают оружием. Что нам делать? Конечно, у нас тоже есть, чем ответить, но ведь это значит, мы тоже должны убивать. А мы — представители высшей цивилизации. У нас войн нет. Я бы и сам это слово не вспомнил, если бы ты его не подсказал. И тебя бы мы не взяли, если бы не узнали, что в вашей стране войны не в почете. Вот. Так что же нам делать на такой враждебной планете? Прежде всего — смотреть. Наша машина к этому и приспособлена. Она создана как бы из кристаллов. Сквозь них все видно, но если даже в нее попадает... какой-нибудь снаряд или смертоносный луч, он не сможет принести заметного вреда, потому что каждая точка машины имеет отличный угол преломления. Ни снаряд, ни луч не смогут проникнуть в глубь машины — он обязательно отразится от нее или... Ну, как бы тебе сказать...

— Скрикошетирует?

— Вот-вот!.. Именно скрикошетирует. Отскочит рикошетом. Понял? И дело тут не только в том, что мы можем встретиться с враждебными существами. Можем встретиться и с загадками природы: вдруг попадутся какие-нибудь невероятные лучи. И еще — машина построена так, что, если мы что-нибудь прозеваем и свалимся, например, с кручи, она не разобьется. Призмы и призмочки примут удар на себя, а мы внутри будем целенькими.

Квач тяжело перевел дыхание и вытер пот со лба.

— Слушай, Юрка, ты меня поменьше спрашивай о теории. Так долго разговаривать мне трудно. Это ты к Миро... Или к Тэну. А я лучше тебе покажу, как ею управлять.

Квач открыл дверь, и они вошли внутрь универсальной машины. Вспоминая свои земные машины и машины из фантастических повестей, Юра приготовился увидеть россыпь кнопок, тумблеров и сигнальных лампочек. И, конечно, приборов. Но он опять ошибся. В машине не было даже руля. Просторные сиденья, ящики, полочки и крючки. А руля нет.

— Как же ею управлять? — удивился Юрий.

— Очень просто. Смотри.

Квач сел на переднее сиденье, а рядом уселся Юра.

— Смотри на мои ноги,— сказал Квач.

Там, внизу, как и у всякой автомашины, было три педали.

— Вот и все. Когда ты включишь атомный двигатель, управлять тебе придется только ногами. Правая педаль — педаль скорости. Чем сильнее на нее жмешь, тем быстрее скорость. Левая — педаль поворотов.

— Но ведь машина-то и вездет, и вездеплав...

— Ну и что? Если попадешь в воду, она поплывет. А нужно взлететь, нажми педаль скорости посильнее — она взлетит. У нее же нет колес, как ты заметил. Она же на воздушной подушке. Двигатель нагнетает воздух под днище, и машина приподнимается над грунтом или над водой и летит.

— А если под водой...

— Ну так уменьши обороты. Она потонет, а малые обороты все-таки будут толкать ее вперед. Или назад — как ты хочешь...

Как всегда, все было правильно. Но Юра уже не был тем несмышленищем, тем салажонком, которым он был в первые часы пребывания на корабле. Теперь он не только приобрел космические инстинкты и привычки, но и космическое умение думать. Нет, теперь он ничто не принимал на веру, даже если все казалось совершенно правильным. Вот поэтому он и спросил:

— Послушай, Квач, а как же ваша машина будет двигаться на планетах, на которых нет атмосферы?

— «Как, как!» — передразнил Квач. — Так и будет двигаться.

— Нет, — твердо сказал Юра, — на таких планетах она двигаться не будет.

— Это ж почему? Всегда двигалась, а тут ты скажешь, и она остановится?

— Остановится и с места не сдвинется.

— Это ж почему?

— Потому что нет воздуха.

— Где нет воздуха? — рассердился Квач.

— На планетах, где нет атмосферы.

— Гм... действительно... Ведь работает-то она на воздушной подушке... И если не будет воздуха, значит, не будет и воздушной подушки. Как же быть в этом случае?

— В самом деле, — совершенно невинно переспросил Юра, — как же быть в таком случае? Ведь воздушной подушки не будет.

— Гм... Может, не высаживаться на такие планеты?

— А если нужно?..

— Гм... Гм-гм... Да ну тебя! — вдруг взорвался Квач. — Вечно ты со своими вопросами! Откуда я знаю, как быть в таком случае.

— Выходит, вы этого еще не проходили? — уже совсем ехидно осведомился Юра.

— При чем здесь не проходили?.. Не учили! — передразнил Квач. — Просто мы ни разу не высаживались на такие планеты. Ну и, естественно, нам не приходилось заниматься таким делом.

— Одним словом — не знаешь?

— Не знаю... — потупился Квач и опять разозлился: — А ты знаешь? Да? Ты даже не знаешь, как хлеб делается! Ни одной формулы не знаешь. А туда же — задаешься. И я тебе так скажу: даже дурак может задать столько вопросов, что и сотня умных людей ему не сможет ответить.

— Выходит — я дурак? — недобро прищурился Юра и, как всегда в критические минуты своей жизни, засунул руки в карманы и, выставив вперед правую ногу, чуть подался к Квачу.

— При чем здесь ты? — несколько поостыл Квач. — Я говорю вообще.

— А я говорю конкретно. Что же получается? Ты взялся готовить к высадке вездеход и... везделет, а сам даже не знаешь, как он действует, на что он способен.

Сомнений не было: Юрий говорил горькую, но правду, и Квач сник.

— Юрка, но ведь нельзя же знать все на свете... Не приходилось нам сталкиваться с безатмосферной планетой. Вот... так и...

— Ладно. Допускаю. Но у тебя есть схемы машины, ее чертежи?..

— Наверное, есть... У роботов.

— «Роботы, роботы»! Надоели роботы! А ты сам понимаешь, сам что-нибудь знаешь?

В своем справедливом возмущении Юрий явно переборщил. Ведь и он не знал очень и очень многого.

Однако Квач только пожал плечами и нерешительно протянул:

— Кое-что, конечно, знаю... — Но сейчас же, уловив ошибку Юрия, спохватился и стал самим собой. — Причем кое в чем побольше тебя. Но сейчас узнаю.

Он, конечно, нажал кнопку и, конечно, щелкнул тумблером. И, конечно, роботы немедленно зажгли ему светящийся экран, а на экран спроектировали схему транспортной космической машины и, конечно, рассказали своими металлическими и поэтому не очень приятными голосами, как действует транспортная космическая универсальная машина.

Оказалось, что она может действовать не только на планетах, начисто лишенных атмосферы. Она может передвигаться даже в расплавленной породе, лаве, металле. Она может ходить, летать и плавать в любой среде. И как это ни удивитель-

но, ей больше страшен холод межпланетных глубин или безвоздушных планет, чем расплавленная лава. Все дело в том, что кристаллы, из которых построен корпус машины, могут выдержать температуру в несколько тысяч градусов жары. Но космический холод — минус 271 градус, абсолютный нуль — ей опасен. При абсолютном нуле кристаллы становятся хрупкими и ломкими. Их все время нужно облучать изнутри. Тогда они смогут держаться.

И еще рассказали роботы, что универсальная машина может двигаться не только на воздушной подушке. Используя ту же систему ослабления внутримолекулярных связей, примененную во всем корабле, космонавты могут заставить машину двигаться с помощью тех же самых выступов-кристаллычков. Для этого они размягчают их молекулы, а потом включают вибрационно-поступательный механизм. Выступы-кристаллы превращаются как бы в шагающие ноги. Они дрожат, вибрируют и то выдвигаются вперед — и тогда машина делает шаг вперед, то отступают назад — и тогда машина как бы замирает на месте. А так как ножек-кристаллов на машине бесчисленное множество, то, хотя у нее и почти тот же принцип движения, что и у сороконожки, двигается она очень быстро.

— Здорово! — согласился Юрий. — Это выходит, что ваши конструкторы позаимствовали идею у нашей сороконожки?

— Не знаю, у вашей или у нашей, — ехидно ответил Квац, — но в машине действительно применен принцип биологического конструирования.

— Какого-какого?

— Биологического конструирования. Подметили, что у природы есть какое-то интересное биологическое построение, изучили его и применили в технике. Вот и все. Добавляю, что машина не боится, если ее перевернут.

— То есть как это — перевернут?

— А очень просто. Переверни ее, например, во время аварии набок или даже, как говорится, на голову, она все равно будет исправно работать и двигаться.

— А ее пассажиры тоже поедут вниз головой?

— Нет. В ней применен принцип независимой подвески. Кузов может кувыркаться как ему вздумается, а все, что находится внутри кузова — двигатели, аппараты, приборы, сиденья, — все всегда будет в одном положении.

— Очень удобно... — протянул Юрий, усомнившись, как же может вся внутренность машины быть независимой от кузова. Но потом вспомнил, что ведь есть такие игрушки ваньки-встаньки, которые, как ни качни, все равно не валятся, а возвращаются в свое нормальное положение. Наверное, и в машине так выбран центр тяжести, что все ее механизмы всегда будут в одном положении.

Почему это происходит, понять до конца Юрий не мог: он еще не учил механику. Но он верил: так может быть. Больше того — так должно быть. И он повторил:

— Очень удобно. Если бы у нас, на Голубой земле, выдумали бы такие машины, аварий на дорогах, наверное, не было бы...

Теперь, после помощи роботов, овладеть универсальной космической машиной было нетрудно. Тем более, что для этого требовались только две ноги, а в движущейся машине они все равно бывают безработными.

Овладевать оружием оказалось еще проще. Металлические палочки вырабатывали какие-то очень сильные, смертельные лучи — прицелься, нажми на курок, и «выстрел» поразит любую цель.

Во время этого обучения внутренняя корабельная связь известила:

— Внимание! Переходим на посадочный режим. Внимание! Будьте готовы к принятию решения. Включаем посадочную программу номер семь. Повторяем: включаем посадочную программу номер семь.

Юрий и Квац бросились в центральное помещение. Но даже на бегу Юрка допытывался, что это за программа номер семь.

— У нас разработано несколько десятков программ посадки: на свою планету, на обитаемую, необитаемую, дружескую,

враждебную, с атмосферой, без атмосферы, изученную или неизученную... Ну и так далее. В этот раз мы садимся на неизученную планету с атмосферой и, возможно, с живыми обитателями. А как будет осуществляться эта программа, сам увидишь.

Программа осуществлялась так, что Юрий не замечал ее осуществления. Все было таким простым, логичным и единственно возможным, что ни о какой заранее придуманной программе не появлялось и мысли. Но, впрочем, может быть, в этом и заключалась сила программы? Ведь в нее был заложен опыт многих, может быть, тысяч космических путешествий и приземлений на неизвестные планеты.

На экранах внешнего обзора где-то очень далеко светились звезды, и их разлапистые лучи незаметно растворялись в иссиня-фиолетово-черном, но все-таки как бы пронизанном светом космосе. Все было, как и раньше, и все-таки кое-что было уже по-новому.

Прежде всего незримый свет космоса стал сильнее и как бы весомей. Он уже не только ощущался, а прямо-таки замечался. Все изменилось в космосе. Но изменилось так, что понять эти изменения, измерить их казалось невозможным.

С каждой секундой эти изменения становились все заметней. Медленно растворялась немыслимая космическая чернота. На ее место приходили краски. Белый свет как бы разлагался на голубоватый, зеленоватый и, кажется, желтоватый. Потом к ним примешался красноватый, а от черно-сине-фиолетового космоса остался только синий свет. Но из густого, тяжелого он превратился в ярко-синий, легкий и воздушный. Но все эти цвета были расположены не так, как в радуге — в строгой, раз и навсегда определенной последовательности, — а разбросанно, бессистемно.

То там, то здесь вспыхивали и пропадали или изменялись световые пятна — то красно-синее, то желто-голубое, то еще какое-нибудь. И мудрый Миро произнес так торжественно, что все посмотрели на него:

— Первые признаки атмосферы.

Этих признаков становилось все больше и больше, но вскоре они стали исчезать. Наконец корабль опять окружила космическая чернота. Можно было подумать, что путешественники, приблизившись к неизвестной планете, раздумали и понеслись дальше, в космос.

Но это только казалось. Просто корабль заканчивал свою огромную кривую и теперь переходил на режим спирально-кругового полета. Он шел над планетой по кругу. Как раз в эти минуты он попадал в ее тень, и его окружила космическая чернота.

Однако она была уже не космической. На экранах явно проступал черный конус, за границами которого играли разноцветные всполохи. Да и сам черный конус планетной тени был не такой густой и мрачный, как глубины космоса. Это была как бы домашняя, уже теплая, хотя почему-то тревожная чернота. Может быть, оттого, что в ней угадывались багровые отсветы, словно откуда-то со стороны пробивались лучи заходящего или восходящего солнца, отражение далеких буйных зорь.

Корабль пересек черный конус. Роботы уже прошупали планету лазерами, мазерами, радио-, ультра- и инфразвуковыми локаторами и еще десятком сложных приборов, устройства и принципа действия которых голубые люди еще не проходили. Теперь роботы подводили первые итоги.

Обследование подтвердило и уточнило показания дальней космической разведки: на планете есть кислород, азот, углекислый газ и многие другие газы. Есть также и все другое, что имеется и на тех планетах, где уже возникла жизнь и даже цивилизация. Значит, и на этой может быть жизнь. А раз может быть, то существуют и скопились белковые молекулы.

Значит, можно снижаться. Можно приземляться... Хотя, точнее, следует сказать — припланетиться. Ведь планета Земля — одна. Правда, оказалось, что есть и другая, Розовая земля. Значит, есть две Земли. Но планет — бесчисленное множество, и не все имеют названия. Вот почему космонавты говорили вместо «приземлиться» — «припланетиться».

И хотя все было ясно и как будто понятно, корабль не спешил к планете. Он медленно плыл над ней, изучая каждую ее пядь своими приборами. И чем дольше изучал, тем настороженней действовали и роботы, и ребята.

Планета оказалась какая-то странная — на ней не было гор. На всех планетах, даже на самой близкой к Голубой земле — Луне, имеются не только отдельные горы и холмики, но и целые горные хребты, даже системы горных хребтов. И иначе не может быть.

В недрах планет или пылает, или пылало пламя невероятной силы. Оно расплавляло вещество планеты, которое, как и полагалось всякому веществу, обязательно расширялось при нагревании и ломало уже остывшую верхнюю корку. Ломало, выплескивалось на поверхность и застывало горными всплесками. Верхняя корка изгибалась, и горы постепенно укреплялись на поверхности любой планеты.

А на этой, попутной планете гор не было.

Больше того. На всех планетах материки чаще всего располагались вдоль меридианов, от полюса к полюсу. А на этой был всего один материк, и он опоясывал всю планету единым гладким обручем с изодранными краями.

— Странно,— первым сказал Тэн.— Очень странно...

— Может быть, тут еще не началось горообразование? — неуверенно спросил Зет.

— Скорее! Почему оно задержалось? — вмешался Миро.

— Запросим роботов,— вставил Квач.

— А может, сами подумаем?

— Не понимаю, зачем думать над тем, над чем не следует,— буркнул Квач.— Нам сейчас важно другое. А началось на планете преобразование или нет, не так уж и важно.

— И так верно, и по-нашему верно,— миролюбиво согласился Тэн,— но все равно это нечто новое.

Все помолчали, приглядываясь к показаниям приборов, к экранам внешнего обзора.

— Ладно,— решил за всех Зет,— проверим на месте — время еще будет. Начнем высадку.

Корабль, чуть дрогнув, пошел на снижение. Потом замедлил ход и стал врезаться в нижние слои атмосферы.

Багровые отсветы стали гуще, а разноцветные сполохи побледнели и, наконец, совсем исчезли.

Теперь на экранах внешнего обзора медленно разворачивалась огромная туша неведомой планеты — буровато-зеленая, подернутая дымкой облаков. Поначалу Юрию показалось, что это не облака, а снежные вершины высоких гор, и он хотел сообщить о своем открытии, но потом, присмотревшись, понял, что это именно облака. Местами они были гуще и потому казались снегом, местами расплывались в белесую дымку. Дымка эта густела и сплывалась в сплошную белую пустыню на полюсах планеты.

Посредине планеты облаков почти не было — там расстилалась огромная круговая твердь — земля. Буро-зеленоватая, прорезанная голубыми жилками рек.

Между твердью и белыми равнинами полюсов голубело море. Вернее, не море, а два океана: один вверху, а другой внизу. Вот и все. Все хозяйство этой планеты — два полюса, два океана и один материк. И нигде ни одного островка, ни одного озера. Все расчерчено и разделено четко и точно — вода и твердь.

— Где будем садиться? — спросил Квач.

— Роботы показали, — ответил Зет, — что цивилизации на планете нет: ни радиоволн, ни инфракрасных отражений промышленных или хотя бы костровых огней не обнаружено. Поэтому предлагаю садиться неподалеку от прибрежной полосы нижнего, южного полушария.

— А не опасно приближаться к воде? Может быть, там болота? — спросил Миро.

— Мы будем садиться не у кромки воды, где возможны встречи с выходцами из океана, а чуть подальше...

— Куда подальше?

— В глубь материка.

— А если там ничего нет? Может быть, там пустыня?

— Нет, этого не может быть. Раз есть кислород, вода, азот

и все такое прочее, какая-нибудь жизнь есть обязательно,— решительно ответил Зет и отвернулся к приборам.

Корабль все явственней замедлял ход. Планета быстро приближалась. От нее уже шли воздушные потоки, и корабль, наткаясь на них, как автомашина на выбоину, то вздрагивал всем своим огромным телом, то едва заметно проваливался, и тогда в животе образовывалась неприятная пустота.

Все чаще и чаще корабль врезался сначала в волокнистые, рассеянные водяные пары, а потом и в более мощные облака. Следящие, наблюдающие и посадочные роботы, их контролеры, тысячи приборов и устройств, которые начинали корабль, работали с полным напряжением. Они прощупывали новую планету, брали анализы, фотографировали, облучали радиоволнами и лучами лазеров. Космонавты молчали, они следили за этой огромной слаженной деятельностью машин и приборов и кое в чем помогали им.

К исходу второго часа полета по пологой спирали роботы окончательно определили свое отношение к планете и сообщили:

— Все в порядке. Посадка малой трудности. Рекомендуем обратить особое внимание на биологическую защиту. Состав околосемной атмосферы допускает дыхание без специального кислородного питания. Принимайте решение о месте высадки. Рекомендуем Северное полушарие: в его центре оптимальные температуры двадцать три — двадцать пять градусов тепла.

— А ты хотел садиться в Южном,— усмехнулся Квач, но Зет не растерялся:

— Чудак, ты забыл, что, если сесть поближе к морю в Южном полушарии, все равно будут оптимальные температуры.

Пожалуй, это был правильный ответ — ведь жарко только на экваторе. А чем дальше от него к полюсам, тем температура воздуха все ниже и ниже. Квач не стал спорить.

Корабль в это время приближался к черному конусу, который отбрасывала планета в пространстве. Из-дня они приближались к ночи.

И первое, что увидели космонавты в надвигающихся сумерках, были необыкновенные зори — полыхающие в полнеба, кроваво-красные, переливающиеся, меняющие свои цвета от нежно-розовых до темно-багровых, почти фиолетовых. Все вокруг было залито этим прекрасным и тревожным светом.

Даже выдавшие виды голубые космонавты притихли и долго смотрели на быстро и неуловимо сменяющиеся краски необыкновенных красных зорь. Но слишком долго следить за этими зорями не пришлось — корабль вошел в темноту ночи.

Тэн вздохнул:

— Никогда не видел ничего подобного... Вот красота!.. Отчего это?

— Проверим, — деловито бросил Квач. — Кстати, как называется эта планета?

Но роботы не ответили на вопрос. В их каталогах и списках планета имени не имела.

— Ну вот и хорошо! — почему-то обрадовался Миро. — Дадим ей название — планета Красных зорь. Хорошо?

Кто же будет возражать против хорошего? Планета Красных зорь — это и в самом деле очень красиво.

А когда впереди в туманной ночи опять блеснули красные отблески далеких утренних зорь, которые догоняли движущийся по спирали корабль, Зет обернулся и торжественно произнес:

— Приготовиться к посадке.

Глава двадцать первая

НА НИЧЬЕЙ ЗЕМЛЕ

Даже если человек едет в гости к бабушке, и то, высаживаясь на незнакомой станции, он чувствует себя немножко неуверенно. Иногда даже кажется, что замирает сердце и от волнения пересыхает во рту. Потому что кто бы и что бы ни говорил, а неизвестное всегда и радует и волнует.

Но ведь то незнакомая станция, на которой живет родной человек, а то неизвестная планета, затерянная в бесконечной

россыпи звезд Великого и все еще непостижимого Млечного Пути. Голубые космонавты, конечно, волновались перед посадкой, но не выдавали себя, потому что хотели казаться настоящими космическими волками, для которых посадка на неизвестных планетах — дело привычное и нестрашное, важно только как следует провести эту самую посадку. А Юра Бойцов даже не пытался задаваться или показывать окружающим, что он настоящий мужчина, не собирающийся волноваться по такому поводу. Он просто забыл обо всем на свете и, не отрываясь, смотрел на экраны внешнего обзора.

А на экранах, как назло, ничего не было. Была только чернота. И пустота. Как на чердаке в самую темную ночь. И пока голубые космонавты следили за приборами, щелкали тумблерами и нажимали на кнопки, Юрка смотрел на экран и по-прежнему ничего не видел. Правда, иногда где-то в стороне пробивались отсветы красных зорь, иногда мелькала какая-то заплутавшаяся в чужой темноте светлая звездочка, но все это было как-то несерьезно, как-то слишком уж по-домашнему. А Юрка ждал необыкновенного.

Между тем ничего необыкновенного не происходило. Корабль медленно и незаметно все проваливался и проваливался в крошечную темноту, и, вероятно, от этого нарастала тревога. Юрка готов был закричать от этой распирающей его тревоги, готов был броситься на стену или сотворить что-нибудь невероятное. Но он не делал этого, потому что все время ждал необыкновенного. А его все не было и не было.

Правда, в какую-то секунду, а может, мгновение корабль потряс толчок, космонавты быстро переглянулись и все, как по команде, стали смотреть на экран внешнего обзора.

Но в экране по-прежнему плыла только чернота. Не было даже отблесков необыкновенных красных зорь, даже заплутавшихся звездочек. Не было ничего. Только чернота. Но теперь Юра отчетливо понимал, что это не та странная, бездонная и бескрайняя, пронизанная рассеянным светом космическая чернота, к которой он привык за время путешествия.

Нет, теперь это была совсем другая, очень мягкая, густая

и какая-то добрая чернота. Она ласково и настойчиво обволакивала корабль, и вырваться из нее казалось уже невозможным. От этого стало очень страшно, но Юра сдержался и, быстро оглянувшись, чтобы найти поддержку во взгляде товарищей, встретился взглядом с озабоченным Зетом.

Зет улыбнулся.

— Кажется, все. Порядок.

— А как могло быть иначе? — спросил Миро и потянулся, как после трудной работы.

— Что — все? — пролепетал Юра.

— Сели,— очень просто объяснил Зет.

— Куда... сели? — широко открыв глаза, а потом и рот, опять спросил Юра.

— А мы куда летели? — почему-то рассерженно буркнул Квач.

— Ну... на планету... Красных зорь.

— Вот именно на эту планету и сели. Зет, не пора ли включать нейтринный режим?

— Он включен,— коротко ответил Зет.

И Юрка вдруг почувствовал, что своими дурацкими — теперь он прекрасно понимал это — вопросами он словно отодвинулся от товарищей.

Они действовали сами по себе, что-то включали, проверяли какие-то приборы, разговаривали и все так, словно Юрия не существовало. Они даже обходили его, не прося посторониться.

Вначале это обидело, потом разозлило. Но тут Юрий вспомнил, что он все-таки настоящий мужчина и при всех случаях жизни, даже попав впросак, должен бороться за самое главное — узнавать все то новое, что он может узнать. Ведь чем больше он будет знать, тем, в конечном счете, когда он вернется на свою Голубую землю, будет больше пользы всем. Всему человечеству. Сейчас на этой, все еще неведомой планете Красных зорь он полноправный представитель своей Земли, своего человечества. Забывать этого нельзя ни в коем случае. А самое главное — чего ж обижаться, если в эту исто-

рическую минуту приземления на неизвестной планете он вел себя... ну, не то чтобы трусливо — до откровенной трусости дело не дошло, — но все-таки не как настоящий мужчина.

И дело вовсе не в том, что он ощущал тревогу, — в таком положении кто хочешь будет чувствовать себя не в своей тарелке, — а в том, что он не сумел ее подавить. А потом еще эти дурацкие вопросы. Как маленький, честное слово!..

Да, при ближайшем рассмотрении голубые люди в общем-то были правы, когда обращались с Юрием не очень любезно. Сами-то они действовали решительно, спокойно и слаженно, как будто так и нужно. А вот почему они так действовали, Юрий догадался не сразу. Но когда догадался, то совсем перестал сердиться и на них, и на себя.

Все дело в том, что голубые люди делали дело. Они были заняты. А он оказался в печальной роли постороннего наблюдателя. Им некогда было тревожиться по пустякам. Вон Миро — не дежурный, а все-таки потянулся, как после тяжелой и опасной работы. Значит, и у него была тревога, но ему некогда было ее показывать. У него была совсем другая, умная, так сказать, тревога. Умная потому, что он понимал, что к чему, и тревожился не по мелочам. Выходило, что даже, кажется бездействовавший, Миро был более мужчиной, чем Юрий.

Словом, ошибки были налицо, и признавать их приходилось. Прежде всего перед самим собой. И главная ошибка опять была одна: Юрий мало знал.

Поскольку известно, что не так страшна сама ошибка, сколько неумение или нежелание ее исправить, то выходило, что исправлять собственные ошибки Юрию требовалось лишь одним путем — побольше знать. А как же можно знать, если космонавты обходили его стороной.

— Знаете что, ребята, — сказал Юрий и покраснел. — Вы можете смеяться, я и в самом деле вел себя глупо, но обижаться на меня нечего. Я же просто не знал.

— Чего ты не знал? — небрежно спросил Квач.

— Многого не знал. Например, почему нам нужно было садиться ночью, если можно садиться и днем.

— Неужели ты даже такого простого дела не понимаешь? — в сердцах бросил Квач, но Мирю его перебил:

— Перестань. Тебе сейчас очень удобно рассуждать. А ведь прежде чем в кодексе космонавта появилась запись об обязательности ночных посадок, сколько людей погибло на дальних планетах! Вот то-то! За всем тем, что нам кажется очень простым и само собой разумеющимся, стоит опыт тысяч людей. Иногда их жизни. Так что Юрка прав, когда он упрекает нас.

— Я не упрекаю...

— Ну и прекрасно! В этом случае ты можешь упрекать. Задаваться оттого, что мы благополучно припланетились на весьма благополучной планете, не дело. Хотя... хотя можно и позадаваться... Ведь, что вы говорите, а это всего лишь второе наше припланетивание. И оба раза очень благополучные.

— Ну, об этом говорить еще рано, — вставил Тэн.

— Возможно. Посидим — увидим.

— Это когда увидим, — уже посмелее и, главное, потребовательней перебил Юра. — А вы сейчас объясните, почему в кодексе космонавтов записано, чтобы на неизвестные планеты садились только по ночам?

— В сущности, это очень просто, — вздохнул Мирю, — как все, что мы уже знаем. Опыт показал, что посещение космическими гостями планет с обыкновенной или цивилизованной жизнью не всегда желательно для ее обитателей. Иногда по невежеству, иногда от злого умысла, иногда просто от страха перед всем необычным и поэтому кажущимся сверхъестественным местные жители, не разобравшись, в чем дело, могут перейти к враждебным действиям. Тогда космонавтам, чтобы защищаться, придется тоже принимать свои меры и даже, может быть, проливать кровь. А это не только нежелательно, а попросту запрещено кодексом. Вот мы и приземляемся ночью, когда подавляющее большинство обитателей планеты спят и не видят пришельцев из космоса. У нас таким образом появляется время для более точной разведки и определения степени цивилизации планеты, если она имеется...

— Кто имеется — планета или цивилизация? — уже совсем требовательно перебил Юрий.

Миро недоумевающе посмотрел на Юрия, потом усмехнулся:

— Ладно. Поймал. Будем говорить точно: имеется ли на данной планете цивилизация? Если ее нет, дело обстоит проще. Если есть, выясняем, на каком уровне она находится и сможет ли она принести нам вред. Но во всех случаях мы включаем после посадки нейтринный режим двигателей.

Предупреждая очередной вопрос Юрия, Миро сделал такой жест рукой, словно он отодвигает от себя и Юрия и его вопрос.

— При таком режиме двигатели выделяют только две мельчайшие частички атомов — нейтрино и антинейтрино. Первая из них вращается вокруг своей оси в одну сторону, а вторая в противоположную. Сочетание этих движений нейтрино и антинейтрино позволяют нам делать корабль невидимым. И не только для глаза. Он невидим и для других видов разведки — например, для радиолокации. А пока мы невидимы и неслышимы, мы можем как следует заняться разведкой. Что мы сейчас и сделаем.

Конечно, Юрию очень хотелось узнать, что это за штуки — нейтрино и антинейтрино, и почему они вращаются в разные стороны, и, главное, почему они могут сделать корабль невидимым, но он не спешил с вопросами. И так было ясно, что и нейтрино и антинейтрино — мельчайшие частицы атома. А что они собой представляют — он еще узнает. Время еще есть. А вот заняться разведкой неизвестной планеты времени может и не быть: ночь неслышно и неотвратно сокращается — ведь планета так же неотвратно вращается вокруг своей оси и вокруг своего солнца. Юрий повернулся к экранам внешнего обзора.

Наверное, где-то на вершине корабля роботы включили приемные устройства, потому что на экранах темнота вдруг сменилась какой-то странной, медленно движущейся массой. Это движение показалось вначале таким жутким и необъяс-

нимым, что Юрий неожиданно вспотел. Но он тут же одернул себя:

«Что ты, как девчонка в потемках. Это же не окружающее движется, а приемное устройство».

Вот с этой минуты Юрий Бойцов уже никогда не пугался и не замечал за собой ни ужаса, ни простой оторопи. С этой минуты он всегда был настоящим мужчиной — смелым, решительным и много, по-настоящему думающим.

А в эту минуту он понял только одно — локаторы на вершине корабля пядь за пядью просматривают и прослушивают окружающее.

Оно поначалу было безмятежно покойно — огромная, неохватная ни взглядом, ни локатором степь. Саванна. Прерии. Все вокруг было покрыто густой травой. Постепенно, когда глаз привык и научился разбирать детали движущейся на экране картины, все увидели, что трава эта в чем-то похожа на траву Голубой земли. Здесь были и острые, как сабли, стебли, были и цветы, как зонтики. Распластывались или тянулись вверх, к незнакомому солнцу обыкновенные и необыкновенные по форме листья.

Одним словом, ничего особенного: степь как степь. Обыкновенная саванна или прерии. Притом безжизненные.

Но чем дольше двигались локаторы, чем надежней глаза и, главное, сознание привыкали к окружающему, тем больше интересных деталей открывалось перел космонавтами.

Всех, например, удивили длинные и узкие полосы-просеки в сплошной стене разнотравья. Они были такими ровными и прямыми, что сразу подумалось, что ничто живое, кроме чело-века, разумного существа, не могло их провести.

— Как каналы на Марсе,— вслух подумал Юра, но его никто не поддержал.

— Удивительно, что травы здесь необыкновенно высокие,— задумчиво протянул Зет.

И тут только стало понятным, что травы на степном материке планеты Красных зорь и в самом деле очень высокие — наверное, метра два, а то и три вышиной.

— Может быть, это дороги?— спросил Квач.

— Не думаю,— ответил Тэн.— Как видите, на дне этих травяных каналов обгрызенные стебли. Как будто их кто скошил... А может быть, сгрыз...

— И в самом деле, травяные просеки были в пеньках срезанных трав.

— И, замечаете,— сказал Зет,— нигде не видно скошенной травы. Если бы это были дороги, трава лежала бы на обочинах. А ее нет.

— Точно! — обрадовался Квач.— Но тогда что это?

— Посмотрим, посмотрим,— уклонился от ответа Тэн.

Они опять смотрели на разнотравье, но ничего подозрительного не заметили.

На фоне более светлого неба мелькнула какая-то большая и несуразная тень. Она медленно, словно нехотя, покачивая

большими треугольными крыльями, проплыла над степью и скрылась.

Следя за нею, все увидели, что далеко, почти на горизонте, стоят одинокие деревья — огромные, развесистые, как рощи. Но это были именно отдельные деревья, потому что на фоне неба виделся только один ствол. Потом, когда локаторы повернулись, на экран выплыли целые рощи таких деревьев. Возле них различалось смутное и еще непонятное движение.

Присматриваясь, Юрий увидел, что над деревьями кружат все те же странные угловатые тени. Конечно, несколько минут назад он мог бы немного испугаться, просто растеряться, но теперь этого не произошло. Мозг у него работал удивительно четко и ясно. И он сказал:

— Видимо, в этих рощах гнездятся ящеры.

Никто не удивился Юркиной проникательности. Только Миро строго спросил:

— Ты думаешь, это ящеры?

— Конечно! — уверенно ответил Юрка, и у него в голове быстро, как будто их листал бешеный ветер космических странствий, промелькнули страницы школьного учебника.

Теперь его знания, казалось бы совершенно ненужной древней науки об истории Земли, неожиданногодились и сравнивали его с людьми более высокой цивилизации. Теперь спрашивал не он, а спрашивали его. И он смело ответил:

— Конечно! Но раз есть летающие ящеры, значит, есть и ползающие или шагающие. А если есть такие большие летающие, значит, есть и большие мирные животные. Мне даже кажется, что эти самые коридоры в траве сделали как раз они.

— Возможно!

— Факт, возможно! Они тихонько ползут или идут по траве, едят ее, а за собой оставляют целый канал. Как на Марсе.

— Что это ты второй раз вспоминаешь Марс?

— Это планета такая — наша соседка. И вот в телескоп на ней заметны прямые линии. Наши астрономы называли их каналами и даже считали, что раз они такие прямые, то их

обязательно вырыли разумные существа. А тут, как видите, такие каналы прогрызли неразумные существа.

Локатор все полз и полз, и в экранах наплывали все новые и новые картины. Но все они напоминали то, что космонавты видели в начале разведки: разнотравье, купы огромных деревьев, просеки в травостое, летающих ящеров.

— Ладно! — решил вдруг Зет. — До утра еще несколько часов. Раз есть ящеры, значит, цивилизации нет. Давайте поспим, а с утра приступим к главному.

Не согласиться с этим было невозможно, потому что веки набухли и чувствовали покалывание. Выросли обыкновенные кровати-диваны, и все с удовольствием улеглись.

Зет уже сквозь сон спросил у Тэна, которому передал дежурство:

— Может быть, выключим нейтринную защиту?

— Нет, нужно быть осторожным! — решительно ответил Тэн, и все вдруг почувствовали, что, хотя пока все обошлось как нельзя лучше, успокаиваться еще рано — неизведанные планеты могут преподносить неожиданные сюрпризы. И терять бдительность не рекомендуется.

— Во всяком случае, — сказал Миро, — посадка уже сейчас кое-что дает нашей цивилизации. Планета Красных зорь вполне пригодна для переселения.

— Посмотрим, посмотрим, — пробормотал Тэн и вдруг рассердился: — Спать, спать, товарищи! Завтра трудный день.

— Особенно если учесть, — буркнул Квач, — что нас могут нагнать первые телеграммы Розовой земли.

Тут все замолчали, потому что такие телеграммы могли быть. И в этих телеграммах мог быть приказ немедленно возвращаться домой. Все вздохнули глубже, но устроились поудобней. А едва успели сделать это, как заснули.

Понимаете, заснули самым обыкновенным образом на неизвестной ни одной цивилизации, удивительной планете Красных зорь.

И спали они так, как будто ничего не произошло и как будто их не ожидало ничего необычного.

Глава двадцать вторая

ОТМЕНЕННЫЕ РЕШЕНИЯ

Космонавты проснулись на заре. Ослепительной, удивительно красной и необыкновенно красивой. Все вокруг было залито призрачным, быстро и неуловимо меняющимся в оттенках красным светом — и высокие травы степи, и огромные, похожие на рощи деревья, и небо, и даже, кажется, сам воздух.

За все последнее время космонавты никогда еще не чувствовали себя так хорошо, уверенно и легко. Тело было ловким и сильным, думалось легко и остро. Все время хотелось не то чтобы смеяться, но хотя бы улыбаться и что-нибудь делать.

Да, это было великолепно — не ощущать ни угнетающих сил повышенной гравитации, ни рыбьей невесомости. Все было на своих местах, все работало на полную мощность и с предельной четкостью.

— Космос — это отлично! — воскликнул Квач. — Но земля... земля... Одним словом — земля.

Вот тут-то Юрий и понял своих друзей окончательно. Понял и навсегда простил их коллективную ошибку — высадку на его родной Голубой земле и, уж конечно, на этой планете. Человеку нужно хотя бы время от времени ощущать под собой твердую землю, не испытывать ни перегрузок, ни недогрузок. Человек есть человек. И он может перенести многое. Но, ему все-таки нужно то, к чему он привык, что является его естественным состоянием.

Впервые за все время путешествия космонавты сделали зарядку по всем правилам, приняли душ и опять-таки впервые поели с аппетитом. Отдуваясь, вышли из-за стола.

— Будем готовиться к высадке! — распорядился Квач.

Теперь он опять становился главным на корабле. И это безмолвно признали все. Вероятно, это было правильно, потому что Квач, по сравнению с другими, обладал одним замечательным качеством — он был решителен.

— Зет — обеспечить скафандры, Тэн — приготовить оружие! — командовал он. — Мирó — проверить системы оповещения и связи! Юра — со мной, в вездеход!

Выполнять такие команды — решительные, бодрые — было сущим удовольствием, и все поначалу бросились к указанным местам, но в это время по кораблю прокатился истошный рев. Как будто в порт входил огромный океанский корабль, и оповещал всех встречных и поперечных о своем долгожданном приходе, и предупреждал, что им следует посторониться. Иначе гигант может не по злому умыслу, а просто ненароком доставить неприятности.

Исполнение команд было приостановлено. Сомнений ни у кого не было — ревел Шарик. И он не мог не реветь — это понимал каждый. Ведь в своем приподнятом, почти праздничном настроении все начисто забыли о собаке. А собака не забыла о них. И всем стало стыдно. Не стыдиться своей забывчивости они не могли — ведь хорошему человеку, какого бы цвета кожи он ни был, бывает стыдно даже перед собакой.

Наверное, каждый в эту минуту думал по-своему, но все прекрасно понимали, что Шарик задал очень трудную задачу. Он так разросся за последнее время, что продвинуться в коридорах и переходах корабля уже не мог. Кроме того, выпускать его из корабля тоже невозможно — ведь он покрыт шерстью, в которую может набиться столько вредных микробов и вирусов, что их потом никакой дезинфекцией не вышибешь. А скафандры для собак, да еще такой невероятной величины, ученые Розовой земли не предусмотрели.

Словом, как ни крути, что ни думай, а Шарика, вплоть до выяснения обстоятельств и получения телеграмм с Розовой земли, выпускать из корабля нельзя. И не потому, что делать этого не хочется — всем сразу очень захотелось, чтобы Шарик немного погулял и размялся, — а потому, что это было неразумно.

И в то же время каждый понимал, что такие его действия или, вернее, бездействие — настоящее предательство страдающего товарища. Пусть собаки, но — товарища. Да притом еще

и думающего товарища. Согласиться с этим тоже было невозможно.

И тут всю проявилась решительность Квача. Он нахмурился, выпрямился, как какой-нибудь командарм прошлого перед принятием ответственного решения, и не то что сказал, а сразу приказал:

— Команды отставить. Даю следующее. Тэн — работа с химическими анализаторами и преобразователями. Цель — изготовление скафандра для Шарика. Мир — работа с внутренними роботами. Цель — расширить переходы и, главное, выход из корабля до таких размеров, чтобы Шарик мог протолкнуться и выйти на планету, Красных зорь. Юрий и Зет — к собаке: немедленно установить переговорное устройство! За мной — общее руководство... — Квач подумал и решил: — Мне прежде всего послать серию телеграмм на Розовую землю. Пусть поторапливаются и сообщают рецепты веществ, прекращающих действие биостимуляторов. Возражения есть?

Возражений, естественно, не было. Хотя каждый и подумал о том, что задача ему выпала не из легких. Нужно было сделать то, что на корабле никогда не делалось и даже не предусматривалось.

Вот почему, когда Зет и Юра, подойдя к кухне, встретились взглядами с Шариком, они прежде всего тяжело вздохнули — поставленная Квачем задача им показалась невыполнимой.

Шарик был огромен, прекрасен и пугающ. Поначалу он попытался подняться на все четыре лапы, но сделать это не смог. Задняя часть туловища уперлась в притолоку кухонной двери. Поэтому его передние лапы подогнулись и слегка дрожали. Голова Шарика — косматая, огромная — упиралась в потолок коридора.

Юрий и Зет были чуть выше подрагивающих колен Шарика. Если бы они захотели, они могли бы свободно ходить под его брюхом, даже не касаясь головами свешивающиеся, толстенные шерстинки. И тут только стало совершенно понятно, как катастрофически выросла собака, как несерьезны были решения Квача.

— Ах, Шарик, Шарик! — горестно сказал Юрий. — Что же ты наделал...

В эту минуту он начисто забыл, что собака понимает язык голубых людей, а Юрий уже так привык к нему, что произнес эти слова именно на этом языке. Шарик посмотрел вниз, на крохотных по сравнению с ним космонавтов и заскулил.

— Ну ладно, ладно, — пожалел его Зет и похлопал по огромной, как дерево, ноге. — Ложись-ка на живот, мы тебе сейчас приделаем аппарат и тогда поговорим.

Пока Шарик осторожно ложился на пол, пока вытягивал лапы и устраивал на них голову, он жалобно и обиженно скулил, а Зет приговаривал над ним, как над маленьким:

— Ну ничего, Шарик, ничего... Все обойдется... Вот получим рецепт, и опять ты станешь нормальной собакой...

Он долго лазил по собачьей шее, пристраивая на мохнатой голове переговорный аппарат, вздыхал и пришептывал, как добрая бабушка над заболевшим внуком. А как только аппарат был включен, в разговор вмешался Шарик.

— Эх вы, люди, люди! — взмолился он. — Я вам так верил, я на вас так надеялся, а вы меня бросили.

— Ну, что же мы можем сделать! — возмутился Юрий. — Мы же тебя не заставляли пить биостимулятор.

— Да-а, не заставляли... — скулил Шарик. — Если бы ты меня кормил как следует, а не только одной земляникой, если бы ты разрешил мне напиться как следует, разве я бы полез за этим проклятым биостимулятором. Очень он нужен. Да еще такой горький, противный!

— Но ты ведь и сам не маленький...

— «Не маленький»! А откуда я знал? Если бы меня учили...

— Ну, не скули, собачка, не скули, — стал опять пришептывать Зет. — Никто тебя не заставлял пить стимулятор. Мог бы и за столом как следует поесть и попить.

— Да-а... А если я стеснялся... Первый раз на корабле... Вот и стеснялся.

— Ну ладно, ладно... В следующий раз ты будешь умнее.

Шарик дернулся и подскочил. Зет кубарем скатился с его шеи.

— Ты что?! — закричал Юрий. — Не понимаешь, что ли? Ведь так можно и убить...

— Я ничего... Ничего... Но неужели?.. Неужели мне еще раз дадут этот самый стимулятор?

— При чем здесь стимулятор?

— Да-а. Вот Зет говорит, что в следующий раз... Так мне что — опять нужно будет расти? Да? Опять расти?

— Ты не так понял, — уже не шептал, а, кажется, выпевал Зет, потирая ушибленный при падении бок. — Просто ты не так понял, мой милый Шарик. Больше ты не вырастешь, если, конечно, опять не будешь есть, как... как не знаю что...

— А если мне все время хочется есть?

— Нужно потерпеть... Ты же сознательная собака? Ведь верно? А? Сознательная?

— Я не знаю... Я есть хочу. А расти больше не хочу. Мне уже надоело.

— Так и нам надоело, вот потому мы тебя и просим честью: перестань есть. Если ты научишься сдерживаться, может быть, действие биостимулятора пройдет и ты перестанешь расти.

— А если не пройдет?

— Что ты заладил: «Если, если!»! — разозлился Юрий. — Раз сказано, что нужно потерпеть — значит, нужно терпеть.

— А если не могу...

— Ну вот что... Здесь тебе не наша... Голубая земля. Здесь космос. И здесь нужна дисциплина.

— Дисциплиной сыт не будешь, — философски ответил Шарик и облизнулся.

Вот тут стало страшно: Шарик, оказывается, может быть опасным зверем.

В рассеянном свете коридора влажно блеснули его огромные молочно-белые клыки. Они были почти как бивни. Такие грозные и могучие.

Но Юрий не испугался этих клыков. Он резко... нет, не то

что крикнуд — думая, кричать нельзя, — скорее, он резко подумал — этак стремительно и отрывисто.

— Прекрати болтать! — И хотя Шарик тоже не болтал, а только думал, это не смутило Юрия. — Думать как следует нужно. Голова вон какая огромная выросла, как у слона. Или даже как у мамонта, а думать не научился. Что у тебя, мозгов нет, что ли?..

И как это ни странно, но огромный Шарик испугался совсем так, как пугался на далекой теперь Голубой земле, когда рассерженный Юрий покрикивал на него. От страха он даже начинал колотить хвостом по стенам кухни, и Юрий вынужден был опять мысленно закричать на него:

— Не болтай хвостом! Ты же там все расколотишь! Тебе сказано — не ешь, значит, не ешь.

— Ах люди, люди!.. — опять заныл Шарик. — Чего вы от меня хотите? Зачем вы меня мучаете? Разве я просился в космос? Привезли меня в космос и мучают. Я домой хочу. Я космочек хочу... Са-ахарных...

На его огромные, как хорошие тарелки, глаза навернулись слезы, и Зет не мог не пожалеть собаку.

— Ну ладно, ладно, собачка. Успокойся. Ешь, только немного. А то ведь тебе хуже будет.

Шарик еще скулил и плакал килограммовыми слезами, и ни Юрий, ни Зет не знали, что им делать. Шарик просился домой, чтобы погрызть сахарных косточек из борща.

И как раз в эти критические моменты внутренняя связь донесла голос роботов — противно-металлический, ровный и потому показавшийся особенно властным.

— Получена телеграмма Центрального Совета Космических Исследований. Слушайте текст. Слушайте текст. Центральный Совет Космических Исследований крайне недоволен самовольством экипажа корабля. Его посадка на планету с неуточненной цивилизацией не вызывалась необходимостью. Единственное оправдание космонавтов — их возраст, но...

Тут у роботов-доносчиков что-то не сработало: внутренняя связь зашипела и передача прервалась.

Юрий взглянул на Зета и стал бледнеть: таким серым стал Зет. Он чуть приоткрыл рот и неотрывно смотрел в угол, откуда, кажется, и доносился металлический голос роботов. Даже Шарик перестал визжать и скулить и со страхом посмотрел на Зета.

Зет молчал, но ведь он думал. А раз думал, то все слышали его мысли. И мысли эти были не то что невесёлые, а прямо-таки панические.

— Вернут, обязательно вернут!.. А за что? Что мы такого сделали? Запустили нас в космос, и получается, что мы не имеем права действовать как хотим. Как подопытные животные какие-то... Ничего не имеем права!

Так можно было выразить одну часть панических, скачущих мыслей Зета. А вперемежку с ними шла еще и вторая половина. Она звучала примерно так:

— Ну и правильно, что нам нет оправдания. Великая цель требует великой дисциплины. Мало ли кто что хочет, а если он решил подчиняться, он обязан это сделать. Иначе он не человек. Только человек и умеет сам подчиняться. По своей воле. По своему разумению. А если он сам себе не может подчиниться — значит, он не человек, а тряпка. У него нет воли.

Потом в дело вступала первая половина, и Зет начинал скулить, как скулил только что Шарик. А потом эти мелкие прыгающие мыслишки сменялись суровыми и честными словами осуждения... Одним словом, самокритикой.

Но как ни странно, ни первая половина мыслей Зета, ни вторая не приносили облегчения ни ему, ни другим. Все равно было ужасно неприятно, даже противно. Потому что, как ни оправдывайся и ни набивайся на чужую жалость, как ни критикуй самого себя, все равно признавать себя виноватым очень и очень неприятно. Хоть на любой планете, хоть в космосе. Хоть в низшей, хоть в высшей цивилизации. И Юрий великодушно сказал:

— Брось, Зет. Не переживай так сильно... Ведь...

Но не успел он договорить, потому что роботы исправили поломку и заговорили вновь:

— Ввиду провала в космической связи повторяем последние слова. Единственным оправданием космонавтов является их возраст, но Центральный Совет считает, что высокая сознательность и дисциплина должны присутствовать в каждом космонавте, независимо от его возраста. Иначе он не сможет быть космонавтом и принимать решения, необходимые для выполнения поставленной цели.

— Вернут... Вернут... — лепетал Зет, и ему вторили остальные голубые космонавты.

— Может быть, и правильно, что вернут: провинились. Но ведь в другой раз не пустят.

Прощай тогда космонавтика!

Прощай путешествия и открытия новых миров!

Прощай мечта!

Вот что самое страшное: прощай мечта!

Так думали все, и, должно быть, от этого весь корабль словно затаился и примолк. Только металлический голос роботов-доносчиков продолжал злорадно передавать текст космической телеграммы.

— Вот почему Центральный Совет Космических Исследований принимает решение и отдает команды по каналам независимой связи на возвращение космического корабля с экипажем в составе Миро, Зета, Квача и Тэна.

Теперь сомнений не было. Приговор прозвучал — ему следовало подчиняться. Потому что приговор этот был передан по независимой связи и роботы-доносчики все рассчитают, все приведут в движение и повезут невезучих и недисциплинированных космонавтов на Розовую планету.

Прощай мечта!

Это было так понятно и так убийственно ясно, что у космонавтов не нашлось не только слов, но даже мыслей. Корабль молчал, как в трауре. И это в самом деле был траур — траур по убитой мечте.

Наверное, поэтому даже противный металлический голос не удивил никого.

— Команде дается десять минут на сборы: корабль пере-

водится в предполетное состояние. Через десять минут начинаем взлет.

Приговор приводился в исполнение. Деваться уже было некуда. Все рушилось, и это понимали все, кроме... кроме Квача. Он один-единственный, по тем самым странным и умным законам голубых людей сегодня командующий над всеми, первым пришел в себя и первым правильно оценил обстановку.

— Отставить взлет! Отставить предполетное состояние! Миро — немедленно отключить независимое управление!

— Я... я еще не знаю, где оно,— мысленно пролепетал Миро.

— Ищи! Немедленно ищи.

— Да, но...— тоже робко вмешался Тэн,— но ведь дисциплина есть дисциплина. Мы обязаны подчиниться.

— Думать нужно, товарищи!— вдруг обозлился Квач.— Всьд это пришла лишь первая телеграмма — ответ на первое донесение роботов-доносчиков. Тогда Центральный Совет еще не знал, что мы понаделали. Тогда до него не дошли новые телеграммы. Нужно ждать новых ответов и новых команд. А пока продолжать работу!

Нет, как ни неприятен бывал иногда самоуверенный Квач, но сейчас он оказался просто гением. Смелым и решительным гением. И конечно, его можно было бы за одно это провозгласить почетным и потомственным командиром корабля, если бы... если бы в свой черед и в свое время такими же гениями — смелыми и решительными — не бывали бы и другие космонавты. Так что с провозглашением космонавты не спешили. У них было много забот и работы и без этого провозглашения.

— Товарищи, перехват независимых командных связей невозможен,— доложил Миро.— Мы можем только наложить запрет, и тогда роботы-доносчики сообщат, что мы не выполняем команду Центрального Совета. А по кодексу космонавтов это совершенно недопустимо, и Центральный Совет осудит нас за это.

— Центральный Совет теперь уже знает все обстоятельства дела,— сказал Квач.— Да и я сообщил сейчас обо всем. Вот когда он получит все наши телеграммы, тогда он и даст нам окончательную команду. А сейчас он только и будет делать, что отменять собственные команды. Накладывая запрет, Миро! Я отвечаю!

И точно. Едва Миро выполнил команду, как роботы растерянными, как показалось всем, и даже заискивающими головами сообщили:

— Получена телеграмма Центрального Совета. Команда на возвращение космического корабля в составе экипажа Мירו, Зета, Тэна и Квача отменяется. Вместо этого предлагается тому же кораблю возвратиться на место самовольной посадки и, не вступая ни в какие переговоры с местными жителями, что потребовало бы дополнительного времени и отвлекло бы от выполнения основного задания, высадить самовольно взятых на борт корабля пассажиров.

На этот раз Юрий почему-то вздохнул несколько посвободней — возвращаться, конечно, было рановато: он узнал еще слишком мало. Но возвращаться предстояло все-таки на родную Землю. Среди всех неприятностей это сообщение все-таки было приятно. Однако Квач весело и задиристо перебил его мысли:

— И это решение ничего не значит! Вслед за ним идут другие телеграммы. Они отменяют и это решение.

И он торжествующе и даже немного издевательски засмеялся.

Получалось и в самом деле несерьезно и, пожалуй, смешно: не успели сесть на планету, как, вместо того чтобы заниматься настоящим делом, только и знают, что либо сами отменяют собственные решения, либо получают отмены решений.

Вот что значит космические расстояния: пока получают сообщение, пока примут решение, пока телеграмма найдет адресата — пройдет очень много времени и решения могут устареть.

Экипаж космического корабля успокоился после всех педраг и организационных неурядиц и наконец приступил к настоящей работе. Прежде всего выяснилось, что, хотя Тэн и обеспечил достаточное количество материала на изготовление защитного комбинезона для Шарика, соорудить этот самый комбинезон оказалось не таким простым делом. К зажатому коридором Шарiku невозможно было подступиться, а тем более скроить, примерить и сшить космическую одежду — ведь Шарик не мог ни выпрямиться, ни сделать хоть один шаг.

Пришлось вначале принимать все меры для расширения помещения. С трудом расширив коридор, собаку перевели в центральное помещение. Сделав несколько неверных шагов, Шарик вдруг тяжело задышал и подумал:

— Нет, я не могу... Ноги трясутся. Я отдохну.

— Ты что ж это? — обиделся на него Юрий. — Совсем обленился?

Шарик перевел дыхание и кое-как выполз на середину центрального зала. Толстые мохнатые ноги дрожали, огромный алый язык вываливался, а глаза были такими печальными и виноватыми, что Миро сказал:

— Не обижайтесь на него, ребята. Вырасти-то он вырос, а вот закалить и развить свои мускулы он не мог — негде было.

— Верно! — приободрился Шарик. — Ах как верно... Какая уж там закалка... Какое уж там развитие... Мне только есть хочется... и пить...

Он еще долго скулил и жаловался на свою голодную судьбу, а космонавты молча возились с его комбинезоном. Пока его кроили, дело двигалось быстро, а вот когда дошло до примерки, все стало. Дотянуться до Шарика оказалось невозможным. Пришлось выращивать из стен и пола специальные лестницы.

Кое-как пригнали полосы прозрачного материала, а потом специальным приборчиком, похожим на обыкновенный элек-

трический паяльник, стали сваривать эти полосы прямо на собаке.

Теперь Шарик был покрыт прозрачной броней и готов к выходу из корабля.

Все это было бы хорошо, если бы не одно обстоятельство. Все космонавты при необходимости могли снимать свои комбинезоны, а Шарик не мог: ни застежек, ни отверстий в его костюме не было. Дышать он мог, а вот есть и пить не мог. Вернее, мог, но только в корабле, где ему каждый раз нужно было разрезать комбинезон, а потом снова запаивать.

Но Шарик об этом не знал. Когда ему сказали о высадке на новую планету, он очень обрадовался и даже попытался подпрыгнуть от радости, но тут же ослабел и вслух помечтал:

— Ничего... Главное, я наемся как следует.

— Шарик! — опять возмущился Юрий. — Неужели ты не можешь сдерживаться?

Собака повертела своим хвостом-обрубком, закованым, как и все на Шарике, в прозрачный материал.

— Я постараюсь, Юра... Я буду стараться.

Вывод Шарика на планету Красных зорь оказался делом нелегким. Прежде всего Квач и Тэн сели в универсальную машину, запаслись оружием и продуктами и через днище корабля спустили ее на землю. Юрий не видел, как это происходило — он был с Шариком. Но когда сигналы известили, что машина твердо стоит на земле, Миро начал колдовать.

Он долго и сосредоточенно рассматривал схему, нажимал и отпускал кнопки и тумблеры. В корабле, вероятно, происходили очень сложные перестроения, потому что стена корабля дрогнула и образовала первый разрыв, а стена за Шариком тоже дрогнула и поползла вперед. Эта задняя стена подтолкнула Шарика, и он, еще нехотя и не совсем понимая, что с ним происходит, подался вперед, к открывающемуся выходу. Стена все подталкивала и подталкивала собаку, и Шарик вынужден был высунуть морду сквозь раздвинувшуюся обшивку корабля.

С земли немедленно донеслись мысли Квача и Тэна.

— Вот это голова!

— До чего ж здорово — даже не верится, что такое может быть на самом деле!

Появление Шарика на планете Красных зорь, вероятно, было очень интересным и необычным. Из гладкой, сурово и прекрасно поблескивающей обшивки космического корабля на мир смотрела огромная волосатая морда под прозрачной оболочкой, с испуганными глазами и приплюснутым и потому все время вздрагивающим носом. Уши у Шарика встали торчком. Но вся беда заключалась в том, что, прикрытый своим костюмом-броней, он не улавливал окружающих запахов и почти ничего не слышал. И Шарик растерялся.

Этот огромный, плоский, беззвучный и ничем не пахнущий мир показался ему подозрительным, и он слегка попятился. Но неумолимо наступающая задняя стена заставила его подняться вперед, и он наконец уперся грудью в стенки корабля.

Они все раздвигались и раздвигались, а задняя стена все напирала. Ничего не понимающий Шарик растерянно крутил головой и уже начинал повизгивать от страха.

— Не напирайте... — молил он. — Братцы, больно же!

И пока он крутил головой, пока скулил, он не знал, что его голова уже вышла из невидимой сферы, созданной вокруг корабля нейтрино и антинейтрино. Те обитатели планеты Красных зорь, которые увидели Шарика, были, вероятно, настолько поражены, что так и замерли на своих местах. Во всяком случае, поначалу Шарика встретило безмолвие.

Поражаться стоило. Ведь сам корабль благодаря нейтринному режиму был невидим. И вдруг прямо из воздуха, из ничего высунулась или, точнее, выклюнулась, как цыпленок из яйца, огромная блестящая голова.

В следующую минуту стена корабля наконец раздвинулась до своего предела, и подталкиваемый задней стенкой Шарик пробкой вылетел из корабля на землю.

Он упал на все четыре лапы, слабо охнул и так и остался лежать на пышном степном разнотравье планеты Красных зорь.

Стены корабля медленно возвращались в исходное поло-

жение, и космонавты уже готовились выскочить вслед за Шариком, чтобы сесть в машину и начать путешествие. И тут случилось непредвиденное.

Откуда-то сверху, как реактивный самолет, на Шарика спикировал ящер с треугольными крыльями. По орлиному вытянув когтистые лапы, он нацелил острую змеевидную голову прямо в шею Шарика и открыл огромную, усеянную сотней зубов пасть. Юрий вскрикнул. Миро и Зет бросились было вперед, но остановились — ящер с налета клюнул Шарика.

Однако этот клевок не повредил прозрачного материала космической одежды. Шарик остался целым и невредимым, а ящер, который не рассчитал своего удара, скатился в траву, побарахтался в ней и встал на длинные задние ноги прямо перед мордой Шарика.

Ящер, в сущности, был не очень большим. Так себе, неважненький для этих мест и доисторической жизни ящеринок — метра два с половиной — три ростом и к тому же довольно поджарый. Он тяжело дышал и по-птичьи шевелил противными кожаными перепонками своих крыльев. Склоняя страшную змеиную голову то в одну, то в другую сторону, он не мигая рассматривал морду собаки.

Шарик тоже смотрел на ящера и, видимо, не мог понять, откуда на него свалилось этакое чудище. В эту секунду он еще не боялся ящера. Он только недоумевал.

— Странно, очень странно... — думал Шарик. — Что же это за животное?..

Тут мысли Шарика оборвались. Это было последнее, что слышали космонавты в своих шлемах.

Ящеру надоело крутить головой и рассматривать волосатую морду то левым, то правым глазом. Он вдруг вытянул шею и посмотрел вверх. Там, тяжело махая треугольными крыльями, летало еще несколько ящеров. И все они явно целились на собаку.

Шарик, заметив, что ящер задрал морду, тоже посмотрел вверх и увидел пикирующих на него черных и противных существ. Он даже не успел еще как следует испугаться, но в это

время ящер, решив, что его сородичи первыми поживятся неведомой добычей, напружинился и бесстрашно клюнул Шарика прямо в морду.

Конечно, и этот удар не мог причинить собаке никакого вреда. Но ведь когда прямо на тебя бросается такое чудовище, а еще несколько таких же чудовищ пикируют сверху, испугается хоть кто. И Шарик тоже испугался.

Он испугался до того, что забыл о самом себе, о том, что у него нет сил, что ему нужно думать или защищаться. Он взвизгнул по-щенячьи, подскочил на все четыре лапы и, вздыбив от ужаса шерсть так, что она приподнялась и натянула защитный космический костюм, помчался в бескрайнюю степь. Он не заметил, как первым прыжком подмял и раздавил ящера, не слышал, как ему кричали в передатчики космонавты:

— Стой, Шарик, стой!

Он мчался неизвестно куда и, что самое главное, неизвестно зачем — ведь крылатые ящеры все еще кружились над ним и убежать от них было некуда. Да и незачем. Выросший в гиганта, Шарик мог сбить любого из этих небесных тихоходов одним взмахом лапы, как докучливого комара. Но Шарик еще не понимал этого. Он мчался со всех ног.

Все оставшиеся в корабле космонавты бросились вслед за собакой, но Миро вовремя остановил их:

— Стоп, ребята! Мы не Шарик, и эти самые ящеры для нас могут быть опасны по-настоящему.

— Да, а если он погибнет? — закричал Юра.

— Не погибнет! Нам просто нужно вспомнить о технике.

И в самом деле, прекрасная универсальная техника стояла у самого входа в корабль. Миро включил сторожащих роботов и быстро пересел в машину. За ним сели Юра и Зет.

Квач решил:

— Пойдем вдогонку лётю.

Под прозрачным полом машины полегла трава; космонавты поднялись вверх, потом перешли на горизонтальный полет и помчались вслед удирающему Шарику. Никто не смотрел на землю — все следили за отражающей блики яркого утрен-

него солища блестящей тушей Шарика. Над ним черными воронами кружила уже целая стая ящеров.

— Вот черти! — впервые за все время путешествия выругался Юрий. — Откуда они узнали, что идет погоня? Может, и у них существуют передатчики биотоков?

И хотя смешно было подозревать, что у этих доисторических чудовищ могут быть такие совершенные приборы, однако пикто не рассмеялся. Наоборот, Тэн рассудительно сообщил:

— Вполне вероятно, — и сейчас же добавил: — Придется атаковать этих... чертей. Шарик, кажется, устает.

Шарика и в самом деле мотало из стороны в сторону. Он выбивался из последних сил, но все еще бежал, путаясь своими лапами-бревнами в густой траве.

Квач развернул машину и, прибавив скорость, направил ее в самую гущу крылатых ящеров. Что-то стукнуло об обшивку, что-то растеклось на блестящих призмах универсальной машины. Квач вновь развернул машину и опять пошел на таран.

В небе чужой планеты шел настоящий воздушный бой. Машина гонялась за крылатыми ящерами, а они, жадные и глупые, не привыкшие, чтобы их били в воздухе, навсрное, потому, что сильнее их и зверя в небе планеты не было, все равно преследовали Шарика.

Наконец собака окончательно выбилась из сил и рухнула на землю. Ящеры, не задумываясь, бросились на нее. Но Квач, как заядлый летчик-охотник, смело направлял машину в самую гущу атакующих. Каждая такая атака кончалась гибелью нескольких отвратительных черных гадин, и небо над Шариком, прекрасное чистое небо планеты Красных зорь, постепенно очищалось. В машине все чаще стали раздаваться некоторые мысли-слова собаки.

— ...Все... пропал... съедят... зачем меня завезли... пропал...

— Не трусь, Шарик! — кричал Юрка. — Мы над тобой. Мы тебя спасем!

Нет, не скоро собака поняла призыв товарищей. Через силу поднимая голову, она увидела атакующий воздушный аппарат.

Он показался ей странным — слишком блестящим и угловатым, но все-таки знакомым: самолетов и вертолетов на своем собачьем веку она насмотрелась вдоволь. С этой минуты Шарик стал успокаиваться.

Но с этой же минуты по-другому повели себя и ящеры. Кто-то из них заметил наконец, что на земле валяются сбитые родичи, а может быть, просто почуяли запах крови. Тогда они бросили Шарика и навалились на тех, кто был повержен на землю. Там, в густой траве, загудел пир — трещали кости, рвались перепонки крыльев, и иногда из травы выглядывала змееподобная голова, заглатывающая кусок своего собрата.

Ничего противней, и отвратительней никто никогда не видел, и Зет с ненавистью бросил:

— У-у, твари!

— Надо их давить, — решил Квач и посмотрел на товарищей, ожидая, что скажут они.

Но товарищи не успели ничего сказать. Шарик, тоже наблюдавший за отвратительным пиршеством ящеров, постепенно приходил в себя. Его совсем было потускневшие от страха глаза приобретали блеск, он напряжился и хотя с трудом, но поднялся на лапы. Еще некоторое время он смотрел на пожирающих друг друга ящеров, потом, видно, не совладал с собой и бросился на ближних. Укусить их он не мог — мешал комбинезон. И он сразу понял это. Тогда он пустил в ход свои могучие лапы-бревна и стал давить ящеров, свирепея с каждым ударом.

Напрасно ему кричали космонавты, перепуганные таким превращением из труса в бойца, напрасно кружились над ним и возле него, чтобы отвлечь его внимание,— Шарик никого не слушал. Он мстил за свое унижение, он не хотел быть трусом и уничтожал каждого, кто попадал под его тяжелую лапу.

Только расправившись с последним ящером, он перевел дыхание, и Квач приказал ему:

— Следуй за нами!

Он посмотрел вверх на машину и поплелся к кораблю. Ноги у него подгибались, и думал он отрывисто:

— Фу, как устал... вот бы поесть... Или попить... Или поспать... Нет, поесть...

Но что бы он ни думал, а к кораблю все-таки пришел. Пришел, лег и сразу же уснул. Все попытки разбудить собаку ни к чему не привели. И Квач рассердился:

— Ну, что с ним делать? Ведь придется сторожить. А может, поедим пока?

Глава двадцать четвертая

О ВРЕДЕ КУРЕНИЯ

Но поесть им удалось не сразу. Когда они подлетели к громаде корабля, роботы отключили почему-то нейтринный режим, и корабль стоял во всей своей могучей красе, сурово отливая благородными темными красками на фоне безбрежной зеленой степи и глубокого голубого неба.

Это обеспокоило, но Квач на этот раз не стал принимать решений. Он вдруг посинел и грустно сказал:

— Товарищи, опять виноват я...

— Почему ты? — удивился Зет. — Ведь решение принимали все.

— Не в этом дело. Я забыл включить связь с кораблем.

Ошибка была, конечно, опасная, но в то же время кто мог вспомнить о связи с кораблем или даже слушать его сообщения о ходе битвы с летающими ящерами? И Юрий уже хотел было сказать, что все это пустяки и раз Квач сам вспомнил, то...

Но космонавты смотрели на дело несколько по-иному. Они переглянулись, и Тэн сказал:

— Да, Квач устал. Принимаю командование.

Все-таки очень просто делается у голубых людей. Никто не лезет командовать без нужды, но и никто не боится делать это. Раз нужно, значит, нужно — и все.

Квач и Тэн помещались местами, и Тэн включил связь с кораблем. И сейчас же раздался внятный голос роботов:

— Передаем телеграммы Центрального Совета Космических Исследований. Положение трудное. Проявляйте мужество и стойкость. Все ваши решения признаны правильными. Вы оправдываете звание космонавтов. Рецепт антибиостимулятора, который бы позволил довести рост вашего нового спутника Шарика до первоначального, еще только испытывается, рисковать мы не имеем права. О результатах сообщим особо. Однако уже сейчас нужно принять меры для прекращения роста. Химическим анализаторам и синтезаторам переданы команды на изготовление препарата. Химическая формула следующая...

Роботы называли много всяких пока еще совершенно неизвестных Юрию химических веществ, но одно из них показалось ему знакомым. Оно называлось никотином. Это было очень странно. В кино, перед настоящим сеансом, не раз показывались популярные киноочерки о вреде курения. Они наглядно и доходчиво показывали, что лошадь можно убить одной пач-

кой папирос. Если, конечно, из папирос собрать весь никотин. Никотин мог убивать также голубей и кроликов.

Одним словом, никотин был известен Юрию как очень страшный и коварный яд. И хотя сам он еще не курил, но он не мог не удивляться тем, кто после таких доходчивых фильмов вынимал папиросы или сигареты, да еще и шутил:

— Ну, мы не лошади. Нас не отравишь!

Тут все было понятно: народ смелый и его пропагандой не возьмешь. И все-таки, что никотин — яд, Юрий знал и настояжился. А вдруг этот самый Центральный Совет попросту решил отравить Шарика?

Но, с другой стороны, ученые из Центрального Совета утверждали, что настоящее вещество, которое может помочь Шарiku стать самим собой, еще только проверяется. Так что бояться за него вроде бы и нет особых оснований. И Юрий успокоился. А тут как раз припелся Шарик и сразу же заскулил:

— Есть хочу... Очень хочу есть...

Тэн сразу принял решение. Он запросил главный пост химической кухни, и ему сообщили, что ограничитель роста уже готов и ждет не дожидается пациента.

Втаскивать Шарика в корабль, чтобы проделать ему дыру в комбинезоне и дать лекарство, было очень сложно. Поэтому внутрь корабля вошел только Зет. Его дезинфицировали и пропустили в химическую кухню. От корабля к машине подключили систему внутреннего обзора и тогда, расширив дверь, попросили Шарика вставить в нее голову. А когда он выполнил команду, стены корабля осторожно сомкнулись и зажали голову собаки.

На экране внутреннего обзора было видно, как Зет, пытаясь, притащил огромную прозрачную бутылку, стал разрезать ткань собачьего комбинезона тем самым, похожим на паяльник, прибором. Потом он вставил горлышко бутылки прямо в рот Шарика.

Несмотря на усталость, Шарик от удовольствия и нетерпения переступал с ноги на ногу. Живот у него вздувался и опа-

дал. Он быстро вылакал первую бутылку, и Зет притащил вторую. Потом третью и, наконец, четвертую. После пятой он взмолился:

— Может, хватит, Шарик?

— Ну, еще немножечко,— заскулил гигант.— Ну еще хотя бы ведерочко...

И уставший Зет притащил еще четыре бутылки. Только вылакав и их, Шарик скромно сообщил, что он большего пока не просит.

До сих пор никто не видел, сколько и как ел и пил Шарик. То гравитация, то всякие трудности мешали наблюдать за собакой. А теперь все впервые увидели, сколько нужно гиганту только для того, чтобы утолить жажду. А сколько же он ел? Ужас! Нет, контролирующие и следящие роботы были правы, когда сообщали о катастрофическом положении с белками. Шарик их бессовестно слопал. Теперь в этом не было ни малейшего сомнения.

— Трудное положение,— многозначительно произнес Мир.— Мы правы, и недаром Центральный Совет одобрил наши действия.

— А что им оставалось делать? Это же всегда так бывает в полетах: когда космонавт принимает решение, Центральному Совету вначале это не нравится. Им кажется, что они заранее все предусмотрели, и космонавту остается только выполнять их команды, как подопытному животному. А когда происходит что-нибудь необычное и космонавту самому нужно решать сложнейшие вопросы, да еще в считанные минуты, тогда ученые из Совета вначале ставят эксперимент.

— А чего ты ворчишь? — удивился Тэн.— Иначе и не может быть! Ведь только космонавт может принять решение. Совет только помогает ему. Да и то не сразу. Недаром же космонавтов и готовят столько лет.

Не согласиться с этим было невозможно. Только тот, кто не летал в космосе или хотя бы в самолете за штурвалом — да что там в самолете! — кто не ездил на велосипеде, тот не может понять, что такое самому принять решение, самое про-

стое: что лучше, объехать выбоину или подскочить на ней и, может быть, погнуть обод колеса? И если ты примешь неправильное решение и все-таки погнешь этот самый обод, те же самые взрослые, а особенно родители обязательно начнут читать нотации и доказывать, что ездил ты неправильно, что, если бы ты поступал, как они тебя учили, все было бы прекрасно. Вообще всякий, кто смотрит на дело со стороны, всегда кажется умнее того, кто его делает. А вот если сам возмется... Вот тогда...

— Ну ладно, ребята, нечего обсуждать то, что каждому ясно,— сказал Тэн.— Нужно приступать к выполнению программы и начинать заготовку белковых молекул.

— Может, заберем ящеров? — спросил Квач.

— Лично я против! — вдруг решительно ответил Мирон.— Они такие противные, что всякий раз, когда я буду есть что-нибудь приготовленное из их молекул, меня затошнит.

— Согласен. Меня тоже... Но тогда на кого будем охотиться?

— Давайте проедемся. Разведем.

— А куда денем Шарика? Опять на растерзание ящерам? Мы уверены, что эти летающие черти — единственные хищники на планете?

В это самое время Шарик, с уже запаянной прорезью в комбинезоне, высвободился из плена бортов космического корабля и устало повалился на траву. Он сразу смежил глаза и уснул.

— Ты смотри, как действует лекарство,— с уважением сказал Квач.

— Кстати, из чего делается никотин? — спросил Юрий.

— Как — из чего? — привычно задиристо удивился Квач, но сейчас же сник: — Наверно... это... синтетически.

Юрий промолчал, хотя ему и хотелось спросить, курят ли на Розовой земле или не курят, но он сдержался. Представить себе, что космонавты курят, даже на Голубой земле, было просто невозможно. А уж на Розовой и подавно. Но он сейчас же вспомнил, как в прошлом году они пошли с соседом-девя-

тиклассником по грибы и доходились до того, что заблудились. Очень хотелось есть, и сосед посоветовал:

— А ты закури. Не так будет хотеться есть.

Девятиклассник знал, что советовал, потому что курил чуть ли не с пятого класса. И хотя он сейчас учится в десятом, но Юрка уже почти догнал его в росте. Значит, все правильно. Никотин действительно приостанавливает рост. И если ты не хочешь расти, а хочешь всю жизнь прожить маломерком — кури. Кури и хоть и не будешь лошадыю, но зато и не вырастешь. И представить себе, что такие умные люди Розовой земли не знают этого, невозможно. Поэтому и так ясно, что там не курят. А вот никотин для таких особых случаев делают. А может быть, и еще для чего-нибудь.

— Решаю! — сказал Тэн. — Поесть, отдохнуть по очереди, а потом выезжать на разведку.

— А вдруг на нас или на Шарика кто-нибудь нападет? — спросил Юра.

— Ничего. Мы включили наблюдающих роботов, и они нас предупредят.

Шарик спал и даже во сне не просил есть: никотин действовал. Космонавты, не выходя из машины, поели и тоже соснули. Когда проснулись, солнце стояло уже в зените и в машине стало жарковато.

Тэн прежде всего включил запись наблюдения роботов, и они сообщили, что в том самом направлении, где происходила битва с ящерами, наблюдалось усиленное движение каких-то огромных существ. Роботы все еще не достигли совершенства и поэтому не смогли точно описать, что это за существа и зачем они пожаловали. Пришлось включать запись телевизионного наблюдения.

На экран существа выползали медленно и, пожалуй, даже с достоинством, словно понимая, что все окружающее принадлежит им, и только им. Так ходят хозяева, которые никого и ничего не боятся.

Тело этих существ было похоже на тело кенгуру — вытянутая мускулистая шея, довольно длинные, но тонкие перед-

ние лапы с кривыми, как ятаганы, когтями, мощная грудь, которая явно расширялась книзу. Но, что там было внизу, сказать трудно: трава прикрывала почти половину животных. А поскольку высота трав превышала два метра, то выходило, что новые знакомые имели подходящий рост — метров пять-шесть.

Самым примечательным были морды этих существ. Они очень напоминали акулы. Вначале шел костяной рог-бивень, по-видимому, прекрасно приспособленный для того, чтобы долбить что-либо твердое, неподатливое. Бивень переходил в голову — тяжелую, квадратную, на которой недобро поблескивали маленькие зоркие глазки. Они то и дело прятались за жесткими кожаными веками. Глаза висели над складками возле углов пасти, и, вероятно, каждый глаз мог видеть самостоятельно.

А сама пасть, как и у акулы, располагалась внизу и далеко позади рога-бивня.

— Красавцы... — поморщился Миро.

— Да уж... таким молоточком он что хочешь пробьет.

— Вот то-то и оно — они очень опасны для Шарика.

— Да и для нас — ведь бивень у них клиновидный.

— Все равно соскользнет с призмочек нашей машины.

— Это если удачно попадет. А неудачно, в развилку призм, — может причинить немало хлопот.

Звери на экране остановились и долго принюхивались и присматривались. Потом вдруг, как по команде, сорвались с места и стремительно понеслись куда-то в сторону. Теперь казалось, что они летят над степью.

— Учуюли, проклятые! — поморщился Квач.

— Кого учуюли? — осведомился Миро.

— А вот тех... остатки крылатых. Но несутся-то как! Вот это скорости!..

— Да уж, с ними лучше не встречаться.

— Мне кажется, что это родные братья летающих ящеров. Они только отяжелели и разучились летать.

— Возможно... Очень возможно. Вообще, вам не кажется,

что фауна этой планеты слишком бедна? Мы уже полсуток сидим на одном месте, а обнаружили только два вида ящеров и следы каких-то неизвестных травоядных животных. Ни птиц, ни пресмыкающихся — никого. Я что-то даже насекомых не вижу. Чем это объяснить?

— Стоит только посмотреть на окружающее, и все станет понятным,— не оборачиваясь, бросил Тэн.

— Ты думаешь, что однообразие планеты привело к однообразию и ее животного мира?

— Конечно! К чему приспосабливаться этому самому животному миру? Здесь вель все однообразно—степь, с совершенно определенным набором трав, и два океана. В степи примерно везде одинаковый климат. Ни гор, ни снегов, ни пустынь. С чем бороться? С какими условиями? К чему приспосабливаться? Не к чему. Вот так, наверное, и получилось — зародилась жизнь, приспособилась к одним и тем же условиям и дальше развивается очень медленно, потому что незачем.

— Ну, не скажи... А океаны?

— Нет, Тэн прав,— решил Миро,— там, где живому существу не за что и не с чем бороться,— там замедляется, а то и совсем приостанавливается развитие. А здешние океаны мы еще не знаем. Там, вероятно, иное положение — ведь в районе полюсов они замерзают, значит, живущим там существам нужно с чем-то бороться и к чему-то приспосабливаться. А на местном материке... Тут почти идеальные условия...

Они замолкли, во-первых, потому, что звери добежали до места битвы и скрылись в траве.

— Доедать сородичей,— небесело отметил Квац.

А во-вторых, космонавты замолкли потому, что Тэн и в самом деле был прав. Ведь каждый знает, что живое существо развивается, только преодолевая какие-то препятствия. Ленивый никогда не разовьется. В лучшем случае он просто растолстеет, как Шарик, зажатый в кухонном коридоре. А тот, кто ставит себе трудные задачи, борется за их осуществление,— тот развивается и побеждает. Так в любой жизни, на любой планете.

— Выходит, без трудностей и без преодоления этих трудностей жизнь становится скучной? — запоздало подумал Юра, и Миро немедленно ответил ему:

— Хуже того! Она застывает и никогда не бывает разумной.

— Это же ясно,— поморщился Тэн.— Пора начинать работу по заготовке белковых молекул.

— Ну... эти ящеры... тоже...

— Хорошо. Раз вам не нравятся ящеры — давайте искать тех, кого они едят.

Ребята уставились на Тэна. Что-то в его словах показалось таким, что понять, а тем более принять казалось невозможным.

— Ну, чего уставились? Ведь ящеры питаются мясом. Так?

— Та-ак...

— Так они же не друг друга едят? Верно?

— Верно...

— Значит, на планете есть кто-то другой, кто беззащитен против ящеров, и за это их и едят ящеры. Так вот давайте и найдем этих беззащитных и тоже, как ящеры, начнем их есть.

— Но при чем здесь... обязательно есть? — возмутился и сразу сник Зет.

— А что же ты с ними будешь делать?

— Ладно вам,— вмешался Квач.— А из ящеров... тоже молекулы получают? Которые нам нужны?

— Не знаю...— пожал плечами Тэн.— Нужно будет заложить их мясо в химические анализаторы. Они и определяют пригодность белкового вещества ящеров для нашего питания.

— А не получится так, как с хлебом? — спросил Юрий.

— Не думаю... Ведь хлеб — это соединение белков и грибковых образований. А из ящеров нам нужны только очень сложные белковые, вообще органические молекулы.

— Всё понятно. Нужно торопиться. Поехали,— опять за всех решил Квач.

Но поехать им не пришлось — опять включились роботы. Они передавали новые телеграммы Центрального Совета.

— Теперь они нам начнут слать директивы,— насупился Квач.— До них дошли наши телеграммы, вот они и отписываются.

Пока Квач ворчал, роботы передавали:

— Формула антибиостимулятора проверена в опытном порядке. Одновременно с телеграммой даны команды на его изготовление корабельному химцентру. Для сведения...

Тут послышался целый ворох названий неизвестных веществ и соединений, которые не только Юрий, но и остальные понять, а тем более запомнить, конечно, не могли, но которые наверняка записали в своей электронной памяти роботы.

— Предупреждаем, что после принятия антибиостимулятора у вашего нового спутника Шарика будет наблюдаться полное отсутствие аппетита, так как отныне и до достижения им своего нормального веса он будет питаться за счет уже запасенных в его организме продуктов питания. Вместе с тем предупреждаем, что этот процесс связан с очень резким повышением двигательных функций, иначе говоря, ваш спутник Шарик станет очень подвижен — ему необходимо будет израсходовать накопленную энергию.

Опыт в лечении собаки был уже накоплен. Разбудив сонного и усталого Шарика, космонавты опять засунули его голову в корабль, разрезали комбинезон и с трудом влили в него несколько ведер антибиостимулятора.

Свернувшись клубочком, Шарик сразу же уснул.

— Ну, что же делать с этой противной собакой?—огорчился Юрий.— На охоту нужно ехать, а она спит...

— Может быть, без нее поедем?

— Ну да! Появятся здесь эти самые ящеры с акульими головами, и тогда Шарiku будет капут — они проклюют его комбинезон.

— Тогда есть предложение: обследовать местность вокруг корабля,— сказал Тэн.

С ним согласились: если они не будут удаляться от корабля, Шарик не лишится охраны, а космонавты узнают кое-что о планете.

Машина медленно, все расширяющимися кругами полетела над самыми верхушками трав. В одном месте ей попались странные просеки в траве, и Тэн решил исследовать их. Машина не спеша поплыла вдоль просеки.

Уже метров через триста впереди показался какой-то странный предмет — светло-бурый, поблескивающий в почти прямых, полуденных лучах солнца. Но блеск этот был несколько необычный — как бы раздробленный на мелкие лучики и большие лучи-блики.

Космонавты даже не успели удивиться этому странному предмету, как машина уже оказалась над ним и зависла.

Внизу медленно двигалось большое, метра четыре в длину и не менее метра в ширину, сооружение. Его полукруглый верх был составлен точно из таких же полупрозрачных, видимо костяных, а может, и пластмассовых призмочек, что и машина. Полукруглое, точнее, угловато-полукруглое сооружение так было похоже на универсальную машину космонавтов, что это показалось подозрительным.

Но стоило присмотреться к нему, как все стало понятным — под машиной было не сооружение, а самое обыкновенное животное. Сзади у него волочился веретенообразный хвост, оканчивающийся тонкой и длинной иглой. Ну, а раз сзади был хвост, то впереди должна быть морда. И в самом деле, впереди у животного оказалась морда. Это почему-то страшно обрадовало космонавтов.

— Здорово! — закричал Квач.

— Нет, ну и сооруже^нице... Я даже растерялся, — признался Зет.

— Вот то, чем питаются ящеры! — торжественно сказал Тэн.

— И мне теперь понятно, — глубокомысленно протянул Миро, — как они питаются.

Только Юрий ничего не сказал. Он, как всегда, вынужден был спросить:

— А как они питаются?

— У ящеров акульи головы, кончающиеся роговым бив-

нем. Вот этим-то бивнем и пробивают броню травоядных тихоходов.

— А тихоходы даже не защищаются? Я в это не верю! — сказал Юрий.

Миро посмотрел на него с уважением.

— Проверим,— решил Тэн и стал медленно подводить машину к тихоходу.

Животное по-прежнему тихонько лезло вперед, подрезая стебли трав, которые исчезали в его квадратной, как обрубленной, морде.

Когда машина почти села на призмочки бронированного тихохода, его хвост вдруг взметнулся и с силой ударил по машине. Из иглы вылетел заряд зеленоватой, даже на вид ядовитой жидкости, которая залила борт машины.

— Как видишь — защищается,— усмехнулся Тэн.— По-видимому, у него в хвосте заряд яда, и, когда на него нападает ящер и начинает долбить своим бивнем его броню, животное пускает в ход свой ядовитый хвост.

— Как скорпион,— сказал Юра.

— А это что такое?

— У нас на Голубой земле водится такой паук. У него в хвосте тоже есть игла и яд, который убивает все живое. И еще — скорпион одно из самых древних существ на нашей Земле.

— Все это хорошо, но меня смущает другое,— сказал Тэн.— Есть ли смысл охотиться на этих ядовитых тварей?

— Ну и планетка... То ящеры, то скорпионы...

В машине на мгновение наступила тишина. И тут в шлемофоны космонавтов ворвался какой-то странный, доисторический не то крик, не то стон.

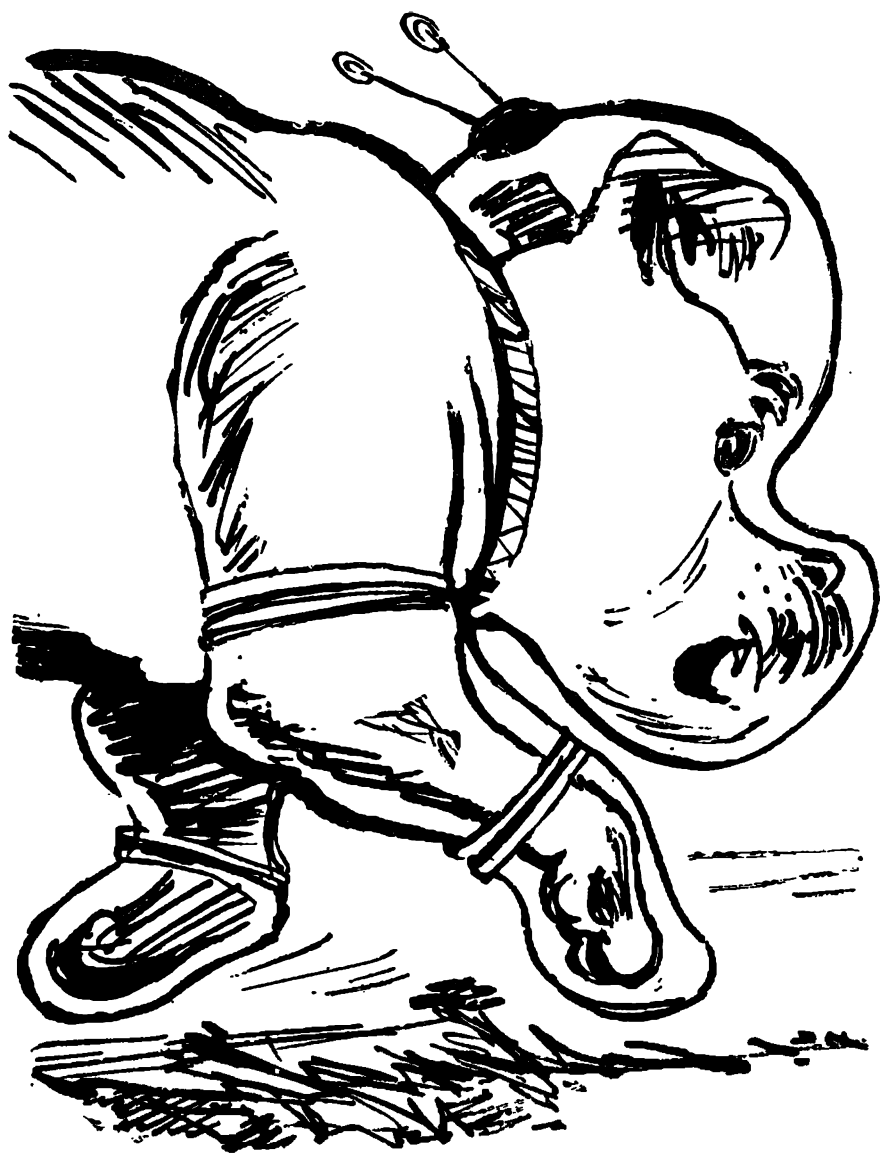
— А-а-у-а-а! — И вдруг пробились слова на чистейшем языке голубых людей.— Я сейчас! Давай-давай!

И снова — не то стон, не то крик.

— Что-то случилось с Шариком,— решил Юра и оглянулся.

Сквозь прозрачные стены универсальной машины он уви-

дел Шарика, который огромными прыжками мчался по равнине прямо к машине.

— Что с тобой, Шарик?

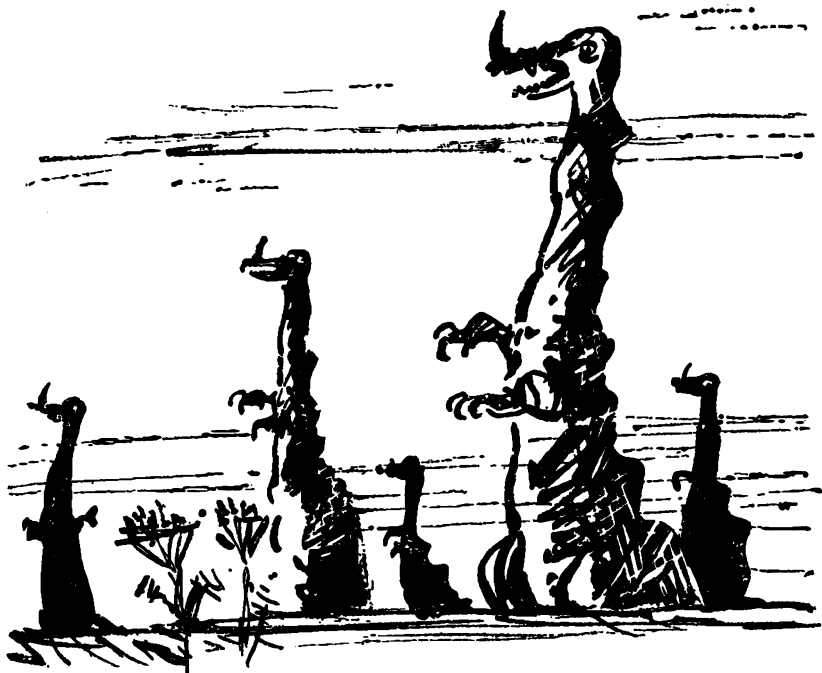
— Ничего! Со мной! Ничего! Ящеры? Я их сейчас! Они у меня...

Он то выл, то стонал от ненависти, и Юра подумал, что в таком бешеном состоянии он может наброситься прежде всего на бронированных тихоходов. А поскольку морда у Шарика тоже забронирована и он даже не сможет укусить тихохода, ему грозит опасность от ядовитой скорпионовой иглы.

— Осторожно, Шарик! Осторожно! Не трогай ползучих тихоходов. Они ядовиты.

— А мне они не нужны. Вы мне подайте ящеров! А-а-у! Где ящеры? Дайте мне ящеров!.. Я их!.. Они мне!..

— Он что, сбесился? — спросил Квич.

— Нас же предупреждали, что у него повысятся двигательные способности. Энергия требует выхода — иначе он не будет уменьшаться в размерах.

Шарик стремительно промчался мимо машины и галопом побежал в глубь степи.

Пришлось догонять его на машине. Гонка эта длилась, наверное, целый час потому, что в Шарике проснулись древние охотничьи инстинкты и двигался он не по прямой, как всякая порядочная цивилизованная собака, а зигзагами, как настоящий охотничий пес, разыскивающий добычу.

И он ее нашел.

Над густой травой медленно и важно шествовало три огромных ящера — их головы с длинными, матово поблескивающими на солнце бивнями поднимались метра на три-четыре. Шарик взвыл и бросился в атаку. Напрасно его предупреждали космонавты, напрасно сердился Юрий. Шарик уже был не в себе. Он мстил противным созданиям за свой позор во время высадки. Теперь он атаковал смело и бездумно.

— Пробьют ему комбинезон! Ох, пробьют! И в его шерсть набьется столько бактерий, что их потом год не вытравишь, — беспокоился Зет.

Но случилось нечто еще более опасное, чем предполагал Зет. Свалив первого ящера, Шарик вдруг взвыл — это второй ящер точным, молниеносным клевком пробил комбинезон и вонзил свой бивень в Шарика. Этого пес стерпеть не мог. Он круто развернулся и бросился на обидчика, стараясь по древней собачьей привычке перекусить ящеру горло. Но Шарiku мешал комбинезон. Однако и у него были теперь не обычные собачьи зубы, а тоже могучие клыки-бивни. И они тоже, прокусив материал комбинезона, как сабли рассекли шею ящера.

Зет ахнул:

— Все пропало! Он может заразиться...

— Не нервничай, Зет, — остановил его мудрый Мирó. — Планета странная. Животная жизнь развита крайне бедно. Почему же ты думаешь, что бактерий и вирусов здесь может быть больше? Возможно — а я думаю, что это именно так, —

их тоже очень мало. Ведь они тоже приспособливаются к разным организмам. А раз организмов мало, значит, и бактерий мало.

Теперь Шарик расправлялся со своими неуклюжими врагами, как повар с картошкой. Он перекусывал им шею, как на своей родной Голубой земле перекусывал, правда только однажды, шею соседским цыплятам, за что был жестоко наказан.

Весь заряд накопившейся в нем энергии требовал немедленного выхода, и Шарик, едва раздлавшись с тремя ящерами, сейчас же взвыл:

— Дайте мне ящеров! Я их всех уничтожу!

— А что вы думаете — и уничтожит, — отметил Тэн, и ему поверили: слишком неравными были силы одного умного гиганта и пусть даже сотен больших, но глупых ящеров, да еще привыкших к своей полной безнаказанности.

— Вот что, друзья, если не остановить Шарика, он всю планету... обезьящерит. Это тоже не годится — на этом уровне жизни она должна иметь и тех и других: иначе развитие совсем остановится.

— Так что с ним делать? Он же как сумасшедший.

— Ему же энергию девать некуда.

— Нужно использовать эту энергию разумно, а не слепо.

— Что, ты его в машину впряжешь, что ли?

— Зачем впрягать? Пусть тащит ящера к кораблю, и мы проверим, годится ли он нам на молекулы. Потому что, честно говоря, тихоходы тоже не очень приятные создания.

Шарик долго не мог понять, что от него требуется, но постепенно остыл и все понял. Он прихватил зубами тушу ящера и поволок ее к кораблю. Дело это было нелегкое даже для Шарика. Но он все-таки справился с задачей и, бросив тушу у корабля, подумал:

— Устал... Странно... а есть не хочется.

Пока Квач и Юрий отсекали от ящера кусок мяса, проходили дезинфекцию, носили мясо на кухню, где передали его в анализирующие машины, Шарик спал как убитый. А когда проснулся, то сразу же вскочил на ноги. И тут все увидели,

что комбинезон, который с таким трудом натягивали на него, теперь висит широкими складками: Шарик явно не то что похудел, а просто уменьшился в объеме. Ребята переглянулись — антибиостимулятор действовал безотказно.

— Ему нужна работа. И как можно тяжелей, — решил Тэн.

Пока Шарик потягивался и зевал, пока, дрожа от нетерпения, несколько раз обежал корабль, космонавты ждали решения анализаторов. Наконец они сообщили:

— Материал вполне пригоден для изготовления необходимых экипажу молекул. Системы готовы к приемке и переработке материалов.

Когда Шарiku объяснили его задачу, он очень обрадовался: охота за таким материалом была не просто по душе, а прямо-таки необходима. Он сейчас же удрал на поиски ящеров.

На этот раз решили не охранять его, и универсальная машина сделала несколько больших кругов над планетой Красных зорь. Но где бы ни летали космонавты, везде и все было совершенно одинаковым.

— А почему у нас на Земле не так? — спросил Юра.

— У нас тоже не так... — задумался Миро. — По-видимому, планета еще не переживала ни вулканических преобразований, ни каких-нибудь иных катастроф.

— А они могут быть?

— Видишь ли, Юра... Хотя наша цивилизация и постарше вашей, но и нам еще неясно, как все-таки получаются планеты. Одни ученые говорят одно, другие — другое. И все вроде правильно. Например, есть такие, которые утверждают, что планеты в начале своего существования всегда холодные. А потом, когда их вещество постепенно сжимается, в их центре происходит разогревание материи. Породы плавятся. Образуется магма. Она ищет выхода. Вот и получаются вулканы, и, значит, горообразование, и все такое прочее. А то еще может быть другое — вдруг из мирового пространства на орбиту попадет какой-нибудь бродячий спутник. Силой тяжести,

гравитационным полем планета притянет его к себе. Но ведь и спутник тоже имеет гравитационные силы. Значит, он тоже притянет планету, и на ней может разразиться катастрофа — сдвинутся с места материки, огромными волнами поднимутся воды мирового океана. Тогда опять изменится лицо планеты. Есть и другие объяснения. Но видно одно — пока что ни одна из этих причин планеты Красных зорь не касается.

— Запись о ней наши роботы сделали и наверняка уже передали на нашу Розовую землю, а там ученые помозгут, — сказал Тэн. — И вот что, ребята, нужно выполнять кодекс космонавта: раз попали на новую планету, давайте собирать образцы.

И космонавты собирали образцы трав и деревьев, брали пробы воздуха, воды и земли. Даже кусочек шкуры ящеров запяли в специальный баллончик. Все эти пробы были снесены в хранилища корабля.

Потом все сошлись в корабле, разделись и поели. Юрий вытянулся и по привычке сузил руки в карман. Под пальцами перекатились какие-то соринки. Он вынул руку и посмотрел на эти соринки и вдруг вспомнил, что как раз в этом кармане у него была раздавлена земляника. Теперь она высохла, и вот ее остатки.

Он ничего не сказал товарищам. Он только вывернул и тщательно вытряхнул свой карман на бумажную салфетку, завернул ее, а потом, когда из-за стен корабля послышалось рыканье Шарика и космонавты одели комбинезоны, взял ее с собой.

Шарик опять притащил ящера, и его пришлось подавать в люки химической кухни. Пока возлились с добычей, Шарик опять исчез. И тут Юрий вспомнил о бумажке. Он развернул ее и выбросил соринки. Ветер подхватил их и разнес по планете Красных зорь.

Может быть, через месяц, может быть, через год семечки земляники прорастут, и на странной планете появится новое растение — земляника. Маленькая ягодка, самая земная из всех земных. Здесь много солнца, много трав и дождей. Зем-

ляничка разрастется и заставит обитателей странной планеты приспосабливаться к ее существованию, потому что все в мире обязательно влияет на все в мире. Повлияет и земляничка. И тогда развитие на этой планете пойдет быстрее.

Так думал Юра, а еще заметнее уменьшившийся Шарик опять притащил очередного ящера. И роботы на химической кухне взмолились:

— Хватит! Запас молекул для питания экипажа сделан на несколько лет.

— Можно продолжать полет,— сказал Тэн.— Кто будет дежурить?

— Будем мы с Юрием,— решил Зет.— Ему пора привыкать.

Тэн кивнул — его дежурство было в общем-то бесхлопотным. Он с улыбкой посмотрел на Юрия, который, кажется, впервые в жизни уже не думал, что бы на его месте стал делать настоящий мужчина. Похоже, что он просто и незаметно становился им.

Нет, до чего все-таки хороши обычаи на Розовой земле: старый ты или молодой, а если ты способен делать что-то хорошее — делай его! Делай и не задумывайся, что и как скажут об этом. Важно только одно — делать хорошее и делать его хорошо.

— Итак, к новым мирам! — сказал Тэн и тонко, можно было бы даже сказать — ехидно, улыбнулся. Но никто не заметил этой улыбки.

— Да, к новым мирам,— совсем серьезно ответил Мирон, а Зет и Юрий даже не улыбнулись — на них возлагались сложные задачи и обязанности.

Глава двадцать пятая

ПРЕДАТЕЛЬСТВО РОБОТОВ

Над планетой бушевали красные зори. Горизонт был чист и сказочен. Краски менялись торжественно и величаво — планета провожала своих первооткрывателей. И ничто не

омрачало горизонта, даже черные тени летающих ящеров,— их разогнал Шарик. Он все еще кружился вокруг корабля, путаясь в своем непомерно большом для него комбинезоне.

— Что мы с ним будем делать? — спросил Зет. — Ведь он наглотался бактерий.

Юрий задумался и вспомнил, как он когда-то болел корью. Тогда в больнице его поместили в отдельную маленькую комнатку, которая называлась боксом. Из этой комнатки бактерии кори уже никуда не девались — они гибли в боксе.

— Нужно сделать для него бокс, отдельную комнатку. Это ведь можно?

— Да, но...

— Но ведь Шарик и так всю дорогу просидел на кухне,

— Тогда он ел...

— А теперь ему есть не требуется.

— Но ему нужно как можно больше двигаться...

— Вот и пускай прыгает...

Конечно, Юрий сам понимал, что он чересчур сурово поступает с Шариком, на которого он до сих пор еще сердился за его непростительный поступок, но другого выхода не было. И Шарик после дезинфекции был помещен в специально созданный бокс. Зет подал команду:

— По местам! Приготовиться к взлету!

Корабль дрогнул и стал подниматься над планетой Красных зорь. В экранах внешнего обзора поплыли все расширяющиеся горизонты, потом блеснули кромки двух океанов, зори в небе, ледяные шапки полюсов. Космонавтов тихонько и осторожно прижала в креслах-кроватях вновь появившаяся сила гравитации: корабль набирал скорость.

— Ну вот, ребята, — довольно сказал Квач, — с первой пердрягой мы, в общем-то, справились. Теперь нужно быть поумнее и главное...

Но что, по мнению Квача, было самым главным, узнать так и не удалось. Включились роботы с противными металлическими голосами. Они опять начали передавать телеграммы Центрального Совета:

— Экипаж справился с необычными трудностями, и не смотря на очень серьезные нарушения кодекса космонавта и специальных инструкций, за которые следовало бы вернуть корабль на космодром, Центральный Совет все-таки находит возможным разрешить дальнейшее выполнение задачи.

— Ура! — закричали на своем языке Миро, Зет, Тэн и Квач.

— Ура! — закричал на русском языке Юра.

Но на роботов эти крики, конечно, не подействовали. Они продолжали читать текст телеграммы.

— Однако экипажу следует понять и исправить свою главную ошибку, которая выражается в том, что на борт были взяты два малолетних жителя очень симпатичной, судя по информации, Голубой земли. Экипаж забыл, что их самих отпустили родители, которые постоянно следят за их поведением и самочувствием, забыли, что за них отвечает перед родителями вся Розовая земля, забыли, что уровень цивилизации нашей земли и, главное, сознательность ее обитателей пока что еще выше, чем обитателей Голубой земли. Экипаж забыл, что эти и многие другие факторы позволяют нам отправлять космические корабли с такими экипажами. Наконец, экипаж забыл о так называемом космическом парадоксе времени. Напоминаем его — при скоростях, близких к скоростям света, с которыми так или иначе, а должны летать наши корабли, время исчисляется совсем по другим законам, чем на Земле. И если на нашей земле мы уже умеем управлять этим временем, использовать законы парадокса времени и обеспечивать встречу родителей и детей даже после длительных космических путешествий — на Голубой земле делать этого пока еще не умеют, и, следовательно, два малолетних пассажира космического корабля, даже благополучно приземлившись после путешествия на своей планете, уже не застанут своих родителей. Допустить этого нельзя, даже если самим малолетним пассажирам сейчас кажется, что в этом нет ничего страшного, и они готовы пожертвовать всем ради получения дополнительных знаний, накопленных на Розовой земле.

— Это верно,— дрогнувшим голосом сказал Зет,— о парадоксе времени мы не подумали.

— Мы много о чем не подумали,— буркнул Тэн.

— ...Но горе родителей, близких, сограждан — а судя по полученной нами информации, страна, в которой живут ваши пассажиры, очень гуманная и очень близкая по духу к нам — будет безутешно. Никто не имеет права причинять незаслуженное горе другим. Поэтому Центральный Совет Космических Исследований принимает окончательное решение: поблагодарить наших гостей за мужество и смелость и вернуть их на свою Голубую землю.

— Юра! — жалобно закричал Зет. — Юрочка... — И Зет вдруг разревелся. Разревелся, как самая обыкновенная девочка. Покраснели глаза и у мудрого Миро. Даже Квац и тот отвернулся и зашмыгал носом.

А роботы бесстрастно продолжали свою информацию.

— Мы обещаем, что в ближайшее время, как только получим подробную информацию о Голубой земле, мы высадим на нее специальную экспедицию для передачи знаний и более полного знакомства. И если ваши пассажиры настоящие мужчины (впрочем, на языке голубых людей слово «мужчина» звучало как «люди» и фразу эту можно было понять и как «настоящие люди»), они поймут, что даже своим знакомством с нами они отстояли честь своих сограждан. Мы убедились, что это очень хорошие люди, и мы завяжем с ними дружбу. Но они также должны понять, что причинять горе даже ради дружбы мы не имеем права. Вот почему мы дали роботам необычную программу. Используя все тот же парадокс времени и наши новейшие открытия, корабль ляжет на специальный параболический курс. Он поможет наверстать часть упущенного в полете времени и к моменту возвращения на Голубую землю окажется, что наши гости пробыли в отлучке всего несколько дней. Этим мы избежим усугубления горя родителей и близких и дадим возможность нашим гостям вернуться домой вовремя.

Но для выполнения этой программы необходимо стреми-

тельное и резкое наращивание скорости — субсветовые скачки. Они вызовут огромные перегрузки. Возможно, даже полное выключение сознания. Это необходимо. Но гордитесь, вы будете первыми, кто на себе испытает субсветовые скачки, кто обгонит время в обратном направлении. Внимание, друзья! Начинаем субсветовой скачок!

Корабль вздрогнул. До сих пор почти неслышимые двигатели вдруг взвыли.

Космонавтов вдавила в кресла невероятная сила. Юра только мельком успел заметить напряженные лица товарищей и потерял сознание.

Сколько длилось это путешествие, никто из космонавтов не знал: сознание было полностью отключено. Корабль несясь в космической глубине по какой-то особой программе. Правда, иногда скорость полета уменьшалась, и тогда силы гравитации ослабевали. Сознание постепенно возвращалось к космонавтам. Но прежде чем они успевали полностью прийти в себя и осмотреться, программирующие роботы переводили двигатели в режим субсветового скачка. И корабль опять несясь по сложнейшей параболе, пробиваясь из настоящего для него времени в прошлое.

Но это прошлое для корабля время было все еще будущим временем для обитателей Голубой земли. Правда, они не знали об этом.

В короткие прояснения сознания Юрий чувствовал, что ему очень хочется есть — ведь организм, борющийся с перегрузками, расходовал огромную энергию, а пополнять ее не пополнял. Ни о какой еде мечтать, конечно, не приходилось.

Наконец пришло то время, когда сознание прояснилось. Гравитация исчезла. Но сил было потеряно столько, что шевельнуть рукой или ногой, да что там шевельнуть,— открыть глаза и то казалось невозможным, такая вдруг напала слабость. И тут можно было опять удивиться предусмотрительности старших из Центрального Совета. Они так построили программу, что едва космонавты пришли в себя, как из химической кухни сразу же были доставлены столы с едой.

Наверное, никогда ни до, ни после того полета никто из космонавтов не ел так много и так жадно. Кажется, только после третьего завтрака Юрий вспомнил все, что было с ним на планете Красных зорь, и чуть не заплакал.

Центральный Совет был, конечно, прав. Высаживаться и возвращаться домой придется обязательно — дисциплина есть дисциплина... Тут уж ничего не попишешь. Но все-таки роботы — предатели! Неужели так уж было необходимо обо всем растрепаться на всю Вселенную! Что, они не могли подождать хотя бы месяц?

Нет, конечно, Юрий понимал, что все правильно и что роботы не могли поступить иначе — на то они и роботы. И все-таки было обидно. Гравитация все время мешала учиться, и, значит, знаний, настоящих знаний, за которыми отправился в космос Юрий, он, в сущности, не привезет. Или, точнее, почти не привезет.

Ну что ж... Что ж...

И тут он с ужасом понял, что ему очень хочется заплакать. А когда понял это, то оглянулся. Зет уже плакал.

— Ты знаешь, Юрочка,— сказал он,— знаешь... Я мечтал, что если ты полетишь с нами, то... то, когда ты вырастешь, мы... мы, ну, может, и не поженимся, то уж во всяком случае будем дружить.

Что произошло после этих слов с Юркой, описать почти невозможно. Глаза у него округлились, рот приоткрылся. Зачем-то оглядываясь, он хотел что-то сказать, но ни одного слова произнести уже не мог — удар был покрепче, чем при субсветовом броске: сознание почти выключилось.

— Что с тобой, Юрий? — строго спросил Мирон: — Между прочим, об этом в какой-то степени мечтал не только Зет, но и я...

Юрка уже не мог даже думать. Он вдруг стал подниматься со своего кресла, ударил себя по голове, поморщился и, наконец, пролепетал:

— Да вы что... ребята... может, этот самый... субсветовой...

Тэн расхохотался:

— Ты не сходи с ума, Юрий. И не думай, что кто-то из нас сошел с ума.

— Да... но как же...

— А очень просто — Зет и Миро девочки.

— Но ребята... ребята... — лепетал Юрий.

— Ты поспокойней. Поспокойней. Просто в нашем языке нет женского рода. Вернее, он был и женский и мужской. А теперь остался один: у нас же все равны. Разве ты замечал, что Зет или Миро в чем-нибудь отличаются от меня или Квача?..

Ну ясно, так сразу на этот вопрос Юрий ответить не мог, хотя если совершенно честно, так только теперь он понял, что Квач и Тэн были действительно чуть мужественнее или чуть решительнее, чем двое других космонавтов. Но все равно, даже если очень честно, даже если все вспоминать заново, все четверо были просто отличные товарищи, настоящие ребята, и кто из них мальчишка, а кто девчонка — не имело значения.

Но тут до Юрия дошел другой, очень важный для него в эту минуту смысл, и он немножко покраснел и сказал уже обычным, но чуть дрогнувшим от хорошего волнения голосом:

— Я тоже... Зет... Я никогда не забуду тебя. Никогда! Не забуду никого из вас. Никого! Но тебя, Зет, особенно. — Что-то мешало ему сказать другие слова, и он закончил не совсем так, как думал вначале: — Ведь как бы там ни было, а ты... ты первый принял меня и первый подошел ко мне. И первый стал моим... другом.

— Внимание экипажа! — ворвались голоса роботов. — Расчеты показывают, что корабль приземлился в точке взлета с Голубой земли. Пора производить высадку гостей.

— А Шарик? — крикнул Миро.

Он бросился к стенам, нажал на тумблеры, и стена помещения стала раздвигаться. В щель просунулась мохнатая голова Шарика. Он был уже не только без комбинезона, но даже без аппарата, усиливающего биотоки. Наверное, там, в своем изоляторе-боксе, Шарик сорвал с себя костюм, который только мешал ему. И тут все увидели, что субсветовые броски не

прошли для собаки даром — он уменьшился, наверное, раза в три, а то и в четыре и теперь был просто большой собакой, а не гигантом. Когда Миро подошел к нему, оказалось, что Шарик уже много ниже космонавтов.

— Ну вот, антибиостимулятор подействовал исправно. Есть хочешь?

Шарик отрицательно покачал головой.

— У него есть еще запас энергии,— усмехнулся Квач.— Пусть побеждает.

— А он... не заразит нас? — спросил Тэн.

— Уже нет,— печально ответил Зет, как будто ему очень хотелось чем-нибудь заразиться и заболеть.— Уже нет. Я не знаю, сколько мы летели, но наверное не один день. А за это время дезинфекторы убили всех вредных или незнакомых бактерий или вирусов.

А Шарик уже носился вокруг кресел, прыгал, лизался и никого не слушал. Юрий еле остановил его и сказал:

— Ну вот, Шарик, прощайся с друзьями, мы возвращаемся домой.

И тут даже Шарик растерялся. Он сразу сел, с недоумением поглядывая на космонавтов, надеясь, что они шутят. Но все они были печальны и серьезны. И Шарик понял, что никто не шутит. Он повесил свою лопоухую голову, и из его уже почти нормальных глаз выкатились две почти нормальные слезы. И тут все отвернулись друг от друга, потому что всем тоже захотелось заплакать, но настоящие космонавты умеют скрывать свои чувства.

— Помни, Юра, мысленно мы всегда с тобой,— торжественно сказал Миро.— Мы верим, что придет время и мы с тобой встретимся, может быть, на какой-нибудь далекой планете... Сегодня мы расстаемся. Но разве дружба знает расстояния? Она сильнее космоса и времени. До свиданья, друзья! До встречи в космосе. Я верю, что вы скоро догоните нашу цивилизацию.

Молча и торжественно обнимались на прощание космонавты, грустно и ласково облизывал их Шарик. Тут открылись

стены корабля, и Шарик с Юркой вышли на знакомую поляну.

Начинался рассвет, и поляна покрылась росой. Пахло свежестью и земляникой.

Стены корабля сомкнулись, и корабль стал медленно подниматься ввысь.

Юрий долго смотрел ему вслед, пока он не скрылся в прозрачном зеленоватом небе. На северо-востоке занималась еще робкая розовая заря, напоминающая ему, что где-то в космических безднах есть и Розовая земля, и планета Красных зорь. Юрий верил, что когда-нибудь они станут для него близкими и родными.

Суровый и мужественный, он зашагал к тем самым кустам, на которых когда-то оставил свой рюкзак. Он и теперь висел на том же самом кустике, и с ним решительно ничего не случилось. Юрий закинул его на плечо. Шарик посмотрел на него и вдруг весело подмигнул правым глазом.

«Ну что, хозяин, все равно ведь идем домой. А дома может достаться...»

. — А что ж сделаешь, — вздохнул Юрий: он уже понял, что такое настоящее мужество. — Раз виноват — значит, виноват.

Шарик как угорелый носился в ельнике и березняке. Вдруг он залаял — тревожно и настойчиво. Юрий подошел к нему и увидел, что Шарик стоит перед молодым ярко-алым, в белых крапинках мухомором и вопросительно смотрит на Юрия.

— Тумус, — усмехнулся Юрий. — Это очень вредный, ядовитый гриб. Вот если бы найти белый... или подберезовик...

Шарик посмотрел на него так, что Юрий понял его.

«А ты покажи, хозяин, какой гриб белый, а какой подберезовик».

Пришлось задержаться и разыскивать белый гриб, и подберезовик, и подосиновик — все еще молодые, яркие, только вылупившиеся из-под лесной подстилки.

Шарик отлично понимал Юрия, и когда они пришли домой, Юркин рюкзак был набит белыми грибами — их разыскивал Шарик, а Юра срезал. Бабушка всплеснула руками:

— Да батюшки, нашлись! Ты где пропадал?

Юра переглянулся с Шариком. Оба вздохнули и понурились. Говорить правду не хотелось — разве бабушка поверит? Пришлось врать.

— Вот... собирали грибы и заблудились.

— Ну достанется тебе теперь — только держись! А грибочки очень хороши.

Юра опять переглянулся с Шариком и снова вздохнул — приближалась расплата и встретить ее следовало мужественно. Ведь впереди было многое, и прежде всего подготовка к космическим путешествиям, к встречам с далекими друзьями на неведомых планетах.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Глава первая. Случай на земляничной поляне . . .	5
Глава вторая. Голубые люди	12
Глава третья. Похищение	19
Глава четвертая. Зет, Мир, Тэн и Квач	24
Глава пятая. Заговор голубых	31
Глава шестая. Тревога на корабле	37
Глава седьмая. Мужские решения	46
Глава восьмая. Отгадки загадок	54
Глава девятая. Шарик задает загадки	62
Глава десятая. Кухонные чудеса	65
Глава одиннадцатая. Самое земное	71
Глава двенадцатая. История голубых людей . . .	81
Глава тринадцатая. Вой в космосе	110
Глава четырнадцатая. Тайна корабля	118
Глава пятнадцатая. Поворот событий	127
Глава шестнадцатая. Исповедь космонавтов . . .	133
Глава семнадцатая. Что такое «надо»	139
Глава восемнадцатая. Шарик рассказывает о себе	147
Глава девятнадцатая. Жизнь требует решений	166
Глава двадцатая. Планета Красных зорь	177
Глава двадцать первая. На ничьей земле	199
Глава двадцать вторая. Отмененные решения . .	209
Глава двадцать третья. Воздушный бой	219
Глава двадцать четвертая. О вреде курения . . .	227
Глава двадцать пятая. Предательство роботов	245

Для младшего школьного возраста

Мелентьев Виталий Григорьевич

ГОЛУБЫЕ ЛЮДИ РОЗОВОЙ ЗЕМЛИ

Фантастическая повесть

Ответственный редактор Е. К. Махлая. Художественный редактор Н. З. Левинская. Технический редактор Н. Г. Леканова. Корректоры Т. П. Лейзерович и Г. В. Русакова. Сдано в набор 6/II 1966 г. Подписано к печати 16/IV 1966 г. Формат 60х84^{1/16}. Печ. л. 16. Усл. печ. л. 14,93. (Уч.-изд. л. 12,56). Тираж 75 000 экз. ТП 1966 № 588. Цена 51 коп. на бум. № 2. Издательство «Детская литература». Москва, М. Черкасский пер., 1. Фабрика «Детская книга» № 1 Росглавполиграфпрома Комитета по печати при Совете Министров РСФСР. Москва, Суэвский вал, 49. Заказ № 3534.

*Скан, OCR, обработка
Mouisei 2018 г.*

Цена 51 коп.